

МЕЧТА

*сборник авторских песен
Ирины Агапеевой*

Ирина Агапеева

Жизнь Фэй преподнесла много. Несмотря на имя, она живет не в сказке и, вопреки современному настоящему, терпит порой средневековые унижения. В ее жизни не было радости, пока она не познакомилась с двумя совершенно разными, но близкими друзьями. Они становятся для Фэй спасением, а она, сама того не ведая, спасет их. Они не могут расстаться друг с другом, и их связь продолжалась бы до бесконечности. Ни Фэй, ни ее любовники не в силах сделать выбор. Дружба их сродни любви, она претерпевает все преграды. Но все же Фэй находит в себе силы покинуть родной город.

Много событий происходит за десять лет разлуки, но чувства не угасают и вновь вспыхивают при случайной встрече. Судьба уготовила им еще одно испытание – втроем они попадают в условия дикой природы, где борются за жизнь и любовь.

Сет неторопливо выходил из супермаркета, сжимая в руках бумажный пакет с продуктами. Конечно, пакет был именно бумажный, а не полиэтиленовый, и продукты в нем лежали только самые полезные и качественные, у него по-другому просто не бывало. На мужчине была белоснежная рубашка и невероятно чистые простые синие джинсы. На взгляд любого другого человека джинсы просто по определению не могли такими быть. А у Сета Моргана были. И носил он все это небрежно, ни на секунду не задумываясь над тем, что на нем одето и как сидит. Не замечал он и того, что продукты у него самые свежие, и что его ботинки сами собой обходят лужи, и на них не липнет грязь, как на ботинки большинства людей, выходящих следом за ним из магазина.

Сет подошел к своей машине (конечно, идеально чистой, несмотря на начинающийся дождь) и засунул руку в карман джинсов, доставая ключи. В этот момент кто-то налетел на него, ругаясь при этом самым неблагозвучным образом. Пакет с продуктами упал на асфальт, выпавшая из него бутылка с соком разлетелась вдребезги, покрыв когда-то безупречные джинсы красными пятнами. Он повернулся и увидел девушку, которая стояла, покачиваясь, и кричала кому-то вслед.

— Эй, осторожней, — возмутился Сет.

Незнакомка повернулась, и первое, что он почувствовал, это исходящий от нее запах спиртного, затем молодой человек увидел, что она вся перемазана, как если бы неоднократно падала в лужу. В руке у девушки мелькнула горящая сигарета, и Сет тут же заметил грязные туфли и дешевую сумку. Молодой человек неосознанно отступил на шаг назад, отодвигаясь от девчонки, но в этот момент она неловко повернулась, ее нога подвернулась, и она завалилась прямо на Сета, которому ничего не оставалось, как подхватить ее, испытывая при этом невыразимое отвращение от запаха алкоголя, дешевых сигарет и вынужденного объятия с грязнулей. Молодой человек попытался оттолкнуть незнакомку, но та почему-то стала сползать на землю, и несчастный Сет был вынужден продолжать поддерживать ее. Воспитание этого юноши не позволяло опустить на землю девушку, какие бы чувства она не вызывала.

— Эй, — снова сказал он, — держись на ногах. — Он встряхнул свою ношу, а она обмякла в его руках так, словно умерла.

«Да она отключилась», — подумал Сет, и его затрясло от возмущения. В такую дурацкую ситуацию он еще никогда не попадал.

Придерживая спящую царевну одной рукой, юноша беспомощно огляделся по сторонам. На стоянке супермаркета он увидел еще две машины, кроме его собственной, но не людей, а накапывающий дождь вряд ли способствовал прогулкам.

«Проклятие!», — выругался про себя молодой человек и, придерживая девушку одной рукой, другой достал ключи от машины. Нажав на брелоке кнопку, Сет открыл заднюю дверцу машины и впихнул туда девчонку. Хорошо хоть она была легкой, почти невесомой для него. Осмотревшись по сторонам и опять никого не увидев, Сет захлопнул дверцу и сел за руль своего новехонького «ауди». Оглянувшись назад, Сет увидел, что девушка, уткнувшись носом в сиденье, не подает никаких признаков жизни. Молодой человек, вздохнув от всей нелепости данной ситуации, завел мотор, и машина тронулась с места. По дороге он размышлял, что практически совершил киднепинг, и никто ничего не видел. Но

что ему оставалось делать? Бросить ее одну на асфальте? Затащить в супермаркет и попытаться объяснить охране, почему он хочет оставить эту девушку, пребывающую без сознания, у них в магазине? По большому счету, пусть законодательно его и не могли бы обвинить в оставлении в опасности, но чисто по-человечески это было неправильно. Ну, хорошо, он предполагал и не без оснований, что девица просто пьяна в стельку и, по всей видимости, это просто какая-то бродяжка, но воспитание, манеры и все остальное, чем его пичкали с самого рождения, не позволяли бросить женщину одну на улице, кем бы она ни была. «Я приеду домой и проверю ее карманы. Быть может, у бедолаги есть какие-то документы». Он, конечно, сильно в этом сомневался, но иного выхода не видел. Отвезти ее в полицию Сет Морган даже не помышлял, ведь там их явно ждали бы неприятности. Особенно учитывая то, кем он был. А вернее его семья. Злые языки могли тут же интерпретировать данную ситуацию не в его пользу, и тогда уже на следующий день во всех газетах красовались бы премилые заголовки. Моргану всегда приходилось думать, что он делает и как, и он не мог позволить себе многого из того, что позволяли его друзья или сверстники.

Подъехав к своему дому и выключив мотор, Сет вновь оглянулся на девушку. Она мирно спала, практически не изменив позу, с тех пор как «похититель» запихнул ее словно мешок в машину. Мужчина вышел из машины, открыл заднюю дверь и вытащил спящую девушку на улицу. Перекинул ее через плечо, пошел через двор к задней двери, чтобы никто из соседей не увидел его неподобающего поведения. Под ноги Сету бросился его пес, огромная кавказская овчарка, так что хозяин чуть не упал со своей ношей. Отворив калитку, внес девушку в дом и попытался разуться, но с девицей на плече сделать это оказалось невозможно. Поэтому он в нерешительности помялся в холле, а потом впервые в жизни прошел по паркету в грязной обуви. Из-за того, что ему пришлось это сделать, раздражение усилилось еще больше. Сет дошел до комнаты для гостей и просто-таки сбросил свою ношу на кровать, с облегчением вздохнув. Включил свет и приступил к осмотру. Лица видно не было, она опять уткнулась носом в кровать, но Морган смог лицезреть коротко стриженные черные волосы, бесформенное пальто и грязные туфли. Эти туфли сразу же привлекли его внимание, и как бы молодому человеку ни было противно, он наклонился и снял их, потому что видеть, как кто-то лежит на шелковом покрывале в грязной обуви, было вдвойне противней. Теперь ему предстояла еще более неприятная процедура — обыск карманов. Похлопав по ее пальто, Сет нащупал что-то твердое и решительно засунул руку в карман. Выудив на свет небольшой кошелек, он раскрыл его и увидел смятую мелкую денежную купюру и больше ничего. Перевернув «гостью» на другой бок, Сет нашел второй карман и извлек из него мятую полупустую пачку дешевых сигарет. Больше в карманах ничего не оказалось. Сет, задумавшись, сидел рядом и смотрел на незнакомку, не зная, что еще можно сделать. Девушка мирно сопела, ее глубокое дыхание говорило о крепком сне. «Ну что ж, надеюсь, она не проснется раньше меня», — подумал похититель. Встал, открыл форточку, потому что решил, что свежий воздух явно пойдет ей на пользу. Постоял минуту, раздумывая над тем, не стоит ли ему укрыть незваную гостью, но потом решил, что пальто достаточно теплое, а он и так сделал для нее достаточно, поэтому Сет просто выключил свет и вышел из комнаты, осторожно прикрыв дверь.

Пит пребывал в особом расположении духа. Сегодня он провернул очень удачную сделку. Не совсем законную — да чего уж обманывать себя — совсем противозаконную, но это его ничуть не смущало, потому что жизнь его не была сладкой, и ничего ему не давалось легко.

Оставшись еще в пятнадцать лет один с матерью-инвалидом, он должен был заботиться о ней. Но, вопреки всему, он не был озлобившимся или уставшим безразличным ребенком, которого угнетает подобная жизнь. Вовсе нет! Он делал это с радостью, потому что мать у него была замечательной. Питер был очень привязан к матери, и к заботе о ней не относился как к долгу или вынужденной обязанности, а как к чему-то само собой разумеющемуся. Равно и как отец, которого любили все, кто хоть немного знал его и до сих пор вспоминали, хотя после его смерти прошло уже много лет. Сызмальства Пит хотел во всем походить на отца, которого практически не помнил, но очень много знал о нем от его друзей, и поэтому мальчик всегда пытался сделать мир чуточку лучше и пытался поставить себя на место другого. Это была его особенность, его дар, так сказать. Он умел сопереживать и понять любого, что совсем не свойственно мальчишкам его возраста. Из-за этого к Питеру тянулись люди, его просто обожали все компании, и наперебой приглашали повеселиться. Но это не давало стабильного заработка и никак не могло помочь становлению молодого человека, поэтому приходилось крутиться и добывать свой хлеб, скрывая от матери, каким образом он имеет то, что имеет, и как он умудряется поддерживать такую относительно неплохую жизнь и себе, и ей.

А сегодня Питер еще и закончил отношения, которые, уже довольно продолжительное время, тяготили его, и которые давно следовало прекратить, да все было как-то не вовремя. Но, когда этой ночью он явился за полночь домой, такой веселый от удачной сделки и вина, она сама сделала за него то, что он до сих пор откладывал. Вылив на ночного гуляку ковш воды, она вытолкала бывшего возлюбленного за дверь, а следом вышвырнула сумку с его вещами. И от этого весьма предусмотрительного действия Пит пришел в такой восторг, что загорланил песню и, подхватив сумку, решил выпить еще вина. Ночь была просто великолепна, накрапывал мелкий дождь и в состоянии, в коем пребывал Питер, этот дождик казался просто манной небесной, вино — изумительным, воздух сладким, а жизнь необычайно прекрасной. Как бы ни была велика эйфория, молодой человек понимал, что заявиться к матери в два часа ночи в таком виде — мокрым и пьяным — он не мог. Тогда Пит отправился в единственное место, куда мог пойти, как к себе домой в любом состоянии. Благо, что такое место у него было.

Дом Сета, его друга, практически брата, встретил веселого Пита темными окнами. Только фонарь возле ворот слабо освещал улицу. Для Пита этот дом до сих пор был олицетворением богатства, власти и неприступности. Хоть он и приходил сюда, как к себе домой, но своим домом никогда не смог бы назвать. Слишком большая разница существовала между тем местом, где он вырос и этим особняком. Пит как можно тише прошел во двор и навстречу ему выскочил верный Бакс, облизал руку и опять убежал патрулировать свои владения. Пес обладал чувством долга, как и все в этой семье, подумал Пит, и его обязанностью было охранять хозяина от всех врагов на вверенной ему территории,

а она была не маленькой — почти гектар. Правда по всему периметру стояли датчики движения и глухой забор, но Бакс все рано считал, что всю ночь должен неустанно охранять территорию. А поспать можно и днем.

Пит зашел через заднюю дверь, как и хозяин дома за несколько часов до него. Здесь в тишине и кромешной темноте огромного дома Пит подумал, что будить хозяина все же не очень удачная мысль, и молодого человека тут же потянуло в сон, потому что свет он зажигать не собирался. Скинув ботинки, Пит увидел, как один отлетел довольно-таки далеко от того места, где ему положено было оставаться, и, ухмыльнувшись про себя, подумал о реакции Сета, когда тот увидит его ботинки, разлетевшиеся по дому, а не стоящие аккуратно на полочке там, где им положено. Сумку с вещами он бросил здесь же, потому что тащить ее теперь казалось непосильной задачей. Его пальцы прошли по полированному дереву, которым был отделан холл, и опустились в пустоту. Он думал, как бы не опрокинуть что-то ужасно дорогое, а в этом доме все было таким, поэтому Питер, лавируя между предметами, добрался до первой же гостевой комнаты, нащупав приятную гладкую деревянную ручку. Он видел ее много раз при свете дня: резную и старую, покрытую лаком, поэтому погладил как старого друга, и зашел внутрь. Кровать манила, и он ринулся к ней, споткнувшись обо что-то. Когда молодой человек все же добрался до мягкого ложа, то уже почти спал, но успел подумать: «Странно, что у Сета что-то валяется на полу, да еще и в гостевой комнате», — после чего парень погрузился в объятия Морфея.

3. Фэй

У нее болело всё: голова, почему-то руки, спина... Глаза... Она попыталась открыть глаза и солнечный луч, проникнув через веки, принес нестерпимую боль, и девушка зажмурилась. Так... Потянуться, распрямиться... Кровать качнулась. Какая мягкая, как желе, подумала Фэй, и после этого ей пришлось открыть глаза, чтобы посмотреть на эту странную кровать. То, что Фэй увидела, привело ее в замешательство: она лежала на боку, одетая в пальто, которое было ей велико. Девушка запуталась в нем как в коконе, поэтому ее движения оказались скованы, а руки и ноги затекли. Но это ладно. Напротив кровати находилось английское окно во всю стену, прикрытое легким светлым тюлем, который колыхался от свежего ветерка. Сбоку стояла прикроватная тумбочка с настольной лампой. Тумбочка выглядела старинной, массивной, явно неподъемной. Лампа тоже походила на произведение искусства: из яркого разноцветного стекла, она наверняка создавала красивые блики, если ее включить вечером. Комната не была похожа на номер в отеле, от всего веяло роскошью. В таких помещениях Фэй и не бывала никогда раньше. Конечно, она смотрела телевизор и видела всякое, но видеть по телику и самой очутиться в такой комнате — большая разница. Она лежала на противном шелковом покрывале, которое скользило, и на ощупь было, словно живое. «Кто я и что здесь делаю?», — подумала девушка про себя и улыбнулась. Кто она такая? Несомненно — Фэй Эппл, а вот что она тут делает...

Фэй всегда норовила уйти из дома под вечер. Днем она училась, и практически не бывала дома, но, когда наступал вечер, приходилось туда возвращаться. Дом... Там ее могли ждать две вещи. Либо одинокая бессонная ночь, которая длилась и длилась, и не хотела заканчиваться, либо пьяный отец, который мог появиться в любой момент, чтобы устроить скандал. У скандала мог быть разный конец, но все сводилось к тому, что ее могли поколотить или просто выгнать вон на улицу и (или) разбить какие-то ценные для нее вещи. В принципе в этом и заключался весь сценарий, который повторялся из года в год. Правда, когда она стала старше, папаша заявлялся домой все реже и реже. Он мог месяцами не появляться, но потом все равно приходил. И вот это ожидание ночью того, что сейчас раздастся звук открываемой двери, потом грохот его тяжелых пьяных шагов по коридору и потом.... Это и приводило к бесконечным бессонным часам. В те же ночи, которые она проводила вне стен своего дома, Фэй спала как уставший ребенок. Это обстоятельство и объясняло то, что она проспала всю ночь в незнакомом доме и ни разу не проснулась. Даже несмотря на противное покрывало и слишком мягкую кровать. Фэй потрогала матрас, на котором лежала, и пришла к выводу, что это перина. Фэй даже фыркнула, подумав: «Какими надо быть напыщенными, чтобы спать на перинах? Я что очутилась в средневековом замке? Как в тех фильмах, где героиня, непонятно каким образом, оказывается в прошлом».

Фэй попыталась восстановить события вчерашнего вечера, но все было как в тумане. Она гуляла с Юджином, потом они пили, потом играли в бильярд, снова пили... Что-то смутно всплыло: они поругались и... что дальше? Провалы в памяти ее беспокоили и раньше, но прежде она никогда не просыпалась непонятно где. Фэй перевернулась на спину и вздрогнула: и непонятно с кем. Сердце бешено заколотилось и ее затошнило. Рядом лежал мужчина. Он приоткрыл один глаз и спросил:

— Тебе не холодно?

Фэй молча ткнула пальцем в свое пальто. Он улыбнулся:

— Так сними его.

Фэй подумала, что это верное решение. Она не ощущала никакой угрозы от лежащего рядом незнакомца, а судя по тому, что они оба были полностью одеты, исключала и то, что между ними была близость. Девушка сняла пальто и легла рядом с незнакомцем, а он, удовлетворенно вздохнув, обнял ее одной рукой и вновь заснул. Фэй боялась шелохнуться и лихорадочно пыталась вспомнить, кто это такой и как она сама здесь очутилась, но попытки были тщетными, голова раскалывалась, и Фэй не нашла ничего лучше, чем тоже заснуть.

Сколько Пит себя помнил, жизнь всегда его вынуждала о ком-то заботиться. То ли он был по складу характера такой, то ли жизненные ситуации его таким сделали, но он никогда не бывал равнодушным. В раннем детстве — бездомные собаки, позже в школе — слабые дети, которых все шпыняют. В школе его любили как забитые новички, так и бывалые хулиганы. Все хотели с ним дружить, а все девчонки были в него влюблены. Потом с его матерью случилось это несчастье, и мальчик заботился о ней. Если он сходил с девушкой, то просто не в состоянии был ее бросить первым, и ему приходилось ждать, когда она сама уставала от него. А это обязательно рано или поздно происходило, потому что благодаря своему характеру, он был слишком непостоянным, чересчур много у него водилось приятелей и слишком много женщин искали его компании. Это вызывало ревность, а то, что он не мог никому отказать и посреди ночи бежал спасать кого угодно в пьяной драке или за сто километров от города чинить машину малознакомого приятеля, вызывало раздражение. В итоге то, что сначала казалось столь романтичным и красивым, при совместной жизни вызывало негодование. Подобный образ жизни Пита приводил к упрекам, недопониманию и разрыву. Поэтому серьезных отношений у него в его двадцать четыре года не было ни с кем, и жил он как перекасти-поле, оставаясь верным только своей матери и Сету.

В их городке Сет появился, когда Питу было десять. Полгорода наблюдали, как приехали фургоны и разгружали вещи в самый большой особняк в их городишке. Говорили, что это фамильный особняк, но он много лет простоял пустым, а несколько месяцев назад началась его реставрация, и теперь дом просто-таки блестел и сверкал в ожидании своих владельцев. За кованой решеткой хорошо просматривался сам дом и подъездная аллея. Здание не было старинным, но архитекторы сделали все, чтобы он выглядел именно таким. Широкая лестница вела к массивным деревянным дверям, а вот что скрывалось за ними, никто не знал. Рабочие, обустранивавшие дом, были приезжими, как и фирма, которая устанавливала сигнализацию. Естественно сам дом и его новые обитатели вызвали огромный интерес у жителей городка. Вот потому полгорода и высыпало на улицу, чтобы наблюдать за прибытием обстановки дома. Но вся мебель и картины оказались затянуты чехлами, так что людским взорам открылось не так уж много. А новые жильцы в тот день так и не появились. Приехали они спустя неделю, поздним вечером, так что за их прибытием почти никто не наблюдал и не знал, что дом наконец-то обрел своих хозяев.

Пита в то время вообще не было в городе, он гостил у своей тетки, домик которой находился на берегу реки, и там была просто удивительная рыбалка и свежий воздух. Мать считала, что мальчику его возраста просто необходимо проводить лето, бегая босиком по траве, купаться в реке, лазать по деревьям и не думать больше ни о чем кроме этого. Поэтому она настаивала, чтобы каждое лето он отправлялся к тетке и проводил там два месяца. В общем-то, от его дома в городе до тетки был всего час езды на машине, но воздух и природа здесь были, несомненно, лучше.

В то лето Пит часто исследовал старые заброшенные дома в деревушке, где жила тетка. Дома тянулись вдоль дороги — выбирай любой. Деревушка вымирала, никто не хотел переезжать сюда, поэтому дома просто оставляли. И в них можно было обнаружить

множество полезных и просто интересных вещей для мальчика его возраста. Люди, покидая дома, оставляли там историю: картины, старые фотоальбомы, журналы, книги. Даже когда он стал взрослым, то помнил те ощущения, когда он нашел старую книгу о Шерлоке Холмсе и до вечера читал ее, сидя на деревянном полу старого заброшенного дома.

Однажды он нашел бутылку виски и чувствовал себя невероятно крутым, распивая старое пойло прямо из горлышка на чердаке какого-то дома. В тот вечер его тошнило как никогда раньше, но об этом он не стал рассказывать друзьям, только про виски.

Еще был старый нож. Пит не знал ценный ли нож и насколько он старый, но мальчику нравилось держать в руках гладкое отполированное дерево его рукоятки, и он не расставался с ним ни на секунду с тех пор как нашел. Ему нравилось придумывать разные истории про этот нож, и Питер подолгу тренировался, бросая его в деревья и представляя, что это враги, а он спасает кого-то.

Несомненно, Пит был хорошим ребенком, добрым и с чувством ответственности. Но, как и многие мальчишки его возраста, он постоянно попадал в переделки. Падал с деревьев и заборов, рвал одежду, сломал руку, дрался со старшими ребятами и участвовал во всех проказах друзей.

Тем летом они с друзьями решили поджечь сарай одного из заброшенных домов. Лето стояло жаркое, дождя не было уже месяц, и мальчишки поспорили, сколько времени потребуется, чтобы строение сгорело дотла. Проказники понимали, что если подует ветер, то загореться может вся деревня и это приведет к плачевным последствиям. Но день стоял безветренный, а когда дети начинают подначивать друг друга, что-то кто-то струсил, то назад дороги уже нет. Детская бравада может свернуть горы.

И вот друзья разложили в сарае сено и одновременно побросали зажжённые спички в разных углах, чтобы ответственность в случае чего была коллективной. Поначалу ленивый огонек очень быстро стал разгораться, перебираясь от одной кучки сена к другой. Мальчишки стояли, ухмыляясь, наблюдая за делом своих рук. Они находились внутри, но спасительный выход был совсем рядом, и никому не хотелось оказаться тем, кто первый испугается и уйдет. Поэтому они продолжали стоять, подначивая друг друга, а огонь добрался до стены и начал свои несмелые попытки поджечь ее. Сарай был полностью деревянный, через потолок проходили круглые деревянные балки, а на возвышении располагался небольшой помост для сена. К помосту вела лесенка, на которой осталось всего несколько перекоз. Вдруг с этого помоста раздался какой-то звук, шорох, и мальчишки задрали головы вверх. К помосту уже тянулись язычки пламени, а сверху на них смотрел кот. Обычный серый уличный кот. Мальчишки глядели на животное, не отрывая глаз, а кот смотрел на них. Потом он увидел пламя и издал протяжное мяуканье.

— Я его достану, — тут же вызвался Пит и направился к лестнице.

— Пит, стой! Ты чего, это же кот. Ему такая высота нипочём, сам спрыгнет. А нам надо убираться отсюда, — закричали мальчишки наперебой.

Когда эти слова были кем-то произнесены, уже не было необходимости строить из себя героев, и дети, радостно толкаясь, стали выбегать из сарая. Но Пит видел, что кот явно не собирается прыгать вниз. Понимая опасность огня, он наоборот пытался забраться выше, попытавшись запрыгнуть на балку. Кот сорвался на помост, испуганно мяукнув, и посмотрел Питу в глаза. Пит со своей патологической неспособностью оставить кого-то в беде направился к лестнице. Огонь пока что сюда не добрался, и мальчик с легкостью вскарабкался на помост, перелезая через отсутствующие ступеньки с опытом мальчишки, все

свободное время проводящего на деревьях и заборах. Дикий кот явно не привык к присутствию людей, поэтому тут же ринулся в сторону от Пита. По всему периметру сарая проходили деревянные перекладины, слегка выступающие, и кот тут же запрыгнул на одну из них. Остановившись под ним, Пит попытался достать кота, но тот ловко ударил спасителя лапой, расцарапав руку до крови. Решая, что же делать дальше, Пит совсем не смотрел по сторонам. У него была задача, и она требовала решения, он полностью погрузился в нее, пока не услышал вопль:

— Пит, лестница!

Он обернулся на крик и увидел, что лестница занялась огнем, да и вообще весь сарай уже горел не на шутку. В считанные минуты огонь поглощал сухое дерево, набирая обороты с бешеной скоростью. Кот от страха издал еще один истошный вопль, и Пит, уже не раздумывая, схватил его за шерсть и стащил вниз. Он взял его за холку и прижал к себе, а кот вырывался и царапался, ничего не понимая от ужаса.

Питер бросил взгляд в сторону лестницы и понял, что туда дороги больше нет: она полыхала, и огонь вот-вот доберется до помоста. Кот, обессилив, притих, только его сердечко стучало так же быстро как сердце мальчика. Остальные дети толпились у входа, в ужасе взирая на друга, замурованного огнем. Они отталкивали друг друга, чтобы лучше рассмотреть его гибель.

Пит беспомощно осмотрелся по сторонам, потом запрокинул голову и увидел над собой небольшое окошко, забранное стеклом. Дотянуться до него он бы смог, но разбить стекло в таком положении представлялось невозможным. Бедный Питер стоял и смотрел на кусочек синего неба в этом окошке. Оно было такое мирное и спокойное по сравнению с огненным кошмаром, разверзнувшимся под ним. Дети думают, что они неуязвимы, что они будут жить вечно...

И Пит был не исключением. Что-то происходило где-то и с кем-то, но не с ним. Это была аксиома для всех детей. И вот теперь Пит понял, что это не так. Дыхание огня уже гладило его ноги, и он осознал, что вот сейчас он станет историей, останется только на фото в доме его матери.

И тут в окне он увидел лицо. Это был мальчик года на два младше него, но Пит подумал, что это ангел. Ангел занес кулак и ударил стекло.

полетели Питу в лицо, но он машинально прикрылся свободной рукой. Другой он все так же сжимал кота, который притих окончательно. На лоб Питу что-то капнуло, и он обнаружил, что это кровь мальчика, которая стекала с протянутой ему руки.

Пит молча протянул кота в эту руку. Мальчик сжал его, не обращая внимания на кровь, и поднял несчастного зверька. Поставив его на крышу, снова протянул руку Питу. Его не пришлось уговаривать, он ухватился за спасительную руку, подтянулся до оконной рамы и, упершись ногой в перекладину, на которой недавно сидел кот, вылез на крышу.

Кота уже и след простыл, а незнакомый мальчик сказал:

— Сюда, — и улегшись на спину, быстро заскользил вниз. Пит последовал его примеру и съехал так до самого края крыши, уткнувшись ногами в небольшой козырек, выступающий над стеной. Напротив оказалась большая старая груша, на ветку которой ловко перепрыгнул мальчик, а до него, по всей видимости, и кот.

— Прыгай, — сказал он Питу, а сам стал спускаться вниз. Раздумывать Питер не стал. Он просто сделал то, что ему велел его ангел-хранитель и весьма удачно перепрыгнул на дерево. Спуститься вниз было делом нескольких секунд.

Сидя на земле, мальчики наблюдали, как сарай полностью охватило пламя. Через какое-то мгновение огонь переметнулся и на грушу и вскоре от нее остался только обгоревший ствол, на котором, по непонятной причине, огонь и прекратил свое существование. Перепуганные дети, сбившись в кучу, открыв рты, смотрели на Пита и его спасителя. Они увидели их уже после того, как сарай догорел.

— Как тебя зовут? — спросил Пит мальчика.

— Сет, — ответил он, протягивая руку.

***

В то утро Пит чувствовал себя превосходно. Он всегда хорошо переносил спиртное и на утро практически не ощущал бурной ночи. Молодой человек проснулся с ощущением чего-то очень приятного и еще немного полежал с закрытыми глазами, вспоминая, что вызывало в нем это чувство. Вспомнил удачную сделку и на душе стало невыразимо приятно, вспомнил, как он шел к Сету разделить с ним радость... Еще о наконец-то закончившихся отношениях... Ах да... Девушка... Питер открыл глаза и посмотрел на девчонку, которую он все еще продолжал обнимать. Первое, что пришло ему в голову: она очень худая и слишком бледная. Лицо он мог видеть только в профиль: она лежала на его руке, глаза закрыты. Черные ресницы, черные, волосы и очень бледная кожа. На девушке было черное короткое платье. С ее худобой весьма опрометчиво одевать черное, которое оттеняло и без того бледную кожу, но это придавало незнакомке трогательности и беззащитности. Он попытался высвободить руку, но девчонка тут же открыла глаза и уставилась прямо Питу в глаза. Их лица оказались примерно в десяти сантиметрах друг от друга. Девушка приподнялась, а Пит убрал руку и сел на кровати.

— Привет, красавица, — сказал он, улыбаясь.

— Привет, — произнесла спокойно, но Пит увидел настороженность в глазах девушки. Его жизненный опыт и внимательность к людям всегда позволяли видеть такие вещи, он умел читать по глазам и порой мог начать выдавать то, что человек думает, словно телепат и это повергало людей в изумление. Какие огромные у нее глаза, подумал Пит, но какие-то злые, враждебные. Черты лица правильные, маленькое овальное лицо, аккуратный нос, красивые губы и эти огромные глаза. Стрижка очень короткая, под мальчика. На вид ей было около восемнадцати, и Пит недоумевал, откуда такая настороженность в таком возрасте.

Незнакомка молчала, вопросительно глядя на него, но и он решил молчать. Потому что не знал, кто она и что здесь делает и уж если на то пошло, то Сет вовсе не тот человек, который приводит в дом посторонних девушек. Может это его родственница, и я поступил просто ужасно, скомпрометировав бедную, зависящую от чужого мнения девушку, думал в это время Пит, разглядывая ее. Но тут же откинул эту мысль, понимая, что родственница Сета, даже если бы таковая и нашлась, вряд ли выглядела бы вот так и спала в пальто.

— Ну и как тебя зовут? — не выдержал Пит, потому что она явно не собиралась нарушать тишину.

— А что вчера не спросил? — ответила она.

Пит удивленно приподнял бровь, а потом ответил:

— Сегодня я тебя увидел первый раз. Я пришел к другу и зашел в первую же комнату для гостей и улегся спать.

— Понятно. Здесь есть... умывальник?

— Да, вон та дверь, — показал Пит.

— Прямо, как в гостинице. Красота, — с явным сарказмом ответила Фэй и отправилась

в ванную комнату.

Пит при этом недоуменно смотрел ей вслед. Обычно богатство Сета вызывало у всех благоговение и желание угодить ему, ну, а заодно и ему, Питу, как его лучшему другу. А здесь скорее наоборот, презрение. И все та же злость в глазах. Господи, где Сет ее откопал? И как он вообще мог привести ее в дом? В свою «святая святых», куда практически никто не ходит с тех пор, как умерли его родители.

Когда Фэй вышла из ванной комнаты, ее лицо приобрело розовый оттенок от холодной воды, и она улыбалась. Пит аж задохнулся от этой неожиданной перемены. У девчонки была просто потрясающая улыбка, которая придавала ей такой нежности и очарования, будто это был совсем другой человек. И великолепные, ровные белые зубы — очень красивые.

— Ну вот, совсем другое дело, холодная вода творит чудеса, — весело сказала она. Она приняла душ и снова одела свое черное платье, однако колготки одевать не стала, выкинув их в ведро. — Голова просто раскалывалась, но теперь все в порядке. Никогда больше не буду пить.

— Ага, и я тоже, — улыбнулся Пит.

— Кстати, я Фэй, — она протянула ему руку.

— Классное имя. А я Пит, — ответил он.

— Сказать по правде я очень хорошо выпалась у тебя на руке, — а потом, подумав, добавила, — и, несмотря на эту перину. Ты знал, что здесь перина?

Пит расхохотался, и она присоединилась к нему. Питу было стыдно смеяться над традициями семьи Сета, но он ничего не мог с собой поделать.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Сет.

Он замер на пороге на едва заметное мгновение и, взяв себя в руки, вошел в комнату.

— Сет, — радостно воскликнул Пит, — я пришел поделиться с тобой радостью, а на утро обнаружил подарок.

Сет неприязненно взглянул на девушку:

— Как вам спалось? Все в порядке? — в его голосе неприязнь слышалась еще сильнее.

— Да, все было просто великолепно, — в тон ему ответила девушка.

Пит недоуменно смотрел то на одного, то на другого, совсем не понимая происходящего.

— Пит, можно тебя на пару слов? — спросил Сет. Потом, обращаясь к Фэй:

— Прошу нас извинить, — и вышел из комнаты.

Пит пожал плечами и двинулся вслед за Сетом. Друг ждал его за дверью и, оттащив в сторону, прошептал:

— Это бродяжка. Она вчера наткнулась на меня на парковке и уснула у меня на руках. Мне ничего не оставалось, как погрузить ее в машину и привезти сюда. Я положил ее на кровать, и она проспала здесь всю ночь. Думаю, что она не знает, где она и как сюда попала, но когда выйдет за ворота, то сразу поймет. И тогда это не сыграет мне на руку, она может обвинить меня в похищении или того хуже... Она наверняка захочет поймать с этого какую-то выгоду...

— Сет, ты что... Я не верю своим ушам. Ты на парковке похитил девушку и привез ее к себе в дом?

— Все было совсем не так...

— Выглядит все именно так. Да, друг, в твоем положении, ты просто... попал. Кстати, не думаю, что она бродяжка. Она... чистая... что ли... — Пит не нашел слов, чтобы описать

свое впечатление от Фэй.

— Это неважно. Или даже хуже...

— Нам надо не выпускать ее отсюда до темноты, потом посадим ее в машину и отвезем домой.

— Она вчера была просто неприлично пьяна, наверняка, она не откажется и сегодня...

— Ладно, друг. Мы ее напоим, узнаем адрес и отвезем домой. Хотя мне и не нравится эта затея, но лучшего ничего придумать не могу.

Они вернулись в комнату для гостей. Фэй сидела в кресле, но при их появлении встала и официальным тоном сказала:

— Ну что ж, спасибо за гостеприимство, но мне пора. Проводите меня, пожалуйста, до дверей и я больше вас не побеспокою.

Она взяла свои туфли и видимо смутилась, оттого, что они были очень грязными, поэтому спрятала их за спину и взяла пальто.

— Нет, нет, мы просто обязаны продолжить наше знакомство, — весело затараторил Пит. — Предлагаю отметить все это чашечкой свежего кофе, здесь просто удивительная кофеварка, — увидев протест в ее глазах, он продолжал, — я просто настаиваю. Я проснулся в одной постели с девушкой и ничего о ней не знаю. Ну, пожалуйста, не оставляй нас сейчас одних.

Сет угрюмо молчал. Он не умел притворяться, и вся эта ситуация его просто ужасала, поэтому он не придумал ничего лучшего, чем сохранять молчание.

Пит, не давая Фэй возможности сказать хоть слово, забрал у нее пальто и туфли, сунул их возмущенному Сету, приобнял и направился на кухню.

Кухня в этом доме была такой же великолепной, как и то, что Фэй смогла рассмотреть по пути сюда. Все ультрасовременное, блестящие поверхности и невероятная для кухни чистота.

— Здесь что никогда не готовят? — спросила Фэй.

— Сет прекрасно готовит, но живет один, так что готовить ему особо не для кого.

— А моет он все сам?

— Ах, ты об этом... Да, у него патологическая страсть к порядку и чистоте. Все должно быть чистым и лежать на своих местах.

— Странное поведение для мужчины. Похоже на фобию, — ехидно заметила Фэй.

В этот момент за ними следом вошел Сет, и она замолчала.

— Я сейчас сварю кофе.

Хозяин ловко достал красивые чашки, засыпал кофе в кофеварку, потом расставил молочник, сахарницу и чашки. Эти приготовления напоминали чопорное чаепитие в Англии, все какое-то вычурное, как на картинках. Никакой тебе обычной чашки с глупой надписью и банки с сахаром.

Пит продолжать болтать без умолку. У него получалось поддерживать непринужденную дружескую атмосферу, хотя он заметил, что Фэй и Сет практически не говорят друг с другом. Видимо, она не помнила, как оказалась здесь и спросить не решалась, а друг не знал, как она отреагирует на то, что произошло.

— Я вчера заключил невероятно удачную сделку, потому предлагаю отметить это радостное событие капелькой коньяка. Ты как, Сет?

— Разве я могу тебе отказать в такой радостный момент? К тому же сегодня выходной.

Фэй поднялась на ноги и сказала:

— Ну что ж, на этой радостной ноте я покину вас, празднуйте, а мне пора. Очень приятно было с вами познакомиться...

— Нет, нет, нет, не будет мне радостно, если ты уйдешь, милая. Я не могу отпустить тебя.

Пит видел, что она боится. Читал страх в ее глазах, как в открытой книге. Вся его натура упиралась обманывать ее, но нужно было помочь Сету. Сам Сет из этой ситуации не выпутается. Фэй встала и подошла к окну. Ищет пути отступления, понял Пит. Странная девушка настороженно наблюдала за ним, за Сетом и думала, как удрать. Это было очевидно. Видимо ее жизненный опыт подсказывал, что все происходящее неспроста. Девчонка не могла не заметить настороженность хозяина дома. Да и вся ситуация в целом не могла не вызывать подозрений. Потому что дурочкой она не выглядела. Кем угодно только не глупой восемнадцатилетней девчонкой. Эти глаза... Слишком выразительные. В них наверняка читает не только он, а и все, кто в них посмотрит. Ей можно и не произносить слов, а просто посмотреть и все становится ясно.

Она выглянула в окно. Слава богу, что кухонное окно выходило на небольшую террасу, и не было видно того великолепного парка и вековых деревьев, которые знал весь город. Фэй задумчиво рассматривала террасу, когда в окно заглянул Бакс. Увидев ее, незнакомку, он хрипло зарычал, а она, резко отпрянув от окна, чуть не упала.

— Это Бакс, он охраняет... нас, — поспешил объяснить Пит. Но увидел, что страха в ее глазах прибавилось.

Фэй промолчала и подошла к столу. Кофе действительно был великолепным.

— Давайте перейдем в гостиную, — предложил Сет, но Пит, вспомнив открывающийся из окна гостиной вид, тут же встрял:

— Лучше в малую гостиную, там как-то уютней, а то эти огромные комнаты меня угнетают. Надо в них вырасти, чтобы чувствовать в них себя как дома.

Фэй вновь промолчала. Они поднялись и отправились в гостиную, где действительно было уютно: два мягких кресла, напротив — аккуратный диванчик, а посередине столик. Небольшое окно задернуто шторой, отчего в комнате царил полумрак, и не верилось, что на улице солнечный день. На стене висели большие старинные часы, и Пит заметил, что время уже перевалило за полдень. В это время года темнело достаточно рано, что-то около шести вечера, так что оставалось продержаться ее здесь всего шесть часов. Да уж, всего! Целый день, если быть точным. Конечно, в веселой компании за выпивкой время пробежало бы незаметно, но с этой настороженной девушкой, которая только и думает, как бы ей удрать, это казалось нелегкой задачей.

Фэй поспешно села в кресло, и Пит понял, что странная девушка боялась, что кто-то подсядет к ней на диване. Разлив по бокалам коньяк, Сет принес кое-какую закуску и накрыл стол. Пит уже привык к вычурности этого дома, к его обычаям и условностям, но понимал, что для простого человека это все слишком... Не понять, что она очутилась в очень богатом доме, просто невозможно, а сложив два и два, она вполне могла узнать, кто такой Сет.

Выпив коньяку, Фэй немного повеселела и расслабилась. На щеках заиграл румянец, и в глазах появился блеск. Атмосфера становилась более непринужденной, и Пит решил разведать обстановку:

— Так скажи, дорогая, как же вы познакомились с Сетом?

— Эту часть истории мы оставим для него. А, Сет? Расскажи?

Сет, по всей видимости, давно готовился к этому вопросу, поэтому он вполне спокойно ответил:

— Да ты ж сама свалилась вчера мне прямо в руки, и, почувствовав себя там, видимо, очень комфортно, тут же уснула. Скажи, ты всегда засыпаешь на руках у незнакомцев?

Фэй покраснела:

— Нет.

Пит заметил, что девушка практически не пьет, что сводило весь их план к нулю, и тут он почувствовал, что сам незаметно перебрал. Этот коньяк был двадцатилетней выдержки. Он не подумал об этом. Да еще и вчерашние две бутылки вина...

«Господи, как я умудрился попасть в такую передрагу?», — подумал Сет. Он заметил, что его другу уже достаточно пить, слишком поздно. Тот умиротворённо захрапел на диване, положив голову на руки, а он остался наедине с ней. И что теперь делать? Он не сможет развлекать ее весёлыми беседами, как это умеет Пит. А девица вроде и не ждала этого. Равнодушно посмотрев на спящего Пита, спросила:

— А где можно покурить?

— Пойдем, покурим, — обрадовался Сет.

Он повел ее в помещение, которое теперь использовал исключительно как курильню. Это была полностью застекленная терраса на втором этаже. Когда родители были живы, он любил сидеть здесь с матерью и разговаривать обо всем, любясь закатом. На балконе, примыкающем к террасе, стояло множество растений — мать их обожала. Можно было открыть окна и ты, сидя на диване, словно оказывался в саду. Вечером здесь всегда было очень тепло из-за солнца, и в детстве он приходил сюда подремать после обеда или почитать книжку. Все дети в это время носились по улицам на велосипедах или играли в войну, но маленький Сет предпочитал полежать здесь и почитать. Возможно, причиной тому было и то, что соседние мальчишки относились к нему настороженно и не спешили делиться с новичком своими тайнами, ведь его отец судья... Его настоящим другом на всю жизнь был только Пит, который сейчас сладко спал внизу.

Девушка прикурила и, подняв одну ногу на диван, положила на нее руку сигаретой. Сет почувствовал запах дешевых сигарет.

— Может, покуришь мои? — предложил он, пододвигая пачку.

Фэй, хмыкнув, глянула на него исподлобья, затушила свою сигарету и подкурила его.

— Значит, богатенький маменькин сыночек?

Она сказала это тихо, но с таким нажимом в голосе, что Сет вздрогнул. А потом повернулась и посмотрела ему в глаза. Прямо, уверенно. Сет просто опешил. Это было так нагло. Он не ожидал такого поворота. Он вообще не думал, что можно вот так задать подобный вопрос. Не вопрос даже, а утверждение. С таким презрением к нему, словно весь этот дом его не красил, а уродовал. Как такое может быть? Он чувствовал, что должен что-то ответить и не мог заставить себя произнести ни слова. Да и что он мог сказать? Его не учили отвечать на такое.

Нахалка продолжала смотреть на него с вызовом. Словно решила на что-то и бросилась в омут с головой. Во всяком случае, вид у нее был именно такой. Шальной какой-то. И его на какой-то миг это испугало. Он тут же разозлился на себя. Как он может ее бояться? Это смешно, в ней весу сорок пять килограмм, а веса в обществе, наверняка, вообще никакого. Тогда как за ним, за Сетом Морганом, вся мощь его семьи, его клана. Да даже если она пойдет и все растрезвонит о нем, ну и что? Кто ей поверит? Теперь его опасения казались ему смешными и какими-то надуманными, глупыми. Чего они не отправили ее восвояси сразу, как только она проснулась?

Сет смотрел на девушку, в эти ее злые глаза, обычно карие, но здесь, в солнечном свете, отливающие янтарем, на белую прозрачную кожу, и ему хотелось ее. Хотелось подавить, чуть ли не придушить от того, что она заставила его испытать страх, а еще, впервые в жизни,

стыд. Стыд за то, что он богат. Как будто бы он кичился этим или пускал пыль в глаза. Он жил как привык, как жил много лет до нее, он и не знал другой жизни и не видал ее. Нет, конечно, он смотрел телевизор и читал книги, но тот мир выглядел каким-то ненастоящим книжно-киношным. Да и был ему всего двадцать один год, в таком возрасте еще не пришло время задумываться над подобными вещами.

Она опять равнодушно отвернулась, словно и не произносила тех слов, которые перевернули все у него в душе. Внешне это было незаметно, но у Сета внутри все кипело. Он наблюдал, как она курит: спокойно, не обращая на хозяина дома никакого внимания, как будто его здесь и нет. Она была такая бледная, какая-то призрачная, и он почувствовал эрекцию. Это просто невероятно, подумал он, но желание подавить ее вылилось именно таким образом.

— Раздевайся, — хрипло сказал он.

Девчонка спокойно посмотрела на него, видимо грубые слова совсем ее не удивили.

— Нет.

— Лучше сделай это сама, — в голосе зазвучала угроза, и она не могла не услышать ее. Но гостья просто продолжала сидеть и смотреть на него.

Тогда Сет подошел и стал расстёгивать пуговицы на ее платье. Девушка не сопротивлялась, в ее глазах читалось, что она понимает, что это бесполезно. Ее сорок пять килограммов против его восьмидесяти. Он был большим и крепким, и всю жизнь занимался спортом, это сразу бросалось в глаза. Сета бесило, что вышло так, что она предугадала его действия, ее это ничуть не удивило, а он опять остался в проигрыше, потому что оказался таким предсказуемым. Под конец Сет просто сорвал ее платье и сказал:

— Какая красота, вы только посмотрите на это.

Для такой худышки у нее была очень красивая грудь. Небольшая, но великолепной формы, круглая и белоснежная.

— Думаешь, я не видела? — Сет слышал злость в ее голосе. Но теперь уже дороги назад не было, после того, как он увидел ее обнаженную грудь. Гормоны и коньяк сыграли свое дело. Она и не сопротивлялась, опасаясь, что это может привести только к побоям, а он свое все равно получит. Он сорвал с нее трусики и быстро разделся сам. Потом сел и облокотился на спинку дивана, приподнял девушку и резко посадил на себя. В глубине души он понимал, что совершает нечто совсем нехорошее, но уже не мог остановиться, поэтому-то и усадил ее сверху, чтобы хоть как-то успокоить свой внутренний голос. Его сильные руки приподнимали ее и опускали, а его член входил и выходил все быстрее и быстрее. А она просто закрыла глаза и, казалось, что ее здесь и нет. Есть просто потрясающие ощущения. Ощущение власти и силы, какое-то разрушительное животное начало взяло вверх над всем его воспитанием и хорошими манерами. Было чувство, что он обладал чем-то, чем не мог обладать больше никто в мире. Его пальцы впились ей в спину, а лицом он уткнулся ей в грудь и, откинув все мысли, просто наслаждался. Он кончил слишком быстро, ему бы хотелось продлить это удовольствие, но тело и тут не послушалось его.

Фэй тут же открыла глаза, слезла с него и с издевкой в голосе произнесла:

— Ну, вот и все, теперь тыпустишь меня домой, Сет Морган?

Сет опешил, он еще не восстановил дыхание, и сердце выстукивало чечетку. Она удачно выбрала момент, понимая, что именно сейчас мужчина наиболее уязвим.

— Очень сложно было понять, кто ты такой. Я поняла это сразу, как только услышала твое имя.

Девушка повернулась, чтобы взять свое платье, которое к счастью не пострадало, и Сет увидел у нее на спине страшные кровоподтеки.

— Стой, что это у тебя? — сердце пропустило удар, — я... прости...

— Не переживай, это не ты, — со злостью сказала Фэй и натянула на себя платье.

Сейчас весь хмель из головы Сета улетучился, и он был готов провалиться сквозь землю.

— Так что могу я уйти? Или еще и твоего друга обслужить? — потом она смягчила голос, — послушай, я не собираюсь никому ничего говорить. Да и кто мне поверит? Кто я, а кто ты? — она озвучила то, что он думал совсем недавно. Потом тихо добавила:

— Я просто хочу домой.

— Да-да, пойдем, я провожу тебя.

Странная парочка спустилась вниз. Сет принес ее пальто и туфли, и молодые люди вышли во двор. Бакс равнодушно взглянул на них из своего домика. Раз хозяин рядом — значит все в порядке.

При других обстоятельствах Сет устроил бы ей экскурсию по саду. Он был очень красив. Садам занималась его мать, когда была жива, а после ее смерти он посчитал, что обязан поддерживать все в таком же состоянии, что было и при ней. Сет Морган гордился этим садом и всегда с удовольствием показывал все растения. Но теперь он видел, что его гостья спешит убраться отсюда, как можно скорей. Фэй шла и смотрела исключительно себе под ноги и явно не была настроена любоваться парком.

Они дошли до калитки и, когда он открыл ее, девушка бросила на него прощальный злой взгляд. Сет все еще не мог заставить себя раскрыть калитку шире и выпустить ее. Это значило расстаться на такой грустной ноте, и что-то внутри Сета противилось этому. Весь его здравый смысл говорил, что он должен сказать что-то, загладить как-то свою вину... Но Фэй протиснулась в узкую щель и, больше ни разу не взглянув на хозяина особняка, заспешила прочь от него и его дома, как от огня.

Удрученный Сет вернулся в гостиную, где спал Пит. Он налил себе еще коньяка и осушил полбокала одним махом, а потом сидел и просто смотрел на Пита, пока тот наконец не открыл глаза.

— Ой, я что заснул? Простите, — Пит обезоруживающе улыбнулся, как делал это всегда. Но в этот раз Сет не ответил на его улыбку.

— А где она? — Пит огляделся по сторонам.

— Ушла.

— И ты ее отпустил?

— Пит, она поняла, кто я. Удерживать ее не было смысла.

— Ты дал ей денег?

— Нет, я ее изнасиловал.

Пит мог бы подумать, что Сет пошутил, но по выражению его лица он понял, что это правда.

Он все думал, что бы такое сказать, но не мог вымолвить ни слова. Только не Сет. Он весь такой благородный, с достоинством и честью, и какими-то старомодными принципами и правилами. Здесь, в доме его предков... Девушки и так его обожали, зачем ему кого-то насиловать? Пит спросонья и похмелья туго соображал и недоуменно смотрел на друга.

— И знаешь, что самое страшное? Ее еще и кто-то бьет. У нее вся спина синяя. Есть свежие, а есть и уже практически не видные кровоподтеки.

— И ты это видел и все равно....

Сет заорал на него первый раз в жизни:

— Я не видел! Пошел ты, Питер!

Он вскочил и почти вышел из комнаты, потом остановился и спросил:

— Как ее зовут?

— Фэй. Фамилии я не знаю.

Сет вышел, хлопнув дверью, чего никогда прежде не делал.

Фэй практически бежала. Она смотрела себе под ноги и боялась поднять глаза. Слезы катились по щекам, а она не могла их остановить.

Когда девушка поняла, что это Сет Морган и что она оказалась пленницей в его имении, то была уверена, что ее убьют. Она понятия не имела, как развлекались эти богатенькие ублюдки, но ей представлялись исключительно картины насилия. Услужливая память подсунула сцены травли собаками, воображение рисовало какие-то тёмные казематы, где ее будут неделями мучить, а потом сунут в какой-нибудь мешок и выкинут в овраг. Когда Фэй поняла, что ее отпускают, от облегчения полились слезы. Та цена, которую пришлось заплатить за освобождение, была ничтожна.

Слава Богу, мучители не знают ее фамилии — только имя, и не смогут, испугавшись чего-то, снова ее разыскать. Естественно она не собиралась никому ничего рассказывать. Да и кому? Пьяному отцу? Фэй надеялась, что он не поджидает ее дома. Еще одного негодяя сегодня она не вынесет. Девушка мечтала забраться в очень горячую ванну и лежать в ней, пока не станет плохо, и мысли будут только о том, что надо выбираться и ложиться спать. И никакому Сету Моргану не останется места в ее голове. Хорошо хоть, что этот Сет не был грубым и не сделал ей больно. По правде говоря, он был даже красивым. Хотя эти мысли тут же вызвали волну ненависти.

Как же она ненавидела этих богачей! Ненависть ее просто душила. Они думали, что такие как она, не люди. Да что там! Они вообще не думали, что такие как она, существуют. Зачем думать, если тебе все дается легко в этой жизни. Уже кто-то подумал, когда ты родился, уже были семейные традиции и обычаи, и тебе надо просто их выполнять. Легко. Школу сыночку выбрали, колледж тоже. Все будущее прописали вперед. А тебе еще и повезло родиться красавчиком. Как все-таки несправедлива жизнь!

И этот Сет ведь ничем не лучше обычного парня. Ходил весь такой задумчивый и загадочный со своими фарфоровыми чашками и молочниками, со своим мерзким коньяком (сколько там у него было выдержки?), а потом оказался обычным скотом, таким же, как водитель-дальнобойщик, который не может держать себя в руках после ящика дешевого пива. Но к дальнобойщикам и всякой швали она была готова и могла постоять за себя, а с этим все было по-другому. Она так боялась, что ее убьют или покалечат, что заставила себя засунуть гордость куда подальше. Ничего, она и не такое переживала, она все переживет и еще станцует на могилах всех ее обидчиков!

Так, теперь главное не попасться в лапы к отцу, если он, не дай бог, заявился домой. Подходя к дому, недавняя пленница замедлила шаг и осторожно заглянула в калитку. Фэй жила в крохотном домике, с небольшим крылечком, вокруг которого буйно разрослась дикая вьющаяся роза. Этот розовый куст начинал цвести весной и радовал своими бутонами до самой поздней осени. Пожалуй, он был единственным, что она любила в этом городе.

Дверь оказалась закрытой, и это хороший знак. Обычно, когда отец приходил, входная дверь оставалась распахнутой. Он мог сидеть на крыльце и курить, либо завалиться спать, но дверь не закрывал. Как-то раз Фэй попыталась запереться на засов, но он вышиб окошко рядом с дверью, ворвался в дом и задал ей трепку. Обычно отец бил ее палкой или ремнем по спине, ногам и рукам, но никогда по лицу. В тот злосчастный день ей досталось как

никогда прежде. Озверевший пьяный мужчина потерял свое лицо, избивая дочь и швыряя в нее все, что попадало под руку. Он бросил тяжелую вазу, и она достигла своей цели, ударив Фэй в висок. Девушка потеряла сознание и очнулась в больнице. Она смутно помнила, что произошло, но заявлять на отца побоялась.

С тех пор стекло в окошко так никто и не вставил, и Фэй заколотила его фанерной полкой из шкафа. После того случая она опасалась закрываться на засов.

Вообще у ее родителя была другая семья: жена и сын. Он приходил к дочери только когда напивался и не мог показаться на глаза своей новой жене. По всей видимости, его угнетало такое положение вещей, поэтому свое недовольство мужчина выражал на Фэй. Все сводилось к упрекам, что она не его ребенок, что ее повесили бедному олуху на шею, как хомут, его заставили принять отцовство, потому что он — благородный человек. А потом ее мать (сука проклятая) бросила несчастного рыцаря с хомутом на шее, нашла другого дурака и предалась разврату и легкой жизни.

Фэй подозревала, что вторая жена положила глаз на этот домик, и они мечтали избавиться от Фэй.

Еще не время, утешала себя Фэй, потерпи еще немного.

Девушке удалось поступить в колледж, и она жила на мизерную стипендию, которой еле-еле хватало на продукты. На книги денег не оставалось, поэтому Фэй почти все время проводила в библиотеке, что и служило причиной ее бледности, ведь Фэй практически не бывала на солнце. Ей оставалось доучиться всего год, и тогда она планировала уехать из этого городка и от ненавистного отца, куда-нибудь в мегаполис, найти работу и, конечно же, разбогатеть. Но пока приходилось терпеть побои и жить завтрашним днем, что было делом нелегким, ведь в молодости так хочется жить, а не ждать! А тут еще и этот Сет...

Как она вообще умудрилась на него наткнуться? Фэй этого не помнила. Обычно она пила мало, и небольшая доза водки могла вырубить ее. А Юджин видимо подлил водку в коктейль, и ее понесло...

Этот гад, наверняка, рассчитывал наконец-то с ней переспать, но получил прямо противоположный эффект. Когда Фэй выпивала, вся ее злость выливалась наружу, на любого, кому не посчастливилось оказаться рядом. Всю неудовлетворенность жизнью и обиду на окружающий мир в трезвом состоянии девушке удавалось держать при себе, но в моменты опьянения она себя уже не контролировала. Видимо Юджину хорошо досталось. Ну и черт с ним. Все равно он ей страшно надоел. Вечно чего-то от нее хотел, а сам ничем не думал ей помочь. Видя, в каком плачевном состоянии ее дела, он ни разу не предложил помощь. Хотя постоянно признавался в любви и ходил за ней как собачонка.

Фэй зашла во двор, поднялась по крыльцу и открыла дверь, спрятанным под коврик ключом. В доме все было тихо, присутствия отца не наблюдалось. Это давало повода расслабиться, ведь он мог прийти в любой момент. Хотя, скорее всего, днем он все-таки не заявится, потому что работает. А вот вечером...

Ладно, можно пока об этом не думать. Фэй прошла в ванную комнату и включила воду, набирая ванну. Выйдя, она окинула взглядом свой дом, где повсюду за кружевными салфеточками и выцветшими занавесками притаилась нищета. После дома Сета контраст был очевиден. Девушка вернулась в ванную и закрыла дверь на щеколду. Затем разделась и погрузилась в горячую воду. Фэй попыталась расслабиться, но у нее, как и прежде, ничего не вышло: она прислушивалась к звукам дома, к случайным скрипам и шорохам. Несчастной девушке всегда мерещились какие-то голоса, вздохи, шаги. Если неприкрытую форточку

ветер ударял о стену, сердце ее начинало выпрыгивать из груди. Когда кто-то, перепутав адрес, стучал в дверь, колени начинали дрожать. Так прошло все ее детство. Раньше отец приходил чаще, сейчас намного реже. Видимо он не мог не заметить, что дочь выросла и может обратиться в полицию. На двери своей комнаты Фэй установила крепкие засовы и попросила знакомого обить дверь железом, так что там она оставалась недоступной для пьяного отца. Это было проверено. Дверь выдержала часовую осаду, когда отец пытался добраться до нее. Он бросался на дверь как зверь, потом стал угрожать и уговаривать выйти, но Фэй осталась непреклонной. В конце концов он обессилел и завалился спать, а проснувшись, ушел, не сказав ни слова, и не возвращался два месяца. Тогда Фэй ощущала победу, хоть и просидела в комнате десять часов, без туалета и воды.

Выйдя из ванны, Фэй замоталась в полотенце и как мышка проскользнула к себе в комнату. Задвинув засовы, она наконец-то почувствовала облегчение. Скинув полотенце, повернулась к зеркалу и посмотрела на свои синяки. Это занятие стало привычным, она делала это почти неосознанно, даже не представляя каково это: не смотреть на побитую спину. Никогда даже не задумывалась над тем, что настанет время, когда спина будет белой и гладкой. Вспомнив глаза Сета, в тот миг, когда мерзавец увидел ее спину, она ухмыльнулась. Вина в его глазах была приятна и принесла некое удовлетворение. Фэй умела выкинуть из головы все ненужное. Если бы не это умение она сошла бы с ума, в тех жизненных обстоятельствах, где судьба заставила ее оказаться.

Так, завтра у нее экзамен. Надо сосредоточиться на учебе и выкинуть всех недостойных мужчин из головы.

Насколько Сет знал историю своей семьи, они сколотили состояние в девятнадцатом веке на торговле всем, что приносило прибыль. Это были и апельсины, и сталь, и зерно. Позже разрастающаяся семья проникла в политику, и вот уже на протяжении пятидесяти лет все члены его семьи были либо промышленниками, либо занимали крупные политические должности.

Его отец несколько отошел от традиций и стал федеральным судьей штата. Однако, не вдаваясь в причины своего поступка, он отказался от этой должности спустя несколько лет. Он решил вернуться в родной дом его родителей, который простоял пустым около тридцати лет. Судья не был амбициозным и рассчитывал дожить свой век в этом доме вдали от политических разборок. Что-то в его жизни пошло не по плану, и над многим не были властны деньги его семьи, и все вышло так, как вышло. Он считал, единственное, что ему осталось — это вырастить достойного сына, такого, чтобы он мог им гордиться. Судья считал, что маленькому мальчику совершенно ни к чему расти в центре мегаполиса, прячась от папарацци, которые, даже после того, как он отошел от дел, все равно норовили пробраться к ним во двор. Он хотел сыну свободы и спокойствия, места, где ребенок может стать личностью сам, а не под влиянием клана. Он вспомнил о старом доме родителей, в котором они проводили лето когда-то, и принял решение покинуть большой город. Этим поступком он перечеркнул всю прежнюю беззаботную жизнь сына. Теперь Сет стал последней надеждой отца на то, чтобы убедить себя в том, что прожил жизнь не зря. В общем, в своем стремлении вырастить достойного сына он, как и многие другие родители до него, перегибал палку.

Однажды мама неосторожно сказала Сету о том, что он не должен разочаровать отца, и с тех пор мальчик рос в постоянном страхе не угодить отцу. Теперь маленький Сет всегда пытался прыгнуть выше головы, ждал одобрения и расстраивался, если его успехи были хуже, чем у друзей. А когда его привезли в эту глушь, то стало просто невозможно проявить себя. Школа была посредственной, никакими достижениями похвастаться он здесь не мог, а местные дети не хотели с ним дружить. Он был для них чужаком. К тому же его отец стал судьей в этом городке, что не могло способствовать их сближению. А родители потенциальных друзей работали у него в саду или в доме.

До тех пор, пока Сет не познакомился с Питом, он был одинок.

После их знакомства жизнь приобрела смысл, и мальчишка стал-таки своим среди чужих. Но стремление добиться чего-то в глазах отца никуда не делось, и он все равно большую часть времени проводил за книгами. Чаше всего, когда его звали на вечеринку, он отказывался, потому что готовился к контрольной или экзамену. Никто не понимал странного паренька и считал чудаком, но его принимали. И этого Сету было достаточно.

Отец настоял, чтобы сын изучал юриспруденцию, рассчитывая, что это даст ему возможность занять, в конце концов, видное место, достойное их клана.

Сету, вопреки опасениям отца, нравилось то, что он изучал. Но когда родители внезапно погибли в автокатастрофе, возвращаясь из путешествия, все его достижения показались бессмысленными и не нужными. Уже не надо было никому ничего доказывать, перед кем-то демонстрировать знания и навыки. Сет разогнал всю прислугу, оставив только

садовника, и на месяцы замуравал себя в доме.

Намного позже Сет все же решил окончить колледж, но учился уже не с таким рвением, просто прежние знания помогали ему продвигаться дальше. Учиться ему оставалось всего ничего, и он не представлял себе, чем займется в будущем. Воссоединиться с семьей, которую последние двенадцать он лет видел только от случая к случаю, ему совершенно не хотелось.

Сет набрал номер полицейского участка.

— Добрый день, соедините меня, пожалуйста, с Оливером Стоуном. Это Сет Морган.

На другом конце трубки раздался щелчок, потом раздался веселый голос:

— Сет, рад тебя слышать.

Оливер Стоун был другом его отца и считал, что обязан помогать мальчику, потерявшему родителей. Он неоднократно приглашал Сета к себе на ужин, на рыбалку, пострелять из ружья, сходить вместе в поход или отправиться в горы. Но тот упорно отклонял все его приглашения. Сет прекрасно понимал, насколько необычным выглядел его звонок.

— Я тоже, Оливер.

— Я так понимаю, у тебя есть какое-то дело ко мне?

— Да. Мне нужна информация. Хочу найти девушку, которая живет в нашем городе. Имя Фэй. Возраст около восемнадцати. Буду рад любой информации, Оливер.

— Это все, что ты заешь о ней? Фэй, восемнадцать лет? Не густо... — хмыкнул Оливер. — Что ж, я попробую, хотя ничего обещать не могу. Позвони ближе к вечеру, договорились?

Вечером Сет с нетерпением набрал номер полицейского участка. Оливер, обрадовавшись возможности пообщаться с Сетом, все же пригласил молодого человека на ужин:

— Там и поговорим. Мне не совсем удобно на работе обсуждать с тобой этот вопрос.

Оливер уже много лет был в разводе и жил один в небольшой квартире, где было по-спартански неприхотливо и чисто. Все свое время он проводил на работе, потому и не стремился к обустройству жилища. Мужчины поужинали жареным стейком, и Оливер предложил Сету пиво. Устроившись на диване, Оливер наконец решил перейти к делу, ради которого Сет пришел к нему в гости. Полицейский достал тоненькую папку и протянул ее Сету.

— Повезло то, что Фэй, оказывается, довольно редкое имя. Во всяком случае, в нашем городе. Одна Фэй восьмидесяти восьми лет от роду, скончалась в прошлом году, а вторая — Фэй Эппл, девятнадцати лет. Думаю, именно ее ты ищешь. Фото самой девушки здесь нет. Правда есть вот это, — Оливер открыл паку и предъявил Сету снимок, на котором он мог рассмотреть синяки и ссадины, почти такие, как он видел совсем недавно.

Глаза Сета вспыхнули:

— Да, это то, что надо.

— Пару лет назад, судя по записям, она попала в какую-то историю. Ее доставили в больницу без сознания с этими следами побоев. Врачи были обязаны сообщить в полицию, но она отказалась разговаривать с нами. Говорила что-то невнятное, про то, что упала, хотя было ясно любому, что ее избили. Ребята пытались установить, кто это сделал. Опекуном девчонки был отец, который проживал с новой семьей по другому адресу. Подозревали, что

Фэй живет одна, но доказать это не смогли. Отец все отрицал и выглядел заботливым. Короче дело закрыли.

— А ты что думаешь? — спросил Сет.

— Я поговорил с человеком, который вел это дело, и он признался, что уверен, что это был ее отец. Но так как она сама на него доносить не стала, а доказательств не было никаких, ему пришлось оставить все как есть.

— Понятно, — угрюмо сказал Сет.

— Здесь два адреса, не знаю, по какому из них живет она или ее отец, но это все, что удалось найти.

— Этого вполне достаточно, спасибо Оливер.

Они посидели еще какое-то время, вспоминая родителей Сета и разные случаи из прошлой жизни, как и положено при таких встречах, а потом тепло распрощались.

***

Покинув дом Оливера, Сет сел в машину и отправился по одному из адресов, тому, что оказался ближе.

Тихая улица, ни единой живой души вокруг. Табличка на углу дома подсказала, что Сет прибыл точно по адресу. Большие каштаны почти скрывали маленькую калитку, ведущую во двор. Сет остановился возле нее, выключил мотор и просто сидел в машине. На часах было около девяти часов вечера, улицу освещали фонари, и он не сомневался, что никто не пройдет незамеченным. Его ожидания не остались напрасными. Через некоторое время юноша увидел фигурку, показавшуюся из-за угла. Она подошла ближе, и Сет тут же узнал пальто. Подойдя к калитке, девушка не спешила в нее войти. Остановившись, заглянула в щель, потом достала фонарик и посветила во двор. Луч света полоснул входную дверь, после чего она, выключив фонарик, пошла к дому. На крыльчке зажегся свет, скрипнула дверь, и она зашла внутрь. Сколько Сет ни ждал, света в доме он так и не увидел.

Он сверился с тонкой папкой, которую ему отдал Оливер и завел мотор. Второй адрес оказался на другом конце города, но вечером улицы пустынные, и юноша доехал туда за считанные минуты.

Дом, к которому Сет подъехал на этот раз, был небольшим и аккуратным, выкрашенным свежей краской. Его окружал невысокий заборчик. На лужайке перед домом виднелась детская горка и скамейка. Дом разительно отличался от того, где Сет только что побывал. Все ухоженное, видно, что дом любили и вкладывали в него деньги, а также не жалели ничего для ребенка, живущего в доме. Дорогая горка служила тому доказательством. На крыльце перед домом стола плетеная мебель и фонарь хорошо освещал двор. В окнах также горел свет, за легкими шторами просматривались силуэты людей.

Сет сидел в машине и наблюдал. Сегодня был вечер пятницы, и вполне возможно, что в доме гости. Либо, жильцы ждут кого-то. Возможно отца семейства?

Примерно через час дверь открылась, и на пороге показалась милая семейная пара, которая прощалась с хозяевами дома. Потом раздался голос:

— Подождите, я провожу вас, — на пороге появился еще один человек, рослый мужчина. Он на ходу накинул куртку и вышел вслед за парой. Компания шутила, какое-то время их веселый смех разносился вдаль на пустынной улице. Сет увидел, что друзья, дойдя до перекрестка, распрощались. Пара повернула за угол, а мужчина легкой походкой зашагал назад.

Сет вышел на улицу и прислонился спиной к машине, поджидая хозяина дома.

Когда мужчина поравнялся с ним, то притормозил и очень вежливо произнес:

— Добрый вечер, могу я вам чем-то помочь?

— Можете, — сказал Сет, — вы ведь Дэмьен Эппл?

— Да именно он, к вашим услугам, — отозвался человек, казалось, обрадовавшись.

— Благодарю, — ответил Сет, и его кулак врезался в улыбающееся лицо. Сет никогда не занимался боевыми видами спорта, но каждодневные тренировки в спортзале и на скалодроме, сделали его тело сильным и выносливым.

От первого же удара человек осел на землю, но Сет, приподняв его одной рукой, другой нанес ему еще один удар, а потом еще и еще. Он даже не пытался убедить себя, что делает это для Фэй. Он сделал это для себя и получил несказанное удовольствие.

Когда Сет понял, что еще немного и человек потеряет сознание, он перестал наносить ему удары и отпустил. Мужчина лежал на земле, в десяти метрах от своего благополучного дома и стонал.

— К сожалению, не прихватил с собой палки, — сказал Сет, — но думаю, суть ясна. Если ты еще раз придешь к своей дочери, не имеет значения зачем, я приду и сломаю тебе обе руки. Что ты смотришь на номера моей машины? Не утруждайся. Меня зовут Сет Морган, и если ты сунешься в полицию, то тебя посадят на всю оставшуюся жизнь. Это понятно?

На уже распухшем до неузнаваемости лице читалось такое удивление, что Сет получил огромное удовольствие. Он встал и еще раз с силой ударил его в лицо ногой, а потом сел в машину, завел мотор и уехал, оставив отца Фэй лежать посреди улицы.

В то лето, когда Сет спас ему жизнь, они стали неразлучны. Приятелей у Пита все равно было хоть отбавляй, но друг был один. То, что Пит завел дружбу с Сетом, только подняло его в глазах окружающих. Хотя Сет и был на два года младше Питера и его друзей, в интеллектуальном развитии он опережал многих. Его положение и деньги предоставляли доступ к таким развлечениям, которые для простых смертных мальчишек были за гранью мечты. Отец Сета регулярно вывозил их в тир, а иногда и просто за город пострелять по банкам; каждые выходные мальчишки тратили по два часа, чтобы добраться до большого города и посетить скалодром. Для Пита это место казалось сказочным.

В свою очередь Пит показывал Сету все свои тайные места, водил по заброшенным домам и делился самым сокровенным. Каждый летний день, пока Пит жил у тетки, Сет садился на велосипед и исследовал окрестности. Сын судьи выходил рано утром, закидывал за плечи рюкзак с обычным содержимым: с водой, едой и книгой и отправлялся в путь. Именно эта его привычка в тот знаменательный день и спасла жизнь Питера. По своему обыкновению Сет, обнаружив укромное местечко на природе, устроился под деревом с книгой и бутербродом, и тут увидел группу мальчишек, подкативших на велосипедах к старому сараю. Отложив книгу, Сет с любопытством наблюдал за ними. Вскоре стало понятно, что затеяли ребята, а также и то, что случилась беда.

Сет признался Питу, что не считает свой поступок чем-то выдающимся.

— Я просто был сторонним наблюдателем, поэтому у меня было больше шансов оценить ситуацию правильно. Со стороны было хорошо видно и окошко, и дерево. Конечно, я не знал, что творится внутри, но рискнуть стоило.

Занятия на скалодроме не прошли даром, и забраться на крышу не составило труда.

Но Пит был не согласен: тогда как другие просто смотрели, Сет спас его, рискуя сам сгореть заживо.

Благодаря Питу, Сета приняли все окрестные мальчишки как деревенские, так и городские. Правда, в школе они учились в разных классах, но это не мешало их дружбе. Когда началась учеба, Сет много времени проводил дома за учебниками, уезжал с отцом по его делам, сопровождал маму в походах по магазинам, но выходные друзья всегда проводили вместе.

Вскоре Пит стал частым гостем в особняке Морганов. Его веселый нрав не оставил равнодушными ни отца, ни мать Сета и они просто обожали этого улыбчивого мальчишку. К тому же они радовались, что у замкнутого Сета, наконец, появился друг.

Пит обладал способностью влюблять в себя окружающих. Его широкая улыбка и искренняя забота обо всех на свете обезоруживала любого. Когда ему исполнилось четырнадцать, все девчонки его возраста были в него влюблены и добивались его внимания. Он умел обходиться с ними мило, и каждая рядом с ним ощущала себя королевой. Ей казалось, что именно она, наконец, приворожила его. Питер умел в каждой найти что-то особенное, и так непринужденно об этом говорил, что девушке казалось, что ночи напролет думает Пит только о ней.

В конце концов, такая влюбленность окружающих сыграла с ним злую шутку. Завистников хватало во все времена, и Пит не стал исключением. Когда ему исполнилось

пятнадцать, в соседнем районе образовалась группа старших ребят, которые «сдружились» против Пита. Их бесило, что все лучшие девчонки достаются ему и заодно его близким друзьям.

Возраст мальчишек еще оставлял за собой какие-то принципы, поэтому бить Пита из-за угла никто не собирался. Главарь той шайки решил честно вызвать Пита на бой и разукрасить того так, чтобы больше он никому не нравился. Пит со своими ребятами тоже был не прочь подраться, ведь без этого невозможно взросление ни одного уважающего себя парня.

Подростки воспринимали все происходящее крайне серьезно. Младшие ребята работали посыльными и пару дней передавали записки, где соперники уговаривались о встрече и правилах боя. Встречи несколько раз срывались, из-за того, что кто-то сливал информацию, тогда как драчунам была нужна полная тайная. Поэтому все было оговорено — переговорено много раз и в итоге об этой встрече знал весь городок. Естественно кроме родителей, которые почему-то всегда остаются в неведении о таких вещах, считая, что их дети самые лучшие и прилежные ученики, никогда не дерутся и не грубят старшим.

И вот в пятницу после обеда Пит, и его команда в составе четырех самых проверенных ребят отправились за город на встречу.

Сет, конечно же, был в курсе происходящего, но его положение просто не позволяло участвовать в подобных мероприятиях. Да и остальные, хоть и принимали Сета как своего, но в таких делах, вели себя с ним насторожено. Его отец был судьей, а друг отца — полицейским детективом. Поэтому, случись, что с ним, всем грозило наказание серьезней, чем отстранение от занятий.

Да и вообще Сет выступал против этой встречи и отговаривал Пита, как мог, считая, что тому совершенно незачем и нечего доказывать этим придуркам. Здесь мнения их расходились, и Пит хоть и не говорил этого вслух, считал тогда, что Сет все-таки еще слишком молод, чтобы понять мужские разборки.

Наконец они добрались до места. Древний, заброшенный и полуразвалившийся дом был им ориентиром. Так повелось, что этот дом уже два поколения служил местом, где собирались подростки, будь то драка или пьянка. В дом можно было зайти, три стены его и крыша все еще существовали, и, хотя находиться там было небезопасно, всем нравилось это место.

Пит и ребята подошли туда вполне уверенным шагом. Было тихо, по всей видимости, их оппоненты еще не пришли. Компания расположилась возле дома на старых, сваленных в кучу покрышках и стала ждать. Ребята чтобы не поддаться волнению и страху, бодрились и травили байки около часа. Но когда все истории были рассказаны, а соперники так и не появились, возмущению молодежи не было предела. В такой ситуации это было просто вопиюще! Такая трусость! Такое отсутствие чести и мужского слова!

От скуки один из друзей Пита пошел в дом, поискать сигарету, которую он оставлял там в свое прошлое посещение. Через минуту мальчик появился на пороге, опустил на четвереньки и его стошнило. Остальные в недоумении смотрели на него:

— Что такое? Ты чего?

— Посмотрите сами, — он махнул рукой назад, а сам отполз от входа.

Пит с опаской переступил порог дома. Его взору предстала ужасающая картина. Посреди грязного дощатого пола лежал Чейз, главарь шайки и зачинщик их встречи. В груди у него торчал металлический штырь длиной около пятидесяти сантиметров. Этот штырь

пригвоздил мальчика к полу, а лицо его было разбито в кровавое месиво. Пит смог опознать Чейза лишь по светлым волосам и куртке. Немного в стороне от Чейза, высилась груда камней — осыпавшаяся стена дома, а из-под нее торчала нога в кроссовке. Кому принадлежала нога, было непонятно. Пит смотрел на эту картину и не верил своим глазам.

Первое, что пришло на ум, было: «Это могли быть мы». Потом он подумал и решил, что это больше похоже на то, что их подставили. Как только такая мысль пришла ему в голову, он решил, что надо срочно смываться отсюда. Повернувшись, Пит обнаружил, что остался в доме один, а его друзья выскочили на улицу. Питер последовал за ними, но тут еще одна мысль его ошарашила:

— То, что Чейз мертв, не вызывает сомнений, вы согласны?

Остальные молча закивали. Они не хотели смотреть ни на Пита, ни друг на друга.

— Но, мы не знаем, что с другим. Я считаю, мы должны проверить.

Ребята в ужасе смотрели на Пита, из бравых драчунов тут же превратившись в детей.

— Ни за что, Пит. Он мертв, на нем груда камней, — прошептал один из них.

— Это еще ничего не доказывает.

— Пит, тебе вечно надо кого-то спасать. Нас подставили, подумай, как это выглядит. Нам всем крышка.

— Мне плевать, я должен проверить.

Жаль, что со мной нет Сета, вздохнул Пит. Теперь уж он не считал Сета малолеткой, казалось, что только Сет бы его понял и помог в сложившейся ситуации. Но его здесь не было, поэтому Пит пошел в дом один.

Он направился к торчащей ноге и стоял, не зная с чего начать.

— Эй, — Пит наклонился и тронул кроссовку. В сторону Чейза старался вообще не смотреть, хотя лужа крови, которая вытекла из-под тела, источала на жаре очень резкий запах. Пит уже смелее подергал ногу, но движения не было.

— Да, я дурак, — сказал он себе, снял куртку и взял первый камень. Отбросив его в сторону, мальчик понял, что задача предстоит нелегкая, и что провести здесь придется не один час, прежде чем он разгребет этот завал.

Когда он отбрасывал третий камень, на пороге замаячили фигуры друзей. Пристыженные мальчишки молча принялись помогать Питеру в неприятном деле. Работа пошла быстрее. Хотя теперь Пит понимал, что под такой тяжестью никто бы не выжил, он уже не мог пойти на попятную и бросить глупую затею. И что самое неприятное: ему хотелось увидеть, кто же это? Раздирало просто-таки болезненное любопытство. Какой опыт! Разгребая завал представлять, кто же окажется несчастливым обладателем кроссовки? Может Джо, который поколотил его в начальной школе? А, может, Джейк, с которым он когда-то был очень близок, а потом зависть заставила его сдружиться с Чейзом? Но Пит был таков, что ему никого не хотелось там видеть, и он умолял бога, чтобы там оказался кто-то совсем незнакомый, какой-то чужак. Возможно убийца Чейза, которого случайно завалило стеной. Но когда их работа стала подходить к концу, стало понятно, что это не случайность. Показались руки мальчика, связанные сзади. Он без сомнения был мертв: у тела почти не было головы и Пит, отпрянув, подумал, что не хочет знать, как это произошло, из-за камней или по другой причине.

— Пошли отсюда, — пробормотал он. Остальных упрашивать не пришлось, и они пулей вылетели из развалин.

Домой ребята возвращались молча и даже не стали ни о чем договариваться, и

пораженные случившимся, отправились по домам.

На следующее утро Пит еще спал, когда услышал громоподобный стук в дверь. Натянув спортивные штаны, потирая глаза, он отправился открывать дверь, за которой оказались незнакомые люди в полицейской форме.

— Питер Селби, Вы арестованы по подозрению в убийстве Чейза Чепмена и Джейка Гарсиа. Вы имеете право....

Пит не слушал дальше. Значит, Джейк... Он не сопротивлялся и не оправдывался, понимал, что сейчас это бесполезно. Ему разрешили натянуть футболку, а потом застегнули наручники.

Напротив дома стояла полицейская машина, а вокруг нее толпились люди. Это были его соседи, люди с которыми он жил бок о бок много лет. Он видел почти всех жителей улицы, которые смотрели на происходящее, а потом один из них крикнул:

— Эй, Пит, нужна помощь? Ты только скажи!

— Ага, точно, — раздались голоса.

Пит улыбнулся: он и не ожидал другого. Они были хорошие люди, и он сам был хорошим.

— За мамой присмотрите?

— Не волнуйся, все будет хорошо.

В участке уже были остальные участники вчерашнего приключения. Вчера, когда Чейз так и не вернулся домой, его отец поднял на ноги друзей сына, и они признались о предстоящей драке. Замечательно было то, что Чейзу за день до встречи пришло письмо, в котором Пит якобы просил его прийти только с одним другом. Поэтому Чейз не стал брать с собой всех четверых. Отец Чейза и обнаружил сына в заброшенном доме. Остальное было делом полиции, но тут и расследовать нечего — все всё знали, а на месте преступления валялась куртка Пита.

Теперь вопрос был только в признании ребят. И хотя они в один голос рассказывали одинаковую историю, им никто не верил. Кому еще надо было бы совершить подобное? А улики — рвотных масс, отпечатков пальцев, волос и прочего там было предостаточно. Тогда как ничего другого найдено не было. Им грозило пожизненное заключение.

Когда Пита и остальных привели к судье Моргану, Пит уже не мечтал об освобождении. Судья выглядел недоуменным и недоброжелательным. Детектив Оливер Стоун стоял сзади ребят.

И в этот момент дверь зала суда раскрылась, и на пороге появился Сет. Спокойно и лаконично произнес:

— Вы должны арестовать и меня тоже.

— Сет, что ты такое говоришь? — судья подался вперед. — Немедленно выйди отсюда.

— Нет, судья Морган. Я хочу сделать заявление, что вчера весь вечер провел с Питом и могу подтвердить все его слова.

У судьи Моргана открылся рот. Потом снова закрылся, и он ответил:

— Эти открывшиеся сведения меняют наше представление о произошедшем. Надо проверить все еще раз.

В маленьких городках все так и происходит. Кто у руля, тот и правит. В итоге дело до суда не дошло, судья постарался напярочь все свои связи в полиции, чтобы доказать, что мальчики говорят правду, и обвинения с них сняли. Все что ранее осталось без внимания, теперь сыграло значительную роль. Ну, действительно, кто бы стал так себя подставлять?

Ведь все знали о встрече. А зачем откапывать Джейка? Бессмысленно. И так далее.
Вот так вот Сет ангелом-хранителем Пита.

9. Сет и Фэй

Сет не спал уже третью ночь. Он понимал, что не спать трое суток он вряд ли мог, но, ворочаясь всю ночь напролет, просыпаясь каждый час и глядя на светящийся циферблат часов, ему казалось, что глаз он так и не сомкнул. Мысли и образы роились в голове. Его мать, которая учила, что с женщиной надо обращаться очень бережно или хотя бы предельно вежливо, отныне стала частой гостьей его снов и смотрела на него с укоризной. Утром он шел курить на застекленную террасу, и находиться там было невыносимо. Отец, который всегда был увлечен историей и просто сыпал рассказами о былых временах, о благородстве и доблести, об истинно мужских поступках, о справедливости, теперь неодобрительно качал головой, как только Сет закрывал глаза. Истории, поведанные отцом, теперь снились в разных интерпретациях. Фэй, которая, прежде чем войти к себе домой, кралась через двор с фонариком...

А ведь она так и будет жить в страхе. Пусть ее отец больше никогда к ней не придет, но она этого не знает и не узнает. И так и будет сидеть по вечерам в темноте.

Утром Сет проснулся, выпил крепкого кофе, хотя сонливости он не ощущал, скорее наоборот, прилив бодрости от принятого решения. Он принял душ и тщательно оделся. Ни в каком состоянии этот молодой человек не мог выйти из дома в несвежей рубашке или мятой одежде. Так как прислуги в доме не было, он выполнял всю работу сам, но делал это просто автоматически, не считая это работой. Раз в неделю к нему приходила уборщица и делала генеральную уборку, но она всегда говорила, что это самые легкие деньги в ее трудовой жизни.

Сет вышел из дома, выгнал машину из гаража и увидел, что на часах без десяти восемь утра. Подъехав к дому Фэй, он заглушил мотор, решив, что раньше десяти Фэй наверняка не встает, учитывая ее разгульный образ жизни, он приготовился ждать и достал книгу. Однако в восемь пятнадцать калитка отворилась, и Фэй выскользнула на улицу. Она не вышла, а именно выскользнула, оглянувшись через плечо, что сразу бросилось в глаза. Потом она привычным взглядом осмотрела улицу, и ее глаза остановились на машине Сета.

Сет сидел, не шевелясь пока не понял, что машина находится в тени, и девушка его не видит. Незнакомая машина, припаркованная у ее дома, вполне может испугать и без того напуганную девчонку, подумал Сет. Поэтому, отбросив книгу, он вышел и захлопнул дверцу.

— Привет, — сказал он, не зная, что еще сказать.

— А, это ты, — Фэй ответила так обыденно, словно он каждый день ее здесь встречал. Она выжидающе посмотрела на молодого человека.

— Ты куда-то уходишь? Я хотел поговорить с тобой.

— Да. Мне надо в колледж. Я, видишь ли, учусь, — она вскинула руку и посмотрела на наручные часы. — Извини, но я уже опаздываю, — в ее голосе не слышались извиняющиеся нотки, она просто развернулась и пошла прочь.

— Подожди, я тебя подвезу, — крикнул Сет.

К его удивлению Фэй не стала спорить и убегать, остановилась и подождала, пока он заведет мотор и подъедет к ней. Девушка спокойно села на переднее сидение и уставилась в окно.

— Куда?

— На Вашингтон-роуд.

— Мне надо будет поговорить с тобой, но давай это сделаем вечером. Раз ты учишься... — он не успел закончить:

— Удивительно, не правда ли? Не только Вы учитесь.

Сет понял, что она имела в виду под этим «Вы», но пропустил ее реплику мимо ушей.

— Так что — приглашаю на ужин.

Вчера Фэй купила себе новую куртку. Почти на всю стипендию. Юная девушка всегда хочет красиво выглядеть. И хотя Фэй прекрасно понимала, что куртка ей не по карману, но не удержалась. Теперь она испытывала материальные трудности, что было весьма предсказуемо и далеко не впервой, на ужин теперь рассчитывать не приходилось, и Фэй была готова смириться с этим. Поэтому слово «ужин», прозвучало, как нечто весьма заманчивое. Пропустить по стаканчику ее приглашали постоянно, а вот на ужин... да вроде и никогда!

— Хорошо, — тут же ответила она. Сету быстрое согласие показалось подозрительным, ведь он настроился уговаривать и приводить аргументы, убеждать, что он безопасен и не имеет никаких задних мыслей, но все вышло очень просто.

Когда машина подъехала к колледжу, девушка выскочила из машины и, не попрощавшись, ушла.

— Я заеду в семь, — крикнул он вдогонку, так и не поняв, услышала она его или нет.

Фэй казалось, что она знает таких, как Сет. Сейчас он искренне собирался пойти с ней на ужин, а через час встретит друзей и забудет, что приглашал кого-то. Все эти богатеи одинаковые. Плевать им на чувства других людей. Они выросли в иной среде, где их поступками и мыслями движет что-то отличное от образа мыслей обычных людей. Фэй вовсе не была ханжой. И не кривя душой, мечтала стать причастной к богатому миру. В будущем она видела себя не нищей домохозяйкой, а успешной леди. Но сейчас понимала, что она далека от того мира и он ей непонятен. Да, книги, фильмы... разве могут они предать истинную суть вещей? Разве понять ей, что значит потратить за день столько, сколько она и за год не могла потратить? Представлялось это все весьма смутно. С таким же успехом можно мечтать о полете на луну и представлять, как же это здорово — парить в невесомости. Что делало тех людей такими, какими они были? Что заставляло их так поступать? Чего этот Сет к ней приехал? Совесть замучила? Фэй в этом сомневалась. Страх? Может, хочет от нее откупиться? Это больше похоже на правду. И что, взять деньги? Как-то это мерзко. Девушка представила, как они за ужином обсуждают сумму, которую она готова взять, а он согласен дать. «Передайте соль, пожалуйста. Так может тысячу долларов?»

День выдался непродуктивным. Все мысли Фэй были заняты предстоящим ужином и решением, которое ей предстояло принять, а не учебой. Поразмыслив, она решила от денег отказаться, потому что это не вписывалось в ее шкалу ценностей и правильных поступков. Человек в процессе формирования вырабатывает какие-то жизненные принципы, и они помогают понять ему, кто он есть. Если же начать их предавать, то можно потеряться...

Когда занятия закончились, Фэй отправилась к подруге домой за платьем. Подходящего наряда Фэй не имела, а выглядеть уж совсем замарашкой рядом с Сетом не хотелось. Хотя соблазн опозорить Моргана все же был. Но для этого девушке не доставало уверенности в себе.

Дома у Фэй осталось достаточно времени, чтобы совершить весь ритуал, тайно пробравшись в ванную, а потом к себе в комнату. Большого зеркала у нее не было, поэтому

оценить свои труды она не могла, но платье ей очень нравилось. Оно было мягкое и облегающее, темно-бордового цвета. К ее глазам очень шел этот цвет, и помада в тон делала образ завершенным. К тому же у нее была новая куртка: короткая и модная. В общем, вид был не вычурный, и она не выглядела так, словно всю жизнь ждала, когда Сет Морган пригласит ее поужинать.

Ровно в семь в дверь постучали, и она, не заставляя себя ждать, появилась на пороге. Сет был как всегда безупречен, в белоснежной рубашке и черных джинсах. Если бы Фэй не видела его раньше, она наверняка бы подумала, что он так вырядился ради нее. Но она знала, что это не так. Он всегда такой... И как у него это получается? Никаких цветов в руках. «Вот и хорошо», подумала Фэй, потому что это бы ее смутило. Он просто сказал:

— Поехали?

Этот молодой человек, казалось, вообще не замечал в Фэй девушку, не рассматривал ее, вел себя непринужденно, и это не могло не порадовать его спутницу. Хотя, как понимать его поведение, она не знала.

Молодые люди приехали в уютный ресторан, не самый шикарный, но Фэй сюда вряд ли зашла бы когда-то сама или даже с ухажером. Чувствовала она себя вполне уместно, а Сет везде чувствовал себя как дома. Это была уверенность единственного любимого ребенка в семье, к тому же в семье богатой. Здесь его явно не знали, но официанты всегда обладают особым чутьем на состоятельных людей, поэтому вели себя весьма предупредительно. Сет сам сделал заказ, придавая значение мелочам, например, таким как зелень. Его интересовало, где ее выращивали и как. Официант краснел и не знал, что ответить на его расспросы. Тогда Сет обратил внимание на воду, налитую не в тот стакан и молодой официант выглядел так, что готов провалиться сквозь землю. Фэй никогда бы и в голову не пришло приставать к людям с подобными претензиями, и она чувствовала себя не в своей тарелке, испытывая солидарность с бедным мальчиком.

Когда Сет, наконец, отпустил официанта, он поднял бокал с вином и сказал:

— Давай выпьем за встречу. Попробуй, это самое лучшее вино, что у них было.

— Вообще, я пью очень мало, хоть тебе это может показаться и странным.

— Не кажется, — Сет улыбнулся.

Фэй не улыбалась ему в ответ и просто ждала, что же он скажет дальше. Она настроилась на разговоры о деньгах, поэтому просто опешила, когда Сет наконец-то сказал:

— Я хочу поговорить с тобой о твоём отце.

Фэй изумленно вскинула брови.

— Эти... синяки, это ведь он?

— Прости, Сет, но я не хочу с тобой это обсуждать. Ты можешь не терзаться, это не ты. Большого тебе знать не надо.

— Прости, Фэй, — в тон ей ответил Сет, — но я уже узнал больше. Я знаю, что это твой отец. Но я хочу тебе кое-что сказать: он больше не придет. Ты можешь жить спокойно. Не жди его.

Фэй молчала. Она не ожидала такого поворота и не готовилась к подобному разговору. Она умела, как в шахматах просчитать шаги человека наперед и старалась всегда быть готова к последующему ходу человека с которым общалась. Сейчас она просто не верила ушам.

— Он что... умер?

— Нет, нет, ничего такого. Я просто знаю, он не придет. Просто поверь.

Фэй молча ела и обдумывала сказанное. Не придет... Не надо оборачиваться, прятаться,

проверять входную дверь. Можно включить музыку и позвать друзей... Можно привести домой парня, а не слоняться по скамейкам в парке... Ее спина...

Фэй посмотрела на Сета и поверила ему. Его спокойная уверенность, не оставляла места сомнениям, и Фэй почувствовала, что все именно так, как он сказал. Испытывая необходимость ответить хоть что-то, она пробормотала:

— Ну что, ты действительно помог, Сет.

— Я бы не стал тебя беспокоить, но решил, что ты все же должна знать.

— Это хорошо, что я теперь знаю. — Фэй осушила бокал вина. Не почувствовав особой разницы между тем, что она пила до этого, и этим, она все же похвалила:

— Действительно, хорошее вино.

После второго бокала, на душе у девушки стало так легко, так свободно. Она теперь смело рассматривала Сета, и он не был ей больше противен. Он был красивым. Черные как смоль короткие волосы, синие глаза. Красивый аристократичный нос и четко очерченные губы. Ростом он не был очень высок, но крепкий и спортивный. Сильные руки, совсем не изнеженные, кое-где поцарапанные, хотя ногти аккуратные.

— На кого ты учишься Фэй?

— На филолога. Это было единственное место, куда я могла поступить без усилий. Я всегда много читала и у меня врожденная грамотность. Хочу стать журналистом, а в будущем писателем.

— Пишешь статьи?

— Рассказы. Всегда писала, сколько себя помню, с самого детства сочиняла истории.

— Думаю, расспрашивать тебя о родителях не стоит?

— Не стоит, — и Фэй улыбнулась.

У Сета просто дух захватило. Значит, может быть и так... С одной стороны — такая злоба в глазах, с другой — эта улыбка... Как и Пит когда-то, он был просто поражен. Вот вроде все было ясно с этой девчонкой: безрадостное детство и нищета, плохие родители и побои, но она все равно оставалась загадочной. Ведь это неудачное начало ее жизни не сделало ее упрощенной, грубой и неотесанной девкой. Наоборот, вопреки этому — книги, учеба и такая улыбка.

— А как тебе, Сет, твоя благополучная богатенькая жизнь?

Сет предпочел не заметить огонек злобы в глазах собеседницы, он промелькнул всего на миг:

— Ты знаешь, прекрасно.

Это было произнесено так искренне, что Фэй расхохоталась.

— А знаешь, что? Поехали ко мне, — весело предложила она. — Покажу тебе, как я живу. Теперь можно... — И она подскочила как ребенок, чуть не сбив с ног официанта, который спешил к кому-то с подносом.

Они прихватили с собой бутылку вина, и хоть Фэй и понимала, что это лишнее, ей было все равно.

Хозяйкой она зашла в дом. Не прячась и зажигая свет во всех комнатах. Вино сделало ее на редкость веселой и раскрепощенной, и она не стеснялась скромности своего жилья перед Сетом. Какая к черту разница? Фэй была уверена, что больше его не увидит.

— Бокалов у меня нет, извините, — почти пропела она. — Но, есть вот это, — и она достала пластиковые стаканчики.

Сет ничуть не смутился и разлил вино в стаканчики.

— Знаешь, Сет, ты сделал для меня больше, чем кто бы то ни было за всю жизнь. Не знаю, как тебе это удалось, подозреваю, что вам богачам, все дается просто, но все равно спасибо.

— Это было не просто легко, это было даже приятно.

Фэй хлебнула вина и почувствовала, что ее уносит:

— Должна тебя предупредить: от алкоголя я становлюсь агрессивной.

— Я не буду тебя сердить.

Фэй поставила стаканчик на тумбочку, потом скинула платье и сказала:

— Но можно направить эту злость в нужное русло.

Ощущения у Фэй были просто фантастическими. Чувство вседозволенности в этом доме, который всю жизнь ее угнетал, не давал ей дышать и словно сковывал ее всегда, опьянило сильнее вина. Оковы упали, она была свободна, могла делать что хочет. Ее чувства к Сету — настолько противоречивые — пугали. С одной стороны — ненависть к нему (хотя она чувствовала, что та уходит без следа), с другой — невероятная благодарность.

Девушка подошла к своему спасителю и заметила замешательство в его глазах. Расстегнув рубашку, сняла ее, и ей доставило удовольствие просто сбросить ее на пол, заметив, что его взгляд проследил за рубашкой, но он не ринулся ее спасать.

— Раздевайся, — теперь это сказала ему она, и он как зачарованный поднялся и снял свои идеальные джинсы.

В таких ситуациях и без слов понятно, кто и что чувствует. Он хотел ее не меньше, чем она его. И она просто села сверху. Поза ничем не отличалась от прежнего раза, но изменилось все вокруг. У Фэй было ощущение, что теперь это она его подчинила, и девушка чувствовала теперь и силу, и власть, которую ни в какой другой ситуации женщина не могла бы получить над мужчиной. А он покорился этой хрупкой девушке, которая выплеснула на него всю боль и ненависть на весь белый свет. Иногда она открывала глаза и смотрела на него затуманенным взглядом, а Сет чувствовал, что хочет еще и еще, чтобы она никогда не останавливалась. Чтобы эти потрясающие ощущения не прекращались. Как мог он раньше не испытывать подобного? Как жил без таких эмоций?

Ее тело было для него просто идеальным, прекрасные пропорции, лишь чрезмерная худоба была слишком явной. Но эта хрупкость придавала ощущение большей силы в руках, ведь казалось, что он может ее просто сломать, и осознание собственной власти пробуждало древние инстинкты. В общем отношения этой странной пары основывались не на разуме, а на чувствах. Эмоции преобладали, последствия не волновали, отрешенность от внешних факторов достигла максимума. Ощущения тела были превыше всего, потому секс и был таким потрясающим. Когда все кончилось, она сказала:

— Сегодня я впервые выплусь в этом доме. Ты же не захочешь остаться?

Большие глаза Фэй уже слипались, и тут не надо было быть ясновидящим, чтобы понять — она его выставляет.

— Нет, мне пора, — усмехнулся Сет, ничуть не обиженный.

Когда Сет ушел, Фэй тут же закрыла дверь на засов и легла в кровать. Так крепко и сладко она не спала еще ни разу в жизни.

Остаток недели пролетел как один миг. В своем новом статусе, когда не надо было оглядываться по сторонам, девушка поняла, что даже в повседневной жизни есть много чудесных вещей. Теперь Фэй могла слушать музыку на старом магнитофоне и громко петь, вертеться перед зеркалом в прихожей, примеряя наряды, пройти из ванной к себе в комнату

нагишом, позвать подружек в гости, провести вечер пятницы перед телевизором.

А в субботу Фэй спала до полудня, и проснулась от стука в дверь. Девушка вспомнила о засове, который теперь, когда в нем уже не было необходимости, хотелось обязательно запирать. Сердце ушло в пятки от неприятного звука. Медленно, на цыпочках она подошла к двери и стояла прислушиваясь. Стук раздался вновь и Фэй поняла, что это не ее отец, потому что стук был весьма деликатным.

— Кто там? — спросила Фэй.

— Это Сет, — раздалось из-за двери.

На Фей была только длинная футболка, но она сразу открыла дверь, даже не взглянув в зеркало.

— Сет, что ты здесь делаешь?

— Я думал тебе не надо теперь запирать засов, — сказал Сет, игнорируя ее вопрос.

— Вот теперь-то я запираю его с удовольствием, — ответила Фэй. — Ну, заходи, — пропустила она гостя.

Сегодняшним утром хозяйка домика заметила, насколько неуместно смотрелся в нем Сет. Ей постоянно казалось, что он осуждающе смотрит по сторонам на разбросанные вещи и немытые чашки на столе. Теперь при свете дня и без хмельного состояния Фэй почувствовала себя некомфортно в его присутствии. Весь внешний вид и ее самой, и комнаты вызывал краску стыда на лице, под его пристальным взглядом.

Сет наклонился и поднял с пола джинсы. Фэй выхватила штаны и поспешно спросила:

— Что ты хотел?

— Одевайся, — спокойно ответил Сет, — хочу показать кое-что.

Девушка не стала спорить и задавать лишних вопросов, направилась в другую комнату, натянула джинсы и водолазку, затем прошествовала мимо невозмутимого Сета в ванную комнату. Там, увидев себя, наконец, в зеркале, смутилась: короткие волосы торчали во все стороны, глаза заспанные, на щеке след от подушки. Фэй привела себя в порядок, умылась и едва заметно подкрасилась. Она всегда коротко стриглась, чтобы не надо было тратить время на прическу, и сейчас она просто прошла по ним расческой.

— Ну, пойдем, — сказала она, стараясь как можно скорей выйти на улицу и избавиться от неприятного чувства дискомфорта, возникшего, как только Сет оказался в ее доме.

Во дворе она действительно почувствовала себя намного лучше, уже не ощущая той скованности движений под пристальным взглядом гостя.

Молодые люди сели в машину, и Сет заставил ее пристегнуться. Уверенный и спокойный, Сет и машину вел соответственно, можно было только наслаждаться поездкой с ним — ни разу молодой человек не затормозил резко и не рванул с места, хотя возможности его машины позволили бы произвести впечатление на любого. Но такое позерство было не в его натуре.

Спустя полчаса он остановил машину. Его спутница заметила, что они покинули город, но отъехали недалеко. Впереди был деревянный забор, огораживающий часть какого-то поля, а за ним виднелся длинный приземистый дом, напоминающий барак.

— Я уже боюсь, — шутливо сказала Фэй, но оглядывалась она по сторонам действительно с опаской.

— Идем, — улыбаясь, ответил Сет, — это стрелковый клуб. Отец стал привозить меня сюда, как только мы переехали. С тех пор я хотя бы раз в месяц обязательно сюда приезжаю. Они вошли внутрь, и Сет познакомил спутницу со служащим. Кроме этого человека, Фэй

больше никого не заметила. Он проводил посетителей в комнату с мишенями, и Сет вложил ей в руку пистолет.

— Вот, ты можешь вымещать злобу теперь не только на мне. Тебе должно понравиться.

Фэй изумленно подняла глаза на смеющегося Сета и сжала пистолет.

Ей понравилось. Очень.

После тира они заехали в пиццерию, на этом настояла Фэй. Там-то уж Сету не пришлось воспитывать официантов, жалуясь на неправильно разложенную зелень. Пицца есть пицца.

Подкрепившись, молодые люди, не сговариваясь, поехали к Фэй. О том, чтобы поехать в дом Сета и речи быть не могло, никто об этом даже не подумал. В отношениях этой пары не было простоты, ощущалось высокое напряжение, словно провода искрили все время, нет-нет, да и вспыхнет где-то. Но это придавало остроты, такое может нравиться, наверное, только совсем юным. Когда любое слово может вызвать шквал эмоций — положительных и не очень, любое касание — волну возбуждения, а взгляд выражает мысли лучше слов. Они оба словно ходили по краю бездны. Сет оглядывал ее квартиру тайно, пока хозяйка отворачивалась, Фэй же, увидев его аккуратно сложенные джинсы и рубашку повешенную на спинку стула, демонстративно скидывала с себя одежду на пол. Это напряжение выплескивалось в бурный безудержный секс, такой, что вещи летели в разные стороны.

Ей нравилось, что он — внешне спокойный и невозмутимый, менялся и становился ураганом. Ему нравилось, что ее независимость таяла в его руках. Она становилась податливой, и он мог делать что хотел.

10. Фэй и Пит

В эти дни Пит практически не видел друга. Сет по природе своей был скрытным человеком, а после смерти родителей вообще замкнулся. Питер уважал его выбор и старался не докучать. Он как никто другой знал Сета и понимал, что лучше оставить его на время. Когда он решит, то сам придет и поделится. Ему, правда, не хватало их субботних поездок в тир, совместных обедов, скалодрома и других, только их общих развлечений, но Пит вполне мог смириться с этим. Ведь приятелей у него было хоть отбавляй и, прознав, что он опять живёт у матери, они тут же наперебой стали приглашать его на вечеринки. Так уж получалось, что где был Пит, было веселее всего, пиво было самое вкусное, а девчонки самыми красивыми.

Пит никогда не был прочь поразвлечься и редко отказывался. И вот в пятницу он отправился на вечеринку к знакомому знакомому, которого едва знал. Это была студенческая гулянка, и ему сказали, что молодые девчонки там гарантированы.

Пит, закупив пару ящиков пива, колесил по городу на своем стареньком «Форде». Настроение было отличное, и он любил просто проехаться перед весельем и побыть наедине с собой. Эта привычка давала ему заряд энергии и позволяла всегда быть веселым. Надо отключиться от забот и от проблем, скопившихся за день. Вся его жизнь была сплошными взлетами и падениями. Иногда у него заводились деньги, и тогда он гулял и угощал весь город, когда же наставали плохие времена, он просто ждал нового подходящего случая, относясь ко всему философски. Пару раз Сет предлагал ему помощь, но Пит категорически отказался и даже не стал объяснять причину.

Пит ехал, задумавшись о своем, и пропустил красный сигнал светофора. В этот момент дорогу переходила какая-то девушка, машина промчалась, едва не сбив девчонку. Сердце нерадивого водителя ушло в пятки, и он резко ударил по тормозам. Выглянув в окно, услышал:

— Смотри куда едешь, урод.

Пит уж было хотел тронуться дальше, но что-то показалось ему знакомым в голосе девушки, и он сдал назад. Девчонка отскочила на тротуар, но убежать явно не собиралась и ждала, подбоченясь, словно шла на бой.

Когда Питер вышел из машины, то понял, что перед ним загадочная Фэй. Широко улыбаясь, он направился к старой знакомой. Девушка тоже узнала его, и ее боевой запал тут же улетучился. Пит умел очаровать одной улыбкой, откидывая прядь волос со лба. Они так обрадовались друг другу, словно были знакомы всю жизнь.

— Привет, красавица, а я уж думал, что больше никогда тебя не увижу и мое сердце так и останется разбитым на всю жизнь. Но ты исцелила его сейчас одной улыбкой.

Фэй продолжала улыбаться, а он сказал:

— Тебе говорили, что она у тебя просто фантастическая?

— Ну, что-то подобное, но не в таких ярких красках.

— Это хорошо, значит я первый.

— Не надо смущать бедную девушку, — ответила Фэй, ничуть, правда, не смутившись. Этого у нее было не отнять: она нравилась сама себе, и, если кто-то говорил ей комплименты, воспринимала их как должное.

— Ну и что будем делать? — Пит сразу взял быка за рога. Но Фэй тоже не растерялась, почему-то то, что они вместе будут что-то делать, казалось само собой разумеющимся.

— У тебя есть предложения?

Пит заметил перемены в поведении девушки: не напряжена, веселая, с ней явно произошло что-то хорошее и это его радовало, хотелось сделать ей что-то приятное, чтобы ее улыбка расцвела еще больше.

— Я еду на вечеринку — много пива, танцы и все такое, ты как?

— Почему нет? Поехали.

Фэй было настолько легко и естественно с Питом, словно он был ее вторым я: все было как надо и одежда, и слова, как любимые тапочки, ничего нигде не жмет, все удобно и просто.

На вечеринке Пит не отходил от спутницы ни на шаг, и все девчонки ей завидовали. Она поняла, что Пит пользуется огромной популярностью и то, что он предпочел ее всем остальным, ужасно льстило. Девушка в компании Пита ощущала себя вдвойне привлекательней и остроумней. Расслабиться на всю катушку не выходило, Фэй всегда старалась контролировать количество спиртного, ведь лишняя банка пива могла стать роковой: ее могло унести и в какую сторону не знала даже она сама. Новые друзья танцевали до упаду, а потом выходили покурить и поболтать. Они шутили, подсмеиваясь друг над другом, но время от времени становились серьезными и узнавали что-то новое и интересное о жизни собеседника. Так Фэй узнала о матери Пита, а он о ее учебе и мечте стать журналистом. Новые знания вызывали взаимное притяжение, молодые люди не могли наговориться и за один вечер сблизились так, словно были знакомы много месяцев.

— Вечеринка просто класс! — сказала Фэй, когда они вышли в очередной раз глотнуть воздуха и отдохнуть от громкой музыки, — я вообще-то практически не бываю на таких мероприятиях, нет времени, да и денег тоже.

— Надо это поправить, теперь я тебя буду часто приглашать, готовься. А деньги — это ерунда, я достану, если надо.

Фэй улыбнулась. Еще никому она не признавалась в том, что нуждается в деньгах. Этот аспект ее жизни казался слишком интимным, о таком не говорят посторонним людям. А так как близких у нее не было, то она и не говорила ни с кем. Реакция этого удивительного парня вызвала в девушке бурю эмоций, хотя вида она не подала, привыкла держать эмоции при себе.

— Знаешь, мне кажется, что я сейчас засну прямо здесь.

— Я отвезу тебя домой, — ответил Пит.

Подъехав к дому, он сказал:

— Так значит вот здесь и живет загадочная Фэй...

— Эппл.

— Загадочная Фэй Эппл. Я должен увидеть все своими глазами, чтобы потом рассказать потомкам.

— Ну, тогда прошу, — рассмеялась Фэй, открывая дверь.

— Какая замечательная у тебя квартира, — произнес Питер, развалившись в кресле. — И ты здесь одна живешь?

— Ага, — ответила Фэй, открывая банку пива себе и протягивая другую Питу.

— Тогда мы будем плясать и веселиться до утра.

Фэй включила музыку, но оттуда, вместо ее любимого рока, раздалась медленная

мелодия и Пит, подскочив, тут же пригласил ее на танец.

В его объятиях было хорошо: спокойно и умиротворенно, и когда он наклонился поцеловать ее, это казалось самой естественной вещью на свете. Мягкие губы были очень нежные. Она чувствовала, что тает. Фэй и не думала, что мужчина может быть таким нежным. Прикосновения его пальцев к спине были легкими, еле осязаемыми, словно это были не мужские пальцы, а крылья бабочки. Будто он боялся ее спугнуть. Эти ощущения стали важным жизненным опытом для Фэй, ведь такую нежность она не ощущала никогда, даже в далеком детстве.

Молодые люди не разговаривали, но во взглядах друг друга читали и вопросы, и ответы, и такое взаимопонимание позволяло паре действовать сообща, как слаженной команде, будто они проделывали это несчетное количество раз, но в то же время оба ощущали трепет, который возникает в первую близость. Питу, испытывавшему вечную потребность помогать, эта девушка стала находкой: такая маленькая, худенькая и незащищенная. Ему хотелось обнять ее и защитить от всего мира, этим желанием и была вызвана его осторожность. Он не мог допустить небрежности. Ведь надо было исправить то, что натворил Сет! Надо вернуть ей веру в людей, доказать, что не все плохие, заставить улыбаться. Он заметил, что жгучая ненависть в ее глазах, таяла, когда она поднимала на него взгляд. Добрый Питер чувствовал, что девушка расположена к нему, нуждается в нем и его ласке. Он был рад помочь, трепетал от одной мысли, что помогает. Если надо он уберекет Фэй от всего. И Пит словно осязал доверие партнерши, податливость, мягкость тела и не мог позволить себе не оправдать ее надежд.

Он легко раздел ее, а она его. Наслаждаясь каждой минутой, они стали половинами одного целого. Питер позволял ей выбирать, командовать, направлять. Он постоянно шептал Фэй нежные слова: какая она потрясающая, какие у нее красивые ноги, что ее прикосновения сводят его с ума. Еще никто так откровенно не восхищался ею. Обычно парни молчат, словно воды в рот набрали, а Фэй постоянно нуждалась в одобрении. Питер так искренно сказал, что она самая потрясающая девушка на свете, что Фэй поверила ему и оказалась на седьмом небе. В глубине подсознания она понимала, что это может быть просто присказка, которую Пит в порыве нежности говорит всем девушкам, но в данный момент это было не важно. Она наслаждалась минутами счастья, здесь и сейчас и никакие мысли не омрачали их близость. Это слияние души и тела длилось всю оставшуюся ночь. Оно прекращалось, а потом плавно возобновлялось вновь. Они, не переставая, гладили друг друга, простые дружеские объятия опять возбуждали их, любое случайное прикосновение вызывало новую волну возбуждения. Молодые и неутомимые они так подходили друг другу! Пит был высоким и по-мальчишески стройным, и Фэй доставляло удовольствие трогать его тело, а ему целовать ее всю от губ до пальцев ног, как будто ее тело было сказочным лакомством. У Фэй к утру болели губы, а все тело саднило от его щетины. Потом они надолго заснули, даже во сне обнимая друг друга, словно боялись потерять.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В полдень любовники одновременно проснулись, так и не разомкнув объятий. Не испытывая абсолютно никакой неловкости, они лежали и, улыбаясь, смотрели друг другу в глаза.

— А ведь я думал о том нашем первом утре в одной кровати. Практически все время. Представлял тебя обнаженной. Как мы просыпаемся вот так... — хрипло прошептал Пит. — А ты испарилась, и я не знал, где тебя найти.

— Правда, не знал? — Фэй удивленно приподняла одну бровь.

— А откуда интересно? Оставила ты после себя только это чудное имя — Фэй. Родители, видимо, очень тебя любили, раз дали такое сказочное имя.

— Очень, — процедила Фэй. Тут же близость исчезла, обида засветилась в ее глазах. Но Пит терпеливо ждал, и она продолжила, — они несколько месяцев не могли выделить время и пойти меня зарегистрировать. Потом долго выясняли, чья же я дочь и от кого появилась на свет, а потом решили, что меня фея подбросила. Им это показалось очень забавным, так появилось имя.

— Зато оно тебе очень идет, — Пит притянул ее и поцеловал в шею. — Теперь у меня есть знакомая фея. Я самый счастливый человек на земле.

Тепло в глазах Фэй появилось вновь.

— Ну, тогда я сейчас чего-нибудь наколдую на завтрак.

— Я тебе помогу, — поднялся Пит.

Когда Фэй допивала кофе, то поняла: сегодня суббота. Это заставило подпрыгнуть на месте. А вдруг сейчас придет Сет? Он никогда не говорил, что придет еще или что хочет ее увидеть, вообще ничего о будущем. С ним был только настоящий миг. Она и не строила никаких планов, понимая, что между ними пропасть, что слишком далеки они друг от друга, связаны лишь страстью. Но ситуация получится крайне некрасивой, если два друга столкнутся в ее неказистом домишке. Поэтому она, ненароком взглянув на часы, воскликнула:

— Вот черт, совсем забыла, у меня же встреча. Прости, Пит, но мне надо срочно убежать.

— С женщиной? — Пит улыбался. Казалось, ему все нипочем.

— Да нет, с подругой. Я брала у нее платье и надо его вернуть именно сегодня. У нее свидание...

— Ладно, ничего страшного, я понял. Я приду вечером.

Фэй еще размышляла, что сказать на прощание, но он чмокнул ее в щеку и ушел.

Когда за ним закрылась дверь, Фэй быстро убрала весь вчерашний беспорядок. Выкинула банки пива, заправила постель, открыла настежь окна. Думать не хотелось, а точнее — хотелось разучиться думать, размышлять, анализировать. Девушка впервые не желала копаться в себе и разбираться в своих чувствах и поступках. В конце концов, ей хорошо! Она это заслужила. И пошло все к черту! Никто ее не осудит, ведь никто ничего не знает. Делиться с кем-то Фэй не имела привычки, и большинство девчонок, с которыми она дружила, считали, что делиться ей просто нечем. Почему надо все время о думать о последствиях, за что-то отвечать, выискивать мораль, оправдываться перед собой и окружающими?

Домывая посуду, она услышала стук в дверь.

Когда Фэй была ребенком, она быстро поняла, что самое лучшее, что она может сделать — это не попадаться на глаза родителям. Удивительно, насколько у детей развиты инстинкты. Ее инстинкт самосохранения подсказал: держись так, чтобы тебя не видели. Девочка научилась самостоятельно играть в самом дальнем углу. Самые различные вещи становились ее любимыми игрушками и спутниками. Любимой игрушкой маленькой Фэй была безглазая кукла, у которой не было одной руки. Она нашла эту куклу на заднем дворе соседского дома и представляла, что это самая прекрасная принцесса, за которую сражаются все рыцари. Из каких-то железок, черепков и камней она соорудила «дворец» для принцессы, старая деревяшка стала арабским скакуном, пробка от шампанского — трон. Ее воображение рисовало прекрасные картины и раскрывало сюжеты, она могла часами сидеть одна, погружаясь в мир принцев и принцесс, наслаждаясь игрой с самодельными игрушками.

Когда Фэй научилась читать, этот навык показался чем-то невероятным. Сказочным волшебством! Буквы складывались в слова, слова в предложения, а предложения в историю. Когда она начала читать свою первую книгу — небольшой рассказ, то читала медленно по складам, и просидела над ним шесть часов, ни на секунду не оторвавшись. Ей казалось, что стоит отвести взгляд и волшебство рассеется, буквы станут просто закорючками, которые больше никогда не сложатся в слова. Поэтому девочка читала и читала, и с того момента не было ни одного дня, чтобы в руках она не держала книги. Фэй посещала все библиотеки города и часами просиживала в читальных залах. Она обожала библиотеки, казалось, что там ее настоящий дом, среди книг и тишины. Книг было так много! Она уверилась, что лучше книг в мире нет ничего, книги стали ее страстью и неотъемлемой частью жизни. В этой части существования было позволено и доступно все: новые страны, впечатления, страсти, радости и удовольствия. Глубоко погружаться в истории помогало прекрасное воображение, которое развивалось с самого младенчества в отсутствии игрушек и других развлечений. Сначала она читала сказки, потом перешла на фэнтези, следом пошла фантастика. Конечно, в промежутках Фэй отдыхала душой на любовных историях и исторических романах. Прочитав огромное количество книг, она безошибочно узнавала качественную литературу. Поначалу девушка глотала все, но со временем ее вкус утончился, Фэй стала привередливым читателем, и угодить ей становилось все сложнее. Большинство ее жизненных позиций и принципов сформировалось из книг, собралось постепенно из многих мыслей великих авторов.

С тех же пор как девочка научилась писать, она все время пыталась сочинять рассказы, выдумывать истории и описывать настоящие места и ощущения, позже завела дневник и вела его много лет. Натура замкнутая, она все выкладывала туда, и ей было достаточно такого выплеска эмоций. Иногда писала в него каждый день, а порой забывала на целый месяц, а то и два, но всегда возвращалась. Отца бесила ее «писанина», как он это называл, поэтому он получал несказанное удовольствие, сжигая ее рассказы. Фэй не особо расстраивалась, понимая, что они далеки от совершенства и писала она их только потому, что не могла не писать. Дневник же девушка берегла как зеницу ока и прятала в тайнике, который отец так никогда и не нашел.

В колледже Фэй писала сочинения и эссе за час. Преподаватели считали, что у нее талант, сама же она называла это опытом, а возможно ее ум был склонен именно к подобному творчеству. Для Фэй такая работа была в удовольствие. Когда она становилась свидетельницей интересной ситуации, видела колоритного человека или красочный пейзаж, ее воображение тут же начинало складывать историю. Она умела созерцать, и, тогда как другой человек просто проходил мимо, Фэй останавливалась, смотрела и придумывала историю. Увидев из окна автобуса странного человека с котом на плече, Фэй проезжала свою остановку, потому что представляла, кто он и куда идет. Когда девушка видела невероятно красивый в их местах закат, она могла идти «в него», воображая, как он перенесет ее в прекрасную страну, и только налетев на прохожего, возвращалась из мира фантазий в реальность. В общем, ее можно было бы назвать романтической натурой, склонной верить в сказки, но действительность может раздавить любого мечтателя. И она четко осознавала грань между вымыслом и настоящим.

Услышав стук в дверь, Фэй вытерла руки и спокойно открыла дверь. На пороге стоял безупречный как всегда Сет. Заходить он не собирался, просто сказал:

— Привет, я подожду тебя на улице. Одевайся.

— Привет. А как одеваться?

— Лучше в джинсы.

Фэй облегченно вздохнула, потому что других нарядов у нее все равно не было.

Фэй не умела заставлять себя ждать, чувствовала себя при этом весьма некомфортно, поэтому быстро натянув джинсы и водолазку, накинула куртку и выскочила из дома. Возможно, ее торопливость была оттого, что очень хотелось увидеть Сета. Она даже не отдавала себе в том отчета, просто спешила к нему, боясь, что он исчезнет из ее жизни. Но Сет невозмутимо стоял возле машины. Он никогда не проявлял галантности, не открывал дверцу и не пододвигал стул. Фэй думала, что делает он это специально, чтобы ее не смущать.

— Поедем в тир? — поинтересовалась Фэй.

— Да, только хочу взять друга. Раньше мы с ним вдвоем ездили пострелять, а вот уже не виделись пару недель. Повеселимся. Он будет с девушкой. Потом поедем кататься верхом.

— Верхом? Ты так просто это говоришь, словно большинство людей, не может не уметь ездить верхом.

Сет бросил на нее косой оценивающий взгляд:

— У тебя получится. Главное показать лошади, кто главный. В твоих способностях я не сомневаюсь.

— Не льсти мне, — улыбнулась Фэй.

За разговором она и не заметила, как машина подъехала к небольшому одноэтажному дому, с лужайкой и аккуратной оградой.

Сет посигналил, дверь открылась и из нее выпорхнула красивая блондинка с длинными волосами, а следом показался Пит.

Фэй сидела на переднем сиденье и чуть не сползла на пол, пока Пит ее не увидел. Сердце зажило отдельно от нее, ухало и прыгало, щеки покраснели, и Фэй готова была провалиться сквозь землю. Кто бы мог подумать, что в моменты смущения ее тело поведет себя подобным образом. Она заметила, что пальцы дрожат, и пристыдила себя за это. Задняя дверца открылась, и девушка Пита впорхнула в машину, а следом сел Пит. Он как всегда что-то шутливо говорил и излучал добродушие. Когда парочка уселась поудобней, Сет сказал:

— Пит, помнишь Фэй?

— Привет, — сказала Фэй, заставив себя повернуться к Питу лицом.

Удивление Питера читалось на лице, словно он увидел президента. Но Сет по-своему трактовал его изумление, и чтобы сгладить неловкость момента, переключился на подругу Пита:

— А кто твоя спутница, Пит?

Пит молчал, поэтому девушка представилась сама:

— Привет, я Николь.

— Ну что ж, Николь, а я Сет.

— О, я знаю, — она так заговорщицки посмотрела на Сета, будто он был Джеймсом Бондом. Фэй внезапно разозлилась на девицу. Вот из-за таких дурочек, он чувствует себя королем планеты. Она поспешила отвернуться, а Сет, развеселившись, сказал:

— Ну что, поехали развлекаться?

Все промолчали, что ничуть не смутило Сета.

Когда они приехали к стрелковому клубу и вышли из машины, Фэй, стараясь напустить на себя безразличный вид, поспешила вперед.

Но Пит не позволил ей убежать, настигнув ее двумя широкими шагами, спросил:

— А ты здесь не в первый раз, да?

Сет догнал их и избавил Фэй от необходимости отвечать:

— Мы приезжали сюда пару раз. Теперь можно ездить всем вместе.

— Ой, да, да, — раздалось за спиной радостное восклицание, — я с радостью.

Никто не обратил внимания на Николь, что ничуть не смущало эту девушку. Она несколько раз споткнулась и успевала ухватиться за Сета, задавала ему множество вопросов, не отставала ни на шаг и все время щебетала. Фэй молчала, лишь неприязненно поглядывала на Николь, но ни Пит, ни Сет, казалось, не замечали ее молчаливости и отрешенности. Когда друзья зашли в комнату с мишенями, Николь обратилась к Сету:

— Пит мне рассказывал, что ты та-а-кой меткий стрелок. Ну прям Клинт Иствуд. Научишь меня?

Сет, видимо, привыкший к подобному вниманию, он был мил с этой Николь и ничуть не раздражался от ее приставаний. Фэй гневно думала, что с ней он так мил никогда не бывал. Она не ревновала, но почувствовала свою ненужность, свою непринадлежность этому миру.

— Конечно, давай научу, — он улыбался вовсю, и это бесило Фэй. Она не помнила, чтобы с ней он так себя вел: непринужденно и весело, словно другой человек. Нормальный парень!

Фэй выбрала себе пистолет, а потом разрядила всю обойму. Она не была прирожденным стрелком, но способности явно прослеживались. А злость нашла свой выход.

Ого, а ты молодец, — услышала она за спиной голос Пита. Он стоял совсем рядом, по спине побежали мурашки. Девушка чувствовала его присутствие и была готова провалиться сквозь землю. Годы тренировок научили ее не показывать эмоции — это бесило ее отца, потому внешне Фэй была абсолютно спокойна, хотя грудь сдавило, как при сердечном приступе.

— Сет сказал, что здесь можно выплескивать отрицательную энергию на кого-то воображаемого.

— И кого же ты воображала сейчас? — голос Пита стал совсем тихим. Фэй смотрела

ему в глаза и не в силах была что-то ответить.

А Николь верещала:

— Ой, как здорово, ты такой молодец! Надо нам попрактиковаться побольше, — она мило улыбалась Сету, не отходя от него ни на шаг.

— Твоя девушка? — сменила тему Фэй. — Похоже, ей нравится Сет, — ей хотелось сказать что-то неприятное, хотя сама себя кляла за эту слабость.

— Похоже, не только ей, — парировал Пит. — Ничего, мне не привыкать.

Что тут скажешь? Пит поставил ее на место, и Фэй отвернулась. Перезарядив пистолет расстреляла вторую обойму, не желая больше ничего слышать.

Когда компания вышла из тира, настроение у Николь было великолепным, она вся светилась. Сет тоже был весел и теперь звал друзей на конную прогулку. Оказалось, что неподалеку были и конюшни.

Вот тут уж Николь не стала притворяться неумехой, а быстро оседлала резвую кобылку. Девушка решила изменить тактику и показать свое превосходство над Фэй. С тех пор как эта блондинка села в машину, она старалась ее игнорировать, словно Фэй здесь и не было. Она непрестанно требовала внимания обоих мужчин. Фэй и не была против, даже в какой-то мере была благодарна наглой девице. Но тут опыт Николь сыграл против нее. Сет сказал, что раз она опытная наездница, то может ехать вперед, а он поможет Фэй сесть в седло. Николь недовольно фыркнула, обратила теперь свое внимание на забытого доселе Пита и, игриво крикнув:

— Догоняй, — пустила в галоп.

Пит не стал заставлять себя уговаривать и умчался следом, заставив Фэй восхищенно посмотреть в спины умелым наездникам.

А Сет терпеливо объяснял Фэй, как надо садиться на лошадь. Страх ученица не испытывала вовсе, и старалась воспринимать весь новый опыт с радостью, поэтому усваивала все очень быстро. Фэй села на лошадь без труда. Это была спокойная лошадка, и Сет уверил, что никаких неожиданностей со стороны милого животного ожидать не приходится.

Потом он пустил лошадь шагом, и Фэй поехала рядом. Ощущения оказались волнующими. Лошадь очень большая, высокая, и можно все увидеть в необычном ракурсе. Она забыла о Пите и Сете и уж тем более о Николь, просто наслаждалась поездкой, запахом леса и красотой пейзажа. Сет объяснял, как ехать рысью, и они попробовали ускорить темп. Это было немного страшно, но в то же время ни с чем несравнимо. Лошадь подбрасывала девушку вверх, и думать о чем-то, кроме того, как удержаться в седле было невозможно. Фэй вся сосредоточилась на том, чтобы правильно выполнять рекомендации. Вот уж отличное лекарство от ненужных мыслей. Все-таки жизнь классная вещь! Сколько в мире всего, что может доставить такое удовольствие. Какие счастливики те, кто имеют возможности наслаждаться таким с самого детства, тренироваться, оттачивать эти умения. Фэй очень хотела научиться.

— У тебя отлично получается. Главное, что лошадь тебя слушается, — похвалил Сет. — Все остальное дело техники.

Полтора часа поездки пролетели незаметно. Показались Пит и Николь, которые вернулись разгоряченные, растрепанные и с шальным взглядом. Не надо было быть знатоком человеческих судеб, чтобы понять, как эта парочка провела время. Фэй старалась не смотреть на Пита, но глаза сами так и возвращались к нему, и она не выдержала:

— У тебя вся футболка в листьях.

— Так всегда бывает, когда рядом нет кровати, — весело отвечал Пит и подмигнул покрасневшей Николь.

Сет дружески хлопнул друга по плечу, спешил и помог спешиться Фэй.

Этот день казался Фэй нескончаемым. Они поехали ужинать, потом танцевать. Фэй никак не могла вырваться. Ей надо было остаться наедине с собой, но даже в туалет с ней увязалась Николь.

— Мы так здорово проводим время. Ты давно знаешь Сета?

— Не очень.

— Знаешь, парни его положения выступают за свободную любовь. И нам надо подстраиваться под них.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я бы не прочь познакомиться с Сетом поближе. Почему бы тебе не пойти домой? Думаю, он будет тебе благодарен. Возможно, это даже укрепит ваши отношения.

Фэй фыркнула. Она не умела находить общий язык с малознакомыми женщинами, а с такими, как Николь и подавно. Эта дамочка — богатая и избалованная, и явно получает то, что хочет. Сейчас она захотела Сета и не считала Фэй преградой. Поэтому так открыто заявляла о своем желании.

— Посмотрим, — ответила Фэй, выходя из туалета.

Мужчины сидели за столиком, такие близкие и в то же время разные, что у Фэй защемило в груди.

— Я иду домой, устала. Всем пока, — заявила Фэй и, взяв куртку, направилась к выходу. Сет встал и направился следом.

— Увидимся, — бросил он Питу, проигнорировав Николь.

Догнав беглянку, удивленно сказал:

— Не знаю, что с тобой сегодня творится, но я должен отвезти тебя домой. Мы пришли вместе и уйдем тоже вместе.

Фэй хмыкнула и села в машину, ощущая себя в его глазах взбалмошной дурочкой.

После Пита, заниматься сексом с Сетом было странно. Не хуже, нет! Но теперь Фэй постоянно замечала различия. Она не могла противиться строгому и властному Сету, потому что это было просто выше ее сил. Наверное, это то, что называют «страстью». Это химия, думала она. Просто химия, повторяла вновь и вновь. Она читала когда-то, что такое возникает, когда у людей совпадают какие-то части цепочек ДНК.

Все в их общении было вполне невинно, пока они не оставались наедине. Дальше уже ничто не имело значения. Хотелось, чтобы он ее целовал, бесконечно, не прекращая поцелуя. С силой, впиваясь в ее губы. Его руки были сильные, такие сильные, что подхватывали ее как перышко. Он сжимал ее, заставляя вскрикивать, и входил в нее резко, сильно.

В какой-то миг этого блаженства он сказал:

— Смотри на меня, смотри.

Фэй всегда закрывала глаза, но подчинилась его приказу и открыла глаза, тут же столкнувшись с его взглядом. Сету было необходимо знать, что она понимает, кто с ней, что она отдается именно ему, что он владеет ею безраздельно.

— Всегда смотри на меня.

И Фэй послушалась.

Сила Сета была несомненной, и Фэй не понимала, почему ему надо самоутверждаться и что-то доказывать. Он был таким великолепным, откуда эта неуверенность?

В тот момент, когда он сказал Фэй смотреть на него, она поняла его уязвимость. Что же будет, если он узнает про нее и Пита? Она не думала, что Сет влюблен в нее, но его самооценка пострадает точно. Сет помог ей с отцом, для нее это было самой большой заслугой, поэтому девушка никак не могла допустить, чтобы он узнал.

Сет никогда не оставался на ночь, и Фэй с облегчением закрыла за ним дверь. Во время их физической близости не существовало никаких преград, но как только все заканчивалось, появлялось напряжение. Оба чувствовали его, словно сделали что-то плохое.

Они не прощались, не договаривались о завтрашнем дне, не строили планов. Но Фэй поняла, что теперь всегда будет ждать его.

12. Питер

Когда Питер понял, что Сет спас его во второй раз он преисполнился уверенностью, что его дружба с Сетом — это судьба. Пит вырос в суеверной и верующей семье, мальчик верил в знаки судьбы, в знамения, чудеса и злой рок. Когда Сет появился в тот решающий день в зале суда и заявил, что был вместе с ними в тот страшный день, Пит усомнился в собственных воспоминаниях. Может, Сет и правда был с ними?

Но после того как мальчишек отпустили, и они, наконец, остались наедине, Сет спросил:

— Что там произошло? Расскажи мне все, Пит, я должен знать.

— Мы прождали Чейза около часа, а потом Майк пошел за косяком и выполз уже на четвереньках.

— И это не вы...

— Господи, Сет, конечно, нет. Клянусь тебе, что, когда я последний раз видел Чейза, он был жив и здоров.

— Но значит, кто-то явно хотел вас подставить. Слишком все сходится.

— Сет, я не имею ни малейшего представления. Единственное, что я знаю наверняка, это что ты опять спас меня и теперь я твой вечный должник.

Полиция очень рьяно взялась за дело. Они опросили всех, кого только можно было опросить. У них в участке побывали почти все местные подростки. Кто-то что-то слышал, кто-то додумал, кто-то видел кого-то подозрительного, но никакой конкретики. Делом занимался Оливер Стоун, а он был дотошным и знал свое дело. Он выяснил, что записку Чейзу послал действительно не Пит, что окончательно сняло с него подозрения. В итоге дело встало на мертвой точке. Выяснилось, что какой-то бродяга ошивался в городе несколько дней, а после трагических событий исчез. Найти и опознать его не удалось.

Питу очень хотелось принять участие в расследовании, помочь как-то полиции, реабилитироваться и найти того негодяя, который убил ребят. Они не были друзьями, но это неслыханное преступление не могло не задеть справедливого Питера. Мальчишка обшарил весь старый дом и его окрестности в поисках зацепки.

Он находил множество вещей, не имеющих никакого отношения к преступлению. Собранные вещи не могли помочь хоть сколько-то продвинуться в этом деле, но Пит завел большую коробку, бережно сложил туда свои находки и хранил много лет. Когда у него в жизни бывали моменты душевного смятения или же случалось нечто, неподдающееся логике, Пит доставал эту коробку. Он смотрел на ее содержимое, сам не зная зачем. Питер не был склонен к самоанализу, не копался в своих поступках и не терзался выводами — просто делал, что делал.

В последние дни он доставал коробку много раз. Она была неким символом того, как он обязан Сету. Чтобы никогда не забыть. Ключки бумаги в коробке выцвели за эти годы, осколки бутылки потускнели, ржавый гвоздь поржавел еще больше. Кусок цепочки (сказали, что серебряной) почернел со временем.

Теперь он смотрел в коробку и думал о Фэй. Было ясно, что думать о ней не надо, но Пит все равно думал. Фэй была странной. Это первое, что приходило на ум. Станным было и то, что Сет общался с такой неподходящей для него девушкой. Это не поддавалось

никакому объяснению, и Пит старался об этом не думать. Как это вообще могло произойти? Когда и почему? Фэй была дикая и грубоватая. Резкая, что ли? Она, не стесняясь, говорила, что ненавидит всех и вся, и проехала бы на танке по главной площади. При этом он все время думал, а имеет ли она в виду и его самого? Хотелось верить, что он тот единственный, кого она танком переехать все же не хочет. Говорит, что есть люди, которых она бы застрелила без зазрения совести. Пит задавался постоянным вопросом: кто это, ведь спрашивать не решался. Он помнил о ее синяках и в глубине души одобрял. Несмотря на всю ее резкость, на ее злость, когда она улыбалась, он был очарован. Он видел в ней ту, кем она могла бы стать без боли, которую пережила. Ему до сих пор казалось, что лишь он один способен разглядеть, какая она на самом деле чудесная, умная и добрая. И что самое главное: ни с кем Питу не было так просто и легко. Это для него дорогого стоило. Он не добился подобного взаимопонимания ни с одной девушкой до Фэй. Он мог не думать о деньгах, об обязательствах, о делах и работе. О том, что надо чего-то добиться в жизни. Фэй говорила, что он добьется, что другого и быть не может. Она говорила ему: «Чего переживать по этому поводу, Пит, ты просто создан для того, чтобы добиться успеха». И Пит верил ей, словно ее слова были пророчеством. А кто бы не поверил? Пит понимал, что влюбился в нее. Его восхищало все в этой девчонке: ее красота, ее худоба, ее глаза. Ему просто хотелось с ней говорить, говорить и говорить. Хотя, когда он вспомнил о той ночи, захотелось обладать. Он не любил думать о ком-то, анализировать и вздыхать. Это было не свойственно его натуре. Когда ему хотелось, он просто шел и делал, брал, покупал, дарил. Здесь же встала преграда. Пит долго терзался, прежде чем плюнуть на все и пойти к Фэй.

Она встретила его, как ни в чем не бывало, сказав просто:

— Проходи.

Пит зашел, озираясь по сторонам, а Фэй ухмыльнулась:

— Здесь никого нет, Пит.

— Я принес вино и еды, — он протянул пакет.

— Это хорошо, а то есть нечего уже два дня. У меня так часто бывает, не удивляйся.

Пит решил промолчать. Он покружил по комнате, пока она разбирала пакет, а потом, решительно предложил:

— Давай будем друзьями.

Фэй фыркнула, в глазах замаячили чертенята:

— Думаешь, получится?

Она приготовила простой ужин: жареное мясо, картошку, салат. Они пили вино и говорили на вечные темы: о музыке, кино и погоде. Потом Пит внезапно произнес:

— Я хочу тебе рассказать о том, как мы познакомились с Сетом.

Фэй слушала его историю молча, с замиранием сердца, переживая за мальчишек и удивляясь все больше. Потом сказала:

— Впечатляет. На, а как мы познакомились с Сетом, ты знаешь.

— Я не знаю, как получилось так, что он появился в твоей жизни снова.

— Почему ты не спросишь у него?

— Я не могу, Фэй. Я не могу говорить с ним о тебе. Боюсь, что не смогу скрыть... свои чувства, его реакция на тебя тоже странная.... В общем, здесь все не так как обычно.

— Тогда давай о нем больше не говорить. Словно его не существует.

Пит встал рядом с ней:

— Если бы это было так, то я мог бы делать все, что мне хочется.

— Вот и делай. Мы не сможем быть просто друзьями, Пит.

Следующие несколько месяцев Фэй вспоминала, как лучшие дни ее молодости. По сути, они и стали ее лучшей порой в жизни, той самой, которую хранят в сердце все старушки, не помня лишений, неприятностей и неудобств. Когда Фэй стала старше, то, вспоминая молодость, думала лишь об этих месяцах. Они стали своеобразной точкой отсчета на ее пути: до и после, неким размытым определением любви, радости, светлых воспоминаний, приятных волнений — всем тем, что сопровождает светлую пору юности.

Маленькая Фэй была очень одиноким существом. Она помнила ощущение, будто она одна во всем мире, что мир — большой и необъятный, и лежа у себя в кровати ночью, осознавала свою мизерность и ничтожность. Ей казалось, что жизнь, шагая как некий монстр, просто наступит на нее огромной лапой и, раздавив, промчится в вечность, не заметив. Девчушка дрожала под одеялом, и не с кем было поделиться своими страхами. Раньше Фэй всегда слышала за стеной ругань родителей, но она прятала голову под подушку и звуки исчезали, а на их месте появлялась пугающая тишина. Воспоминания о школе были размытыми, как будто она не проживала те дни, а попадала на время в другое измерение: та жизнь вроде тоже была, но она быстро заканчивалась, и опять одинокие вечера в комнате. Дети в школе сторонились ее, видя, что она странная. Правда какой-нибудь мальчик всегда маячил на горизонте, хотел проводить или помочь с уроками, но пригласить его к себе было невозможно, а ходить куда-то она не могла. Она боялась нормальных семей и отношений, она чувствовала себя там изгоем, не знала, что говорить и как себя вести. Если ее угощали — кусок не лез в горло, если о чем-то спрашивали, то она краснела и молола всякий вздор. Да еще ее способность постоянно что-то сочинять. Девочка рассказывала небылицы не только друзьям, но и их родителям. И если со сверстниками это сходило, то взрослых, конечно, было не обмануть. Они понимающе улыбались, а потом говорили своим чадам, что Фэй лгуня и что не надо с ней дружить.

Ни один учитель в школе не захотел увидеть ее и ее маленькую трагедию, они видели только странную ученицу, готовую принести неприятности, потому и не любили. В старших классах, когда Фэй стала понимать, сколь слепы и глупы были люди, обучавшие ее, то стала выражать протест на каждое их слово. Она спорила, грубила и унижала. Множество прочитанных книг позволяло ей выходить с достоинством из любого спора, и Фэй могла заткнуть за пояс любого. В конце концов, учителя ее возненавидели, но старались больше не трогать и все с нетерпением ждали ее выпуска.

На выпускной бал Фэй не пошла. Матери к тому времени уже не было, а отец жил с новой семьей. Если с ухажером можно было бы решить вопрос, то платью взяться было неоткуда. Фэй не особо страдала, что ей не удастся всю ночь пить, плясать и веселиться до утра, просто не нравилось, что она вновь осталась за бортом.

колледже жизнь стала проще. Новые люди, новые преподаватели. Здесь ее талант стал очевиден, и преподавателям нравилось общаться с Фэй, нравилась ее начитанность и образованность. Каждому хотелось прибавить в свою копилку отрытый талант. Девушка, в отличие от большинства сверстников, всегда тянулась к новому, старалась понять, что ей говорят, и многие преподаватели свои лекции вели для нее. Однокурсники тоже не знали странностей Фэй в школе, и ее замкнутость притягивала к себе. С ней пытались

подружиться девчонки, парни приглашали на свидания, так что Фэй стала популярна. Это смущало, но девушка понимала, что необходимо научиться общаться с людьми, несмотря на свои тайны. Прошное не должно помешать ее будущему. Она мечтала о новой жизни в большом городе: о крупном издательстве, суматохе вокруг выхода номера, поиске новостей и сенсаций, праздновании удачных событий.

С появлением Сета и Пита, ее жизнь вообще потекла по-новому руслу. Она ощутила себя свободной. Так, словно ей, наконец, дали все то, чего она лишена была все эти годы: внимание. Они помнили о ней. А она все время думала о них. Вспоминала то одного, то другого и постоянно улыбалась.

Фэй все еще подходила к зеркалу и рассматривала спину, но при этом теперь тоже улыбалась. Синяки сошли полностью, остались только два совсем маленьких шрамика: чтобы не забыла совсем. Пит любил их целовать. Он хотел, чтобы, глядя на них, Фэй думала о нем. Она заметила, что Питер любит наблюдать за ней, когда она ест, одевается, спит, смотрит телевизор. Это не напрягало, а приводило в восторг. Ребенком Фэй была лишена того, что родители рассматривают ее с любовью, восхищаясь прелестями своего чада, и теперь, когда Пит наблюдал за ней, у нее по телу бегали мурашки от удовольствия. Он привил ей уверенность в себе. Уверенность в том, что она красива. Идеальна, как он говорил. Она научилась любоваться собой, полюбила крутиться перед зеркалом, одеваться, краситься. Пит постоянно приносил милые вещи: шарфик, духи, крем. Она знала — он помнит о ней. Девушку даже не интересовало, есть ли у него кто-то еще, почему-то была уверена, что есть. Ведь Пит был таким жизнерадостным, красивым, с мальчишеской улыбкой. Она видела, как девушки на него западали. Анализируя такую популярность Пита у женщин, Фэй пришла к выводу, что они не чувствуют угрозы, он словно готов защитить всех, накрыв, как супергерой, своим плащом-невидимкой. И Фэй думала: «Пусть ему будет хорошо. Если у него есть такая потребность защищать кого-то, пусть...». Ей было достаточно знать, что он думает о ней, помнит и приходит, когда может. Фэй не сидела у окна и не ждала его, но и не забывала ни на секунду и уж точно ни с кем больше не встречалась.

Ни с кем, кроме Сета.

Сет был табу в их с Питом разговорах. Условившись раз, они никогда о нем не упоминали и избегали совместных поездок. Сету, видимо, тоже было некомфортно в присутствии Пита общаться с Фэй, поэтому он не настаивал, а потом и вовсе прекратил попытки совместно провести время. Фэй понимала, что отношения с Сетом — это страсть. Она была уверена, что это влечение как вспыхнуло, так и погаснет, это лишь вопрос времени. Но огонь, пылающий при каждой встрече, ей был необходим. С Сетом она чувствовала вулканический выплеск эмоций, а вместе с тем заряд энергии, что потом неделю летала как на крыльях. Сет дарил ей в корне новые ощущения: стрельба, верховые прогулки, быстрая езда. Он возил ее на свою яхту, и там посреди моря у них был самый потрясающий секс со времени их знакомства. Фэй не умела плавать и поэтому испытала просто неповторимые ощущения. Вокруг плескалась вода, сильного шторма не было, но волнение было весьма ощутимым. Вода — черная, блестящая, неизведанная, таила в себе угрозу. А в небе — множество звезд. Не было ничего, никаких звуков, кроме ударов воды о борт яхты. Ей пришлось довериться Сету, вверить свою жизнь в его крепкие руки, отдаться в его власть. Сет понимал это так же хорошо, как и Фэй, и в нем это пробуждало не менее яркие ощущения. И эта поездка была романтической. Обычно их отношения не носили налета романтики, но в тот вечер они оба стали ближе друг к другу, ощутили не только страсть, но и

намного более мягкие чувства. Потом любовники долго молча сидели на палубе, обнявшись и глядя на море и звезды. Волшебный воздух моря покори́л Фэй, он был слаще всяких роз.

Там на яхте она раз и навсегда полюбила море и решила когда-нибудь поселиться на побережье. Ее ушам и издерганным нервам шум прибоя был как колыбельная. Она нарушила тишину:

— Ты ведь богач, Сет, купи мне остров.

— Обязательно, — ответил он.

Фэй никогда прежде не просила его о чем-то. Не просила что-то купить или дать денег, но чувствовала, что если попросит, то он не откажет. От этого знания было приятно на душе, как Скрудж она знала о своем богатстве, но хранила его и не хотела тратить: пусть лежит, про запас.

Её перестали раздражать привычки Сета, она стала находить в них свою прелесть. А так как этот мужчина был единственным, у кого такие привычки вообще были, то это делало его уникальным: есть все люди и есть Сет. Девушка научилась подсмеиваться над ним, но невозмутимого Сета, казалось, не задевают ее злые шутки. Единственное, что его трогало, это напоминание о том, что ему все досталось готовым, что он ничего сам не достиг. Фэй нашла больное место и, время от времени, сама не зная зачем, туда ударяла. Она видела, что в такие моменты он почти ненавидит ее, но ничего не могла с собой поделать. Фэй называла его богатым мамочкиным сыночком, и эти слова прицепились к ней, как присказка, она порой и не хотела, а произносила их. Потом ей приходилось заглаживать вину, выполняя его самые неумные фантазии, но Фэй и не была против. Это было какой-то игрой, не серьезной, без четких правил, но играть нравилось обоим.

Фэй все время интересовало, что он чувствует. Испытывает ли страх? Неуверенность? Эмоции? Какие у него, черт побери, бывают эмоции? Она понимала, что он не может быть их лишен, что он просто умеет держать себя в руках, но из-за этого хотелось вывести его из себя. Посмотреть, как он взбесится, что-то швырнет, выругается нецензурным словом. Вполне вероятно, что он совсем другой человек, когда ведет дела (ведет ли?), общается с людьми (общается ли?). Она нашла множество заметок в газете о Сете Моргане, но ничего конкретного там не говорилось. Ходил, ездил, купил, делал... Кто-то совсем безликий, чужой, не Сет...

Фэй оставалось только гадать, чем он занимается, когда он не с ней, а сам Сет избегал разговоров. Это обижало, казалось, что он считает ее недостойной знать о его жизни, не хочет посвящать в тайны, способные приблизить к его миру. Фэй разочаровано прекратила попытки узнать о нем больше. Они были только здесь и сейчас. Ни прошлое, ни будущее не связывало этих двоих. Иногда, правда, когда Сет выпивал лишнего, то мог завести разговор о родителях, об ответственности его перед семьей, о том, что не видит будущего, не знает, как жить. А после Фэй видела, что ему неудобно за свою несдержанность, поэтому она научилась делать вид, будто бы она ничего не помнит.

Фэй продолжала писать дневник. Стил ь письма изменился до неузнаваемости, словно писал другой человек: мрачные мысли не посещали девушку, и каждая строчка посвящалась светлому будущему. Правда, в нем совсем не было места ни Питу, ни Сету. Фэй ждала окончания колледжа и того, что уедет из ненавистного городка, казалось, даже не задумываясь над тем, что потеряет. Она думала только о том, что приобретёт независимость, это оставалось ее главной заветной мечтой. Ведь не поедут же они за ней. Фэй откинула возможное будущее с одним их парней, с легкостью девятнадцатилетней девушки. У нее

была вся жизнь впереди, ее ждал успех, свершения и достижение целей. А любовь может и подождать... Впереди только радостные волнения и хлопоты. Впереди — будущее, а Пит и Сет, как ни крути, должны остаться в прошлом, потому что они привязаны к этому городу.

Родной город Фэй так и продолжала ненавидеть: здесь все напоминало о безрадостном детстве. Пит и Сет были просто светлыми пятнами на фоне серого города. Они представлялись ей маячками на мрачных улицах. Фэй не помнила места, где бывала с одним либо с другим, помнила только их лица и свои ощущения в те моменты. Фэй не хотела проводить время с другими парнями, которые просто перестали существовать. Они все были такими убогими по сравнению с новыми знакомыми, что Фэй не могла взять в толк: как с ними вообще кто-то встречается? Никто не мог сравниться ни с Питом, ни с Сетом, ни по восприятию мира, ни по тому, как эти двое смотрели на нее, ни по тому, какие эмоции вызвали в ее душе. Страсть и нежность. Буря и штиль. Фэй понимала, что ей повезло. Она могла всю жизнь прожить и не почувствовать в полной мере ни одного из этих ощущений, но получила все и сразу. Безрадостное детство научило ее ценить прекрасные мгновения, подаренные любовниками.

Но амбициозной душе хотелось большего: признания людей, независимости, достижений. Фэй не хотела просить о помощи, мечтала всего добиться сама. Позже она поняла, как это было наивно, практически невозможно, но в юности все просто: надо пойти и победить.

Лето выдалось великолепным. Свободная от учебы, Фэй не получала стипендию, и приходилось подрабатывать. Ее взяли на неполный рабочий день в библиотеку, где она систематизировала книги, ставила на них штампы, переписывала формуляры, делала подшивку газет и журналов, советовала посетителям, что почитать. Работа ей нравилась: простая и знакомая, и в то же время Фэй могла в родной для себя обстановке, забравшись на подоконник, почитать. А вечером девушка гуляла, танцевала и просто отдыхала дома. Выходила в свой садик и смотрела в небо, на птиц, на цветы, полной мерой ощущая умиротворение от того, что теперь отец не придет никогда. Однажды она поехала к его дому. Она сама не знала зачем — просто порыв. Фэй увидела дом, в котором он жил, его жену и ребенка, которые радостно бегали по лужайке. Потом женщина раскачивала мальчика на качелях, подвешенных на ветку большого раскидистого дерева. Отца Фэй не увидела и уехала, так и не уяснив для себя, получила ли она то, что хотела.

Осенью Фэй всегда ощущала приступ депрессии, но в этом году все было по-другому. Девушка просто не успевала хандрить. Учеба захлестнула, а в остальное время Пит не давал скучать. Сет приходил реже, он сказал как-то, что теперь ему надо работать, и он часто уезжал из города. Большого Фэй не знала.

А потом это случилось: он престал приходить. Ничего не сказав, без каких-либо видимых причин, просто не пришел в наступившие выходные. Прошла неделя, и его опять не было. Фэй ждала. Теперь понимая, как сильно она к нему привязалась, его отсутствие ранило девушку сильнее, чем она могла предполагать. Неужели так? Она надеялась, что он все же предупредит, что больше они не увидятся. Чего Фэй только не передумала за эти дни. Однажды увидела в газете, что он участвовал в благотворительном вечере, и уяснила для себя, что он жив-здоров, с ним ничего не случилось, и стало вдвойне больней. Все вроде было ясно, но Фэй не могла поверить. В душе поселилось смутное. Так прошло полтора месяца.

А однажды, когда зима уже почти вступила в свои права, Фэй сидела у себя дома с

чашкой горячего чая, в теплом свитере и кутаясь в плед. Из-за худобы она всегда мерзла, даже летом, а уж когда наступали холода, то девушка долго не могла адаптироваться. К тому же у нее никогда не было достаточно теплой одежды, поэтому зиму бедняжка переносила плохо и считала ее своим врагом. В дверь раздался резкий стук, и сердце Фэй ушло в пятки. Она посмотрела на руки, державшие чашку, и увидела, что они трясутся. Сколько бы времени ни прошло, а от бывшего страха так просто не избавиться. Она считала страх порождением этого дома, его неотъемлемой составляющей и рассчитывала, что когда переедет, то станет спокойней. Стук опять раздался — сильный и настойчивый. Был четверг, и Фэй никого не ждала. Взглянув на часы, увидела, что уже половина двенадцатого. Перепуганная девушка тихонько, на цыпочках подошла к двери и прислушалась. В этот момент стук раздался вновь, и она ахнула.

— Кто там? — спросила Фэй, стараясь говорить уверенно.

— Это Сет, открывай.

Фэй не сразу поняла, что неожиданный гость пьян. Голос был странный, а интонации необычными. Когда она открыла дверь, то поняла, что он пьян. В таком состоянии прежде он не бывал, и Фэй не поверила своим глазам. Такого Сета видеть ей никогда не доводилось: небритого, в расстегнутой куртке, под которой виднелась мятая рубашка.

Он ввалился, стащил с себя куртку и сунул ей в руки, а сам уселся на диван:

— Я принес водку, — сказал он, как нечто само собой разумеющееся, протянув ей бутылку, — давай, налей гостю.

— Сет, я понимаю, как это звучит, но, по-моему, тебе хватит, — Фэй дрожала. Она чувствовала неладное. Пьяный Сет напомнил пьяного отца.

— Нет, все нормально. Водка — это бальзам. Наливай.

Фэй достала рюмки. У нее еще оставалось целых четыре рюмки, пережившие посещения отца.

Сет одним глотком выпил налитое и сказал:

— А ты чего же? Присоединяйся.

— Прости, но завтра мне на учебу. Я не буду пить водку.

— А с ним пьешь?

Фэй, начиная понимать и чувствуя дрожь в коленях, все же спросила:

— С кем?

Сет не ответил, недобро глянул на нее и плеснул еще водки. Фэй присела на стул, подальше от него и молчала. Дрожь сотрясала все внутри. Казалось, что это должно быть заметно со стороны, но Сет ничего не замечал. Нетрезвые люди живут словно в другом измерении, они не видят того, что происходит под носом, с другой же стороны могут обнаружить то, чего нет и в помине.

— Знаешь, что странно? Не могу ни с кем больше спать. Пробовал. Постоянно пробовал. Мое тело, как бы это сказать, меня подводит... — пьяно пробормотал Сет.

Фэй продолжала молчать. Она сжимала спинку стула и сидела, вся выпрямившись, как струна. Сет выглядел грозным. В ее глазах он сразу стал каким-то огромным. Его руки были большими, она видела неоднократно какой он сильный. Эти руки могли ее просто переломить пополам. Поднять над собой и треснуть об пол. Она боялась пьяных. Теперь, вмиг превратившись в маленькую девочку, взидала с ужасом на незнакомого Сета. Ее неумное воображение рисовало картины насилия и расправы. Фэй раздумывала, как сбежать: главное добраться до двери. Девушка медленно встала, стараясь не делать резких

движений, и сказала, что хочет воды и что ему тоже не помешает. Она старалась, чтобы Сет ничего не заподозрил, поэтому говорила уверенно и спокойно. Пройдя через комнату, резко сменила направление и метнулась к двери. Он настиг ее мгновенно. Как в таком состоянии можно было преодолеть комнату в секунду? Поистине, пьяные иногда совершают необъяснимые вещи. Сет прижал дрожащую Фэй к двери и громко прошептал ей в ухо:

— Уйти решила?

Прижимаясь всем телом, он заглянул ей в глаза. Его собственные глаза казались большими, мутными и злыми. Фэй почувствовала его дыхание на своей щеке и шее. Ощутила знакомый запах: одеколона, порошка, которым всегда пахла его одежда, волос. Казалось, что запах водки, должен был бы перебить все приятные воспоминания, но вопреки воле Фэй, «химия» тут же вернулась. От страха и возбуждения она дрожала всем телом. А он так сильно прижал ее, что его возбуждение стало очевидным. Это какой-то бред, хотеть его в такой ситуации, вопреки инстинкту самосохранения.

— Ты дрожишь... — он провел рукой по ее телу, — боишься меня? Почему?

Потом хрипло рассмеялся:

— Ну вот, все в порядке, а я уж думал, что стал импотентом. Что ты меня таким сделала. Что же ты наделала Фэй? — в голосе послышалась боль.

Сет сжал ее руки так крепко, что она вскрикнула и яростно заглянул ей в лицо.

— Да, я могу сделать с тобой все что хочу, могу задушить вот этими руками, потому что ты заслужила. — Он прижался к ней всем телом, и Фэй поняла, как ей не хватало Сета. Его силы, самоуверенности, просто его запаха, их близости. Как же быть? Ведь это Сет... Пусть злится, пусть убьет ее, пусть делает, что хочет... Фэй, перестав противиться, сделала единственное, что смогла: подняла руки и запустила в его волосы, а потом крепко обняла этого злого мужчину. У нее покатились слезы:

— Ох, Сет... — и она заплакала.

На него словно вылили ведро холодной воды:

— Фэй, ты чего? Ты боишься? Прости. Я никогда, слышишь, никогда тебя не обижу. Не знаю, что на меня нашло. Успокойся Фэй, а?

На всех мужчин действуют женские слезы. Сет не знал, что и делать. Такой реакции от горячки Фэй он не ожидал. Она так горько заплакала, ей действительно было больно, он почувствовал это. Сет поднял ее на руки, сел на диван, держа на коленях и баюкая как ребенка.

Постепенно Фэй стала впадать в дрему и Сет тоже. Среди ночи они проснулись только для того, чтобы улечься удобней, обнявшись, вновь заснуть. Впервые Сет провел всю ночь в постели с Фэй и впервые они просто крепко спали и не занимались любовью.

Утром Фэй проснулась очень рано. У нее всегда срабатывали биологические часы, и она просыпалась без будильника. Сет крепко спал, и девушка залюбовалась: он был такой красивый и незащищенный во сне. Таким она его и не видела никогда раньше. Фэй преисполнилась нежностью, чувство к этому человеку приобрело иной оттенок, чем прежде. Хотелось никогда впредь не разочаровывать его.

Девушка встала, приняла душ, оделась и вышла на улицу. Она не могла пропустить учебу. Зима показалась ей еще более суровой, чем обычно. Светало, и она увидела за забором его ауди. Подумала, что увидят и соседи.

Когда вернулась вечером после занятий домой, Сета не было. Она оставила ключ, когда уходила и дверь была закрыта, а ключ лежал под ковриком. Записки не было, но Фэй это

волновало. Впервые за долгое время она была уверена в завтрашнем дне.

В субботу Сет пришел как обычно, и они поехали на стрельбище. Сет пытался научить ее стрелять из лука, и это было потрясающе, потому что он стоял сзади и нежно сжимал ее запястье. О происшедшем никто больше не говорил, и все стало как прежде.

В последнее время Пит все чаще доставал коробку с «сокровищами». Он подолгу сидел и смотрел в нее, сам не зная зачем. Просто у него возникала такая потребность, и он доставал ее снова и снова. Потом стал думать, что, наверное, в этом кроется некий знак, символ, смысл. Его терзали мысли о Сете, о Фэй, и о них вместе. Он старался засунуть эти мысли поглубже в подсознание, и до недавнего времени не позволял им показываться на поверхности. Но теперь думал, что это чувство вины выражалось разглядыванием вещей в коробке.

Потом стало казаться, что он что-то упускает. Какую-то деталь. Что-то тревожило, и Питер стал доставать коробку каждый день. Вновь и вновь юноша перебирал старые вещи, черепки, осколки, вертел кусок цепочки. Цепочку он стал брать чаще, чем другие вещи и вскоре сам себя убедил, что важна именно она.

Наступила осень и его дела опять шли неважно. Пит все время рисковал, ходил по краю и понимал это. Он ввязался в криминальную аферу, и теперь его мысли стало занимать, как же из нее выпутаться с честью. Как бы он ни любил и ни доверял Сету, в этой ситуации не мог искать совета у друга. Сет был честным, ему претили незаконные дела. Пит считал, что, если в ближайшем будущем он не разберется с проблемами, ему придется уехать из города. Мать поймет и простит его, а он наймет ей сиделку. Оставить Фэй тоже казалось правильным решением, как бы тяжело это ни было. Если он уберется, всем станет только лучше. В конце концов, он должен был сделать что-нибудь для Сета, до сих пор ему не представлялось удобного случая. Питер размышлял подобным образом уже пару недель, как одним вечером к его дому подъехала машина Сета. Он увидел друга в окно и радостно вышел его встречать. Сет показался странным, с каким-то лихорадочным блеском в глазах, хотя больше никаких признаков беспокойства не наблюдалось. Зайдя в дом, Сет сразу же предложил выпить по рюмке коньяку, и Пит не видел причин для отказа.

Друзья уселись с бокалами на веранде, и Сет, пристально глядя Питу в глаза, сказал:

— Я вчера был у Фэй.

— Да? — Пит и не знал, что еще сказать, хотя ситуация настораживала.

— И знаешь, на что я наткнулся у нее в столе, когда искал ручку?

— Нет.

— Тебе это покажется бредом... Сравнительную характеристику... — Сет осушил полбокала.

— Чего? — Пит был заинтригован, хотя не уверен, что хочет знать, в чем дело.

— Кого, — ответил Сет. Потом, собравшись с духом, выпалил, — тебя и меня.

Питер не хотел дальше слушать. Он чувствовал себя так, словно всадил нож в Сета, сразу после того как тот его спас. Земля стала уходить из-под ног. Он понимал, что должен сказать что-то, хоть в этом помочь Сету, которому сейчас нелегко. Который отважился на этот разговор, тогда как он, Пит, прятал голову в песок все это время, делая вид, что ничего не происходит.

— И что там? — выдавил он из себя.

— Ни в чем не уступаем друг другу. Даже в сексе.

— Сет, я могу сказать в свое оправдание только то, что когда это случилось впервые, я

не знал, что ты ее нашел, а потом...

— Да ладно, Пит, я знаю, что значит хотеть ее. — Друзья открыто посмотрели друг другу в глаза, и все встало на свои места.

И всё. Они напились до чертиков и горланили песни, обнявшись и признаваясь друг другу в любви и взаимном уважении. Так, как обычно это бывает у пьяных закадычных друзей. Пит знал, что Сет пил еще полтора месяца, после этого разговора. Питер знал, что Сет перестал ходить к Фэй, а когда начал снова не знал. Объясняться с Фэй не хотел, хоть его и подмывало отчитать ее за такие наивные девчачьи глупости, как сравнительная характеристика. Это надо же было придумать! Беда в том, что чуткий Питер знал, что Фэй так же одинока, как он и Сет, что ей не с кем обсудить ситуацию и попросить совета. Он знал о привычке девушки все записывать, знал, что она вела дневник, хоть ни разу его не видел. Но мысль о том, что дневник может попасться кому-то на глаза приходила в голову. Надо было решать, что же делать в сложившихся обстоятельствах, но, видимо, думать об этом не хотелось не только ему одному. Все трое пускали жизнь на самотек и отношения так и продолжались.

Пит по натуре своей не был ни преступником, ни просто плохим парнем. На самом деле он хотел изобретать, и его пытливый ум мог в этом помочь. В арсенале молодого человека было множество идей, которые не реализовывались. Он придумывал что-то, долго вынашивал в голове, обрисовывал и складывал в копилку памяти. Иногда Пит мог зарисовать какие-то детали изобретений, но у него никогда не хватало сил завершить начатое. Его начинаниям мешало так же то, что парню приходилось самому добывать свой хлеб. Он не мог позволить матери жить в нищете, слишком рано мальчик осознал себя мужчиной, и хоть мама ему этого никогда не говорила, считал своим долгом обеспечить ей достойную жизнь. Он помнил, как она в третий раз отдавала протекающие сапоги сапожнику, а ему покупала новую модель планера.

Когда он лазил по чердакам и деревьям, родилась мечта, как и у многих мальчишек — летать. А со временем появился чертеж летательного аппарата. Верхом отваги у них с ребятами было спуститься вниз по реке на старых камерах, и они как-то смастерили огромный плот из надувных камер и отправились на нем в «плаванье». Речка в их краях была не особо бурная, но путешествие получилось просто замечательное. Они проплыли около километра, пока не налетели на острые камни и мель. Еле выбравшись из тины, счастливые дети вернулись домой, где почти всех ждала порка. Только не Пита. Тетка обещала рассказать все матери и завтра же отправить племянника домой, но на следующий день никто так и не вспомнил о происшедшем. А спустя некоторое время Пит придумал аппарат, благодаря которому можно было пройти по воде: пересечь хоть озеро, хоть целое море. Идеи подобные этим роились у него в голове, но не имели никакого применения.

Однажды он пригласил Фэй к себе в гости, и она с радостью согласилась. Ей давно хотелось увидеть, где живет Пит. Он завел ее к себе в комнату, а сам пошел делать кофе. Когда вернулся, увидел девушку сидящей на кровати, с его чертежами в руках.

— Что это такое? Я не особо разбираюсь, но тут что-то похожее на творения Леонардо да Винчи.

— Да это так...

— Пит, давай не будем тянуть и скромничать. Обойдемся без этого. Расскажи.

— Да я и не собирался скромничать. Просто хвалиться тут особо нечем. Иногда мне в голову приходят всякие мысли, идеи..., и я иногда их зарисовываю. Мог бы стать великим

изобретателем, если бы не реалии жизни, — шутливо сказал Пит.

— Подожди, ты относил это куда-то, показывал тому, кто в этом разбирается?

— Да нет, Фэй. Это глупости...

Фэй перебила:

— Какого рода? Расскажи. Вот это, что, например?

— Ох, ладно, вот хождение по воде... вот это летательный аппарат, это вот — чудо механизм для строительства. — Пит подумал, — еще есть волшебная шкатулка, чудо-молния и другое.

— Пит, давай я возьму у тебя это? Я могу спросить у себя в колледже, куда с этим надо идти и что делать.

— Ради бога, Фэй, можешь даже прибыли себе забрать, — засмеялся Пит и, отбросив листы, увлек ее на кровать.

Но Фэй в таких вещах была непреклонна. Ее привлекало все, что могло принести деньги. Она мечтала выбраться из городка и мечтала, чтобы Пит тоже был признан. Фэй не сомневалась в способностях Питера и знала, что порой маленький шанс, удача или просто случай отделяет человека от славы и богатства. Поэтому она взяла его чертежи и отнесла одному преподавателю в колледж. Тот посоветовал найти хорошего патентоведа и посоветоваться с ним. Конечно, в их городке не оказалось такового и Фэй, получив стипендию, собралась и поехала в большой город.

Приехав в туда, она первым делом отыскала библиотеку и там, чувствуя себя в своей тарелке, нашла всю нужную информацию. Она обратилась в крупное патентоведческое бюро. Но там, естественно, запросили огромную для нее сумму, только чтобы ознакомиться с чертежами. Таким образом девушка, не солоно хлебавши, уехала домой. Теперь для нее первостепенным стал вопрос, где же найти такую сумму.

Как бы ни было ей неприятно, но человек, у которого водились деньги, в ее окружении был один, и им был Сет. Просить у него деньги для Пита казалось верхом неприличия. Поэтому Фэй залезла к себе на крышу и пробила ее. Когда в очередной раз пришел Сет, она пожаловалась ему на то, что у нее протекает крыша и попросила помочь. Это был первый и последний раз в ее жизни, когда она просила деньги у Сета. Да и вообще у кого бы то ни было.

Сет, не заставив себя ждать, перевел деньги, и она оплатила услуги патентоведа. Из бюро не было известий почти две недели, хоть Фэй регулярно туда звонила. Они говорили, что им необходимо проверить всю базу, нет ли подобных изобретений. Наконец, они связались с ней и предложили оформить несколько патентов. Когда она сказала, что патенты надо оформлять на имя Питера Селби, в бюро удивились:

— Но вы понимаете, что тогда не будете иметь на изобретения никаких прав? И в дальнейшем уже ничего нельзя будет исправить?

— Оформляйте на Питера Селби, это его работа.

Весной Питер получил патенты. Так же с ним связались из бюро и сказали, что они предоставляют услуги по продвижению изобретений. Сказали, что у них огромная наработанная база предприятий готовых заинтересоваться его патентом, и если он добавит еще немного денег, то они возьмут на себя труды. Пит ничего не понимал, но согласился.

Весна принесла много сюрпризов, приятных и не очень: пропала Фэй.

Девушка сказала, что у нее выпускные экзамены, и она не хочет никого видеть и отвлекаться. Ей надо было показать себя наилучшим образом, поэтому просила дать ей пару

недель, чтобы подготовиться. Пит увлекся делами и не заметил, как пролетели несколько недель. Когда же он отправился к ней домой, то дверь была заперта, ключа под ковриком не было. Он просидел до поздней ночи, но Фэй так и не появилась. Тогда он пришел на следующий день, а потом на следующий и наконец-то встретился там с Сетом.

Сет криво усмехнулся, увидев Пита, сидящего на крылечке. Он курил, и Сет присел рядом:

— Дай закурить, мои в машине остались.

— Видел ее? — спросил Пит. Почему-то неудобно не было. Просто два друга встретились в самом обычном месте.

— Нет, — Сет помолчал, потом добавил, — вот уже две недели.

— У нее экзамены...

— Были. Они закончились две недели назад. Я узнавал.

Друзья молча курили на крылечке, даже не думая о том, что будет, если она сейчас вернется. Но она не вернулась.

Последние десять лет жизни Сет вел кочевой образ жизни. Связи с семьей были практически прерваны, хотя его дядя и двоюродные братья наперебой призывали непутевого родственника вернуться в лоно семьи. Они хотели приобщить Сета к бизнесу, либо увлечь политикой или женить на нужной девушке. Все в один голос твердили, что людям его положения не принято растрачивать свою жизнь впустую. Говорили об обязательствах и ответственности, о семейном деле, о потомках, о состоянии и возможности помочь кому-то, но Сету было плевать. В какой-то мере подобное равнодушное отношение Сета к чужой молве, являлась заслугой его отца, который в свое время пренебрег всеми злыми языками и уехал строить счастливую семью.

В детстве Сет очень страдал, когда отец вынудил его бросить элитную школу, развлечения большого города и возможности больших денег и уехать в глушь. Мальчик скучал по своей комнате, по всем тем звукам и запахам, присущим родному дому, по знакомому маршруту, которым он каждый день отправлялся к себе в школу. Он скучал по своим друзьям, которые, конечно же, говорили, что будут звонить, но звонки последовали пару раз и на том дружба закончилась. И насколько сильно он скучал по оставленному дому в городе, настолько же сильно он ненавидел ту «дыру», куда они приехали. Унылое, богом забытое место, где из развлечений у местной шпаны, только деревья, рыбалка на речке в соседней деревушке и пьяные разборки между собой. Сет возненавидел этот городок и сам себя запер в новом доме. Упрямец хотел всем своим видом показать, какой он несчастный и одинокий ребенок и тогда его родители сжалятся и вернутся в город. Мать действительно страдала вместе с сыном, но отец оставался непреклонным. Он считал, что все развлечения большого города сделают из сына слюнтяя и повесу. Там никто его не научит истинным ценностям, и они остались.

А потом Сет встретил Пита и жизнь его изменилась. Он словно взял и улыбнулся маленькому угрюмому городку, а тот улыбнулся ему в ответ. Мальчику понравился город, понравилась речка и банальные детские приключения с новым другом. Пит вечно куда-то встревал и от этого был еще милее Сету.

Гибель родителей сделала все чувства Сета сильнее. Он теперь больше дорожил семьей, которой лишился, крепче любил Пита и еще больше хотел доказать отцу, что он на что-то способен. Сету, когда он оставался один дома, гроза отныне казалась громче, а ливень лил неистовей, жара была невыносимей, а погожее утро оказывалось таким восхитительным, что невыносимо хотелось разделить его с кем-то. Но чувства прошли, как проходит всё в этом мире.

В двадцать три года Сет покинул старый дом и отправился путешествовать. Он просто не знал, чем еще себя занять, не мог найти своего призвания, не мог решить, чтобы такого сделать, чтобы отец им гордился. Какое-то время пытался разыскать Фэй, но та словно растворилась. Молодой человек понял, что она не хочет, чтобы ее нашли, имеет на то свои причины и потому особо настойчиво ее поисками не занимался. Правда, спустя пару месяцев после ее исчезновения Сету пришло в голову, что отец Фэй мог оказаться причастен пропаже. Сначала Сет отправился к девушке домой и после того как пару раз для приличия постучал в дверь, выбил дверь. Опасаясь самого худшего, он медленно обошел небольшое

жилище, но не обнаружил никаких подозрительных следов. Все было аккуратно разложено по местам, что было не свойственно Фэй. В углу протекала крыша, и Сет понял, что крышу она так и не починила. Заглянув в шкафы, юноша обнаружил и то, что они пусты.

Этого было не совсем достаточно для успокоения души, и Сет отправился к ее отцу. Как и в прошлый раз Сет поджидал Дэмьена около дома. Когда тот появился, на его лице было такое удивление и страх, что сомнения Сета развеялись. На всякий случай он поинтересовался, где Фэй, и насмерть перепуганный мужчина ответил:

— Да откуда же мне знать, если вы сами запретили ее навещать?

Руки Сета так и чесались разукрасить его снова за это «навещать», но он сдержался. Больше он ничего не предпринимал.

Новые страны увлекли молодого человека, а деньги его семьи давали неограниченные возможности. Щемящая боль в груди стала отступать, на ее место пришла отрешенность. Сет словно смотрел на все со стороны: кто-то рождался и умирал, женился и заводил детей, строил бизнес и разорялся, плакал и смеялся, а Сет просто созерцал. Его приглашали на торжества, на мероприятия, и он иногда посещал их, но чаще игнорировал, он не был подвержен какому-то общественному мнению или моде. Анализируя себя, Сет понимал, что он не такой как другие, что грусть и тоска могут вернуться со временем приумноженные, но пока что ему было хорошо. В отличие от многих на этой земле он мог насладиться своими возможностями и деньгами и просто радоваться тому, что видит новые страны, читает новые книги, узнает новых женщин и познает мир. Наверное, многие назвали бы его прожигателем жизни, но только те, кто не знал его внутренний мир. Он нашел в себе силы не поддаваться условностям и не следовать тому пути, каким следуют его современники.

И в своих странствиях Сет выбирал необычные места. Привычные курорты не прельщали, и он искал экзотики. Молодой человек провел полгода у тибетских монахов, побывал в Индии, на Цейлоне, пробовал свои навыки в скалолазании в Непале.

Конечно, благодаря своему поведению он прослыл загадочной личностью и вызывал немалый интерес у прессы, которая просто боготворила странного миллионера, ведь если удавалось добиться интервью, то он мог поведать много чего интересного, и статья получалась отличной. Сет не отдавал себе отчета в том, что общается с прессой только потому, что надеется встретить одну единственную журналистку, которая ему была бы интересна. В толпе красивых девушек, протягивающих к нему микрофон, Сет искал взглядом, смотрел им в лица, заглядывал в глаза. Между газетчиками ходили слухи о том, что экстравагантный миллионер не равнодушен к журналисткам, и чаще всего добиться эксклюзивного интервью удавалось именно хорошенькой девушке, с которой они проводили несколько дней и ночей в очередном отеле, где интервьюируемый останавливался между странствиями. Пит называл это «скитаниями». Только он мог открыто сказать такое другу. Ему не доставало Сета, ведь виделись они теперь крайне редко.

В первый раз Сет приехал в родной дом спустя три года. Потом он вообще перестал туда приезжать, ведь там не осталось ничего для него привлекательного. Когда он возвращался в Америку, то звонил Питу и высылал за ним самолет, либо тот приезжал на машине, и они отмечали встречу, как и раньше. Веселились, может немного меньше, ведь когда тебе за тридцать, то шутки уже не такие смешные, но зато разговоры стали более душевными и тем для обсуждения появилось больше. Друзья усаживались в номере с коньяком, и Сет рассказывал о новой стране, а Пит о своих новых изобретениях. И у них всегда было, о чем поговорить, и близость не прошла, как это бывает со временем. Они могли не видеться год, а

встречались, как будто расстались вчера.

Таковыми вот моментами и хороша старая дружба. Нет натянутости и вынужденности что-то говорить, можно молча пить коньяк и смотреть в огонь рядом со старым другом, получая наслаждение от присутствия близкого человека. Они всегда с удовольствием вспоминали прошлое, детство в их маленьком городке, родителей, старых приятелей. Любимой историей Пита была история спасения из горящего сарая. Вспоминали они и Фэй. Теперь уже просто как старого доброго друга. Сет всегда спрашивал:

— Ну что, нет вестей о ней?

А Пит отвечал, что нет.

Но иногда друзья закатывали вечеринки, словно им было по 20, на которых гуляло полгорода. Кто кого приводил было неизвестно, никто никого не знал, гремела музыка, и дым от сигарет стоял столбом.

Чем дольше не бывало Сета, тем больше им интересовались все, когда он возвращался. Конечно, он следил за новостями из тех стран, где бывал, но иногда судьба заносила его так далеко, что туда не доходили новости. Он часто созванивался с Питом, но по телефону всего не узнаешь, только так: «жив-здоров» и все. Каждый его приезд был неожиданностью, как для Пита, так и для самого Сета. В один прекрасный момент ему хотелось увидеть родные места, пожать руку Питу, услышать родную речь, тогда он возвращался назад.

Еще одним из его увлечений стал личный спортивный самолет. Сет научился его пилотировать и теперь получал огромное удовольствие от открывшихся новых возможностей. Отныне он всегда чувствовал себя быстрым как ветер, свободным как птица. Да-да, он мог повторять про себя все эти сравнения и просто парить в небе. Теперь он вообще ни от кого не зависел, только от погоды. Но и с ней он не особо считался. Сет не рисковал понапрасну, но и не перестраховывался каждый раз при виде тучи.

По натуре своей Сет Морган не был экстремалом и не любил рисковать жизнью, но получилось так, что последние годы он только этим и занимался.

Имя Питера Селби стало известно каждому. Большинство людей в своей повседневной жизни пользовались его изобретениями. Домохозяйки использовали специальное приспособление для чистки всех возможных поверхностей, причем делали они теперь это почти так же легко как девушки из рекламы. Строители работали специальной дрелью, в аквапарках особой популярностью пользовался его водный, ни с чем ранее несравнимый, аттракцион. Также его фирма специализировалась на разработке небольших деталей, необходимых для других изобретений.

В мозгу Пита каждый год рождалась идея, и теперь воплотить ее в жизнь стало проще простого. После того как его изобретениями заинтересовались крупные предприятия и воплотили их в жизнь, жизнь самого Пита пошла в гору. Теперь он мог просто думать и получать результат. Его хобби превратилось в прибыльное дело. Он ни на день не забывал о Фэй, благодаря которой, смог все это воплотить, но девчонка как в воду канула. Теперь Пит был успешным. Его успех, вопреки всему, сделал его еще более благодушным и улыбчивым. Он был теперь не менее интересен прессе, чем Сет. В то же время Питер со своей мальчишеской улыбкой и добрым нравом завоевал сердца всех женщин и уважение всех мужчин. Его окружал эдакий ореол «ученого не от мира сего», но ученый был молод, красив и улыбчив. Питер не видел ничего плохого в мире, все для его доброй натуры было безоблачно и радужно. К тому же Пит всегда выступал с высказываниями о том, что его изобретения только для того, чтобы сделать мир лучше, а труд проще, и изобретателя всегда встречали аплодисментами.

Как бы Питер не уговаривал мать, но перевезти ее из родного дома так и не удалось. В городке его детства была могила отца, и мама наотрез отказалась. В то же время, инвалидность не сделала женщину эгоистичной, и она сама выпроводила сына из дома. Конечно, он обеспечил ей достойный уход, но при каждой возможности спешил в родной город повидать мать.

Питеру пришлось переехать в большой город и обосноваться там. Когда он достаточно разбогател, то купил огромный дом, в который постоянно приходили люди, а хозяин всегда был рад гостям. Кроме знакомых, к нему приходили и другие изобретатели с просьбой помочь. Пит с его патологическим стремлением всем помочь, никогда не отказывал. Он старался разобраться с каждым просителем, выслушать любую, даже самую бредовую, идею. Когда же изобретателей стало слишком много, он создал специальный отдел в своей фирме, который занимался непосредственно этим. Им удалось откопать несколько вполне приличных изобретений, и он получал процент прибыли и от них.

Жизнь Пита практически не отличалась от той, что он вел в юности, поменялся только масштаб дома, вечеринок и забот. Пит два раза был женат и оба раза не совсем удачно. В принципе все развивалось по тому же сценарию, что и в юности. Сначала романтика, увлечение, цветы и приятные слова. Позже при совместной жизни его жены становились недовольны тем, что Пит такой незаменимый, что у них в доме всегда полно людей, что ночью его не бывало дома и что внимание его рассеивалось на посторонних. И, как и прежде, Пит не мог сам прервать, начинавшие тяготить отношения, и дожидался, когда его бросали. Он хорошо обеспечивал своих жен после развода, и те по прошествии некоторого

времени, забывали, как же все было плохо, и вспоминали какой же Питер милый, добрый и отзывчивый. А какие говорит слова, а как смотрит на тебя: как на королеву! Они пытались возобновить отношения, но тут уж Пит не давал слабину и красивыми словами объяснял, что войти в одну и ту же воду дважды нельзя.

Женщины так и увивались за ним, но Пит предпочитал молодых девчонок. С ними было проще. Они чаще всего хотели просто веселиться и гулять, не думая о завтрашнем дне и браке, и такое отношение к жизни ветреных девчонок было для изобретателя подходящим вариантом. Его жизненная проницательность позволяла распознать карьеристок и охотниц за деньгами, поэтому он умело обходил все опасные рифы. Ведь все же Пит был не так прост, как мог показаться на первый взгляд. Прошное многому научило, а его мозг постоянно что-то анализировал и сопоставлял. Отношения людей казались ему почти такими же, как его изобретения. Что-то поставить сюда, это передвинуть, а вот тут добавить и всё складывалось в нужную картину.

Несколько лет назад Пит бросил курить и теперь постоянно вел борьбу за свою талию. Он старался никогда не пропускать занятия в спортзале. Как только он позволял себе лениться, то фигура начинала расплываться. Поэтому он выработал привычку три раза в неделю посещать спортзал. Не то чтобы он очень переживал за свою фигуру, но стать толстяком не хотелось. К тому же становилось трудно дышать. Был еще его с детства любимый скалодром по выходным, а еще мотоцикл, который стал завершающим штрихом к его заметной фигуре. Такой себе изобретатель, летающий по городу на мотоцикле и ищущий таланты. Пресса трубила о Селби на каждом углу, а дети, увидев любого проезжающего мимо мотоциклиста, кричали: «Мама, смотри вон Питер Селби».

Детьми Питер так и не обзавелся, но мечтал их иметь. Но все как-то не срослось с первыми женами, и теперь он подумывал о том, чтобы жениться ради продолжения потомства, хоть это и претило его романтической натуре. Питер понимал, что стоит ему только заикнуться об этом и от претенденток отбоя не будет, поэтому предусмотрительно молчал.

Когда-то давно, он пытался разыскать Фэй. Сет уехал, и Пит не посчитал нужным поделиться этим с другом. Молодой человек был безмерно благодарен девушке за то, что верила в него и положила начало его карьере. Он иногда думал, а вдруг ей где-то плохо и надо помочь, потому пытался ее искать, но он ведь даже не знал, в какой город она подалась. Фэй много говорила о том, что уедет и будет работать, но он никогда бы не подумал, что уедет она вот так резко, не попрощавшись, не оставив адреса. Сначала думал, что скоро она даст о себе знать, но этого так и не произошло. Все попытки разыскать беглянку не увенчались успехом.

Одинокий Питер всегда с нетерпением ждал приезда Сета и очень по нему скучал. Ведь в толпе приятелей он не мог быть просто тем мальчишкой, каким был тогда. А со старым другом года забывались, и они снова были детьми, подростками. Ведь всю жизнь нас преследует прошлое. Кто-то ненавидит бывшее, кто-то любит, кто-то хочет забыть, а иной страстно мечтает повернуть время вспять. Все хотят того, чего не вернуть уже никогда. Некие вехи времени разграничивают всю нашу жизнь до и после того или иного события, и вся жизнь потом словно подчинена этим событиям. Когда-то что-то пошло вот так, а могло бы по-другому, и теперь жизнь стала именно тем, что она сейчас собой представляет. Пит не жил прошлым, ни в коей мере, но своей настоящей жизнью как бы считал ту, что осталась с Сетом в родном городке. А здесь был просто какой-то калейдоскоп удовольствий и

развлечений.

Он пытался понять поведение Сета и не мог. Почему Сет пренебрег всем и удалился? Почему предпочел трудности? Наверняка, его отец уже признал бы в нем настоящего мужчину и требовал бы приступить к обязанностям. Возглавить род, дать ему продолжение. Сет, похоже, и не пытался это сделать. Ему словно все было не интересно. Он летал на своем самолете, возвышаясь над ними, оставшимися на земле. Он всегда таким был, но сейчас воздвиг стену.

На днях Сет наконец-то позвонил Питеру и сказал, что возвращается. Пит был на седьмом небе, и решил устроить пир на весь мир. Он всегда таким был, когда ему было хорошо, хотел поделиться со всеми.

3. Фэй

Фэй сидела у себя на кухне, и смотрела на книгу, подперев голову рукой. Перед ней лежала большая красочная детская книжка: яркие картинки, глянцева́я обложка — загляденье. Больше всего притягивало взгляд имя автора — Фэй Эплл. И автора переполняли чувства, она еле сдерживала слезы радости. Вот оно! Наконец! Таким долгим был ее путь к признанию.

Одиннадцать лет прошло с тех пор, как окрыленная юная Фэй уехала из родного городка, имея на руках лишь диплом, небольшой чемодан и мизерную сумму наличности — все, что удалось скопить на новую жизнь. Фэй до самого конца не могла поверить, изучая карту, что сейчас она ткнет пальцем куда захочет и изменит всю свою жизнь. Возможности были безграничны: главным критерием выступал теплый климат, но важен был и размер города — он должен был быть достаточно большим и преуспевающим. Теплый климат освобождал ее от покупки (и перевоза с собой) зимних вещей и обуви. Фэй всегда была не в ладах с холодами, поэтому не сомневалась и на миг, что поедет она в теплые края. Девушка бросала свою прежнюю жизнь без особых терзаний, ведь впереди — только счастье.

Сняв крохотную квартирку в городе, на который пал выбор, она старалась не тратить деньги, поэтому первое время жила без самых необходимых вещей. Начался долгий и изнуряющий поиск работы. Никого не волновал ее диплом малоизвестного колледжа. Верить в ее таланты тоже никто не хотел, и уверенность Фэй таяла вместе с теми скудными запасами наличности, какие у нее оставались. Но она продолжала ходить на собеседования, где чаще всего на нее смотрели с презрением и относились откровенно по-хамски. Так продолжалось до тех пор, пока она не попала на прием к директору одного небольшого, но уверенно стоящего на ногах издательства. Как только Фэй попала к нему в кабинет, то поняла, что это ее шанс, упустить который она не имела права. За столом сидел мужчина лет сорока, с небольшим животиком и лысиной. Как только мужчина увидел Фэй, его глазки заблестели, и он чуть ли не облизнулся. Фэй распознавала подобных типов мгновенно: противный и похотливый он без ума от таких, как она. Она видела его нескрываемое желание, потому подыграла работодателю, улыбаясь и застенчиво опуская глаза. Как бы велики ни были ее таланты, но работу она получила только благодаря вождению директора.

Начались рабочие будни в издательстве. Проявить себя никто не давал, и возможности не представлялось. По сути, она была девочкой на побегушках: кофе, исправить ошибки, подкорректировать статью, переписать уже написанное, другими словами. Фэй считала, что шанс обязательно представится, главное набраться терпения. И у нее теперь была зарплата, пусть небольшая, но девушка не голодала. Самым неприятным было то, что ей приходилось каждый день увиливать от домогательств директора. Он постоянно вызывал ее к себе в кабинет, просил нагнуться и посмотреть статью вместе с ним, при этом пыхтел, потел и облизывался. Иногда задавал ей вопросы личного характера и как бы невзначай дотрагивался. Терпеть приставания она конечно могла, но жизнь была бы заметно проще без них. По вечерам директор предлагал ее подвезти, и Фэй приходилось находить отговорки, почему она не может именно сейчас или сегодня. Отговорки уже подходили к концу, и изворачиваться становилось все трудней. Фэй с ужасом ждала того дня, когда ей придется

поехать с начальником, затем пытаться продержаться на работе еще месяц, пока она откажет ему окончательно. Девушка непрерывно искала работу в другом издательстве. К тому же здесь ее недолго любили из-за симпатий босса, и работа не приносила никакой радости. Фэй повезло, когда в один прекрасный день директору пришлось уехать на целый месяц, и она вздохнула свободней. Проработав там полгода, Фэй не сдвинулась в карьерном плане с мертвой точки, но нашла другую работу. Это был женский журнал, а директор — женщина. Работа была такой же, как и на прежнем месте, но имела неоспоримые преимущества — здесь не приходилось отбиваться от директора. Один этот нюанс сделал Фэй счастливой. Проявить себя в женском журнале оказалось еще сложнее, потому что вся его суть заключалась в несерьезных женских статьях и советах о том, как одеваться, краситься и что модно в новом сезоне. Работали там, в основном девушки, все как на подбор высокие, модные и стильные. Сперва Фэй чувствовала себя немного не в своей тарелке в окружении всех этих красивых женщин. Но на удивление у девушек сложился теплый и радушный коллектив, где ее приняли за свою. Никто не указывал на ее недостатки, не относился как к прислуге, не требовал невозможного. А еще журнал периодически устраивал фотосессии одежды известных брендов, которую журналу дарили после съемок. Сотрудницы могли покупать брендовую одежду по весьма низким ценам. Фэй обзавелась хорошим гардеробом, который при других обстоятельствах ей был бы не по карману.

Проработав так еще год, Фэй получила повышение. Теперь она была штатным журналистом и писала небольшие статьи для журнала. Все статьи касались диет, похудения и правильного питания. Ее материал нравился начальнице, но Фэй этого было мало. Она искала пути к славе, а жизнь простой журналистки и написание этих статей ее не устраивали. Работа занимала все время. В ней заключалась вся ее жизнь. Фэй просыпалась рано утром и шла на работу, вечером возвращалась домой, готовила себе ужин и ложилась спать. Все свободное время она писала. Писала рассказы и отсылала их в разные издательства, но никто не хотел заниматься неизвестной писательницей.

Фэй не встречалась с мужчинами, потому что боялась, что они помешают добиться успеха. Если в свободное время она будет встречаться с кем-то, то так и не напишет ничего стоящего. Она смогла перебраться в квартиру получше, наладила быт, но это были все ее достижения.

Так прошло еще два года. В конце концов, Фэй поняла, что помочь ей сможет только случай, невероятная удача или выгодное замужество. Она уже не верила в случай, понимала, что прождать его можно до глубокой старости, а он так и не представится. Без семьи и связей, в незнакомом городе она не могла ничего добиться. Пора было это признать. Поэтому Фэй решила, что кто-то должен ей помочь. За все в жизни надо платить.

Понимая, что ей надо начать вращаться в кругах, где можно завести полезные знакомства, Фэй удалось перевестись в отдел, занимающийся модой. Теперь у нее были приглашения на все большие показы мод, где собирался весь бомонд. Она ходила на благотворительные вечера, и освещала, кто и во что был одет, на вручение престижных премий и на другие подобные мероприятия.

На одном из благотворительных вечеров девушка познакомилась с Остином. Сухощавый, крепкий, высокий — он был в ее вкусе. Остин был политиком и внешне и в душе. В нужный момент мог смеяться и поддержать любую беседу, в иной ситуации — твердым. Он был уверен в себе и своих суждениях. Говорил громко и всегда оказывался в центре внимания. Это ему нравилось. Нравилось купаться в лучах славы. Очень

амбициозный, он был уверен, что будущее и весь мир у него в кармане. Фэй познакомилась с ним совершенно случайно и не расставляла никаких сетей. Он попался сам на все тот же крючок — страсть. Фэй по жизни обладала даром воспламенять страсть в некоторых мужчинах. Ее заслуги никакой в том не было, просто так было. Кто-то без всякой причины и уловок влюблялся в Фэй и не видел и не хотел больше никого. Так было и с Остином. Столкнувшись с девушкой на фуршете, он просто не мог оторвать от глаз. Познакомился. За словом в карман он не лез и не был смущающимся мальчиком, а уверенным мужчиной. Немедля, Остин пригласил ее на ужин.

В прекрасном ресторане политик не сводил глаз со своей спутницы, он весь горел и светился. Остин старался произвести впечатление, рассказывая о своей головокружительной карьере и планах, но Фэй ничуть и не сомневалась в его способностях: этот человек просто излучал успех и уверенность. Такие люди могут запросто стать духовными наставниками в секте, народ пойдет за ним. На все надо время, но потенциал был на лицо. Фэй нравился Остин, его живой ум, интересные речи: хоть и о политике, но взгляд был свой, особенный. Он был галантен, придвигал стул и оставлял за ней выбор.

Фэй давно не чувствовала себя такой живой, как ощутила в его обществе. С тех пор как она рассталась с родным городом и всем, что с ним связывало, она ни разу не занималась любовью. Она прикинула, что прошло уже больше трех лет. Молодая женщина смотрела на Остина и представляла, какой же он любовник. Наверняка такой же открытый и уверенный в себе. Как только она подумала об этом, щеки ее вспыхнули, и от его внимательного взгляда это не укрылось. Мужчина почувствовал ее флюиды, и его самого как жаром обдало. Воспитание не позволяло ему предложить тут же поехать куда-то, и он томился в ожидании. Фэй неспешно доела десерт, и предложила прогуляться по набережной. Был сладкий теплый вечер, они шли рука об руку и молчали. Остин не выдержал, развернул ее к себе и поцеловал. Как и предполагала Фэй — уверенно, властно, крепко. Она так давно не испытывала подобных ощущений, что ее пробрала дрожь. Остин почувствовал это сквозь тонкую ткань платья и, как и все самоуверенные люди, тут же посчитал, что победа за ним. Теперь он целовал ее еще более страстно, наслаждаясь властью. Как ни велико было желание, охватившее Фэй, она отстранилась и попросила проводить домой. Девушка понимала, что теперь Остин не отстанет пока не получит своего. Так уж устроены мужчины: завоеватели и охотники. Конечно же, Фэй оказалась права, и на следующий день звонок застал ее, когда она собиралась домой после работы.

Остин принес цветы — красные розы, намекая на свою страсть. Они провели чудесный вечер, поужинали в скромном кафе и погуляли по парку. Как оказалось, парк был рядом с домом Остина, и он предложил зайти к нему на чашку кофе. Фэй понимала, что может подогревать его страсть еще пару дней, но сути их взаимоотношений это не изменит. Отношения либо будут, либо сойдут на нет после близости и не суть важно, когда эта близость случится. А хотели ее оба, поэтому Фэй согласилась. У него была прекрасная квартира-студия, модная и современная, конечно же, с большой кроватью, застеленной красивым покрывалом. Остин старательно ухаживал за Фэй, сделал напитки и старался не проявлять нетерпения. Однако, как бы Остин ни пытался быть джентльменом, его желание скрыть было невозможно. Фэй это очень польстило: чаще всего мужчины не умеют себя держать в руках и набрасываются словно оголодавшие, а Остин старался ради нее. Поэтому Фэй, так близко приняв к сердцу его благородные порывы, проявила инициативу сама. Он присел на кровать и что-то быстро говорил. Девушка подошла к нему, села верхом и

поцеловала. Так страстно, как только была способна. Этот поцелуй разрушил все его попытки держать себя в руках, и он сдался. Они целовались и целовались, и не могли разомкнуть губ. Поцелуй был правильным, подходящий обоим, не надо было подстраиваться и привыкать к ритму другого. Как говорится, он «звучал в унисон». Фэй приятно было ощущать его твердые мышцы под пальцами, он был весь словно железный. Только теперь она до конца поняла, как ей не хватало этих ощущений, как ей не хватало в жизни мужчины, и как она была глупа, лишив себя этого. Раньше она была словно полуживая, а теперь вся ее энергия выплеснулась наружу. Остин, казалось, был просто сражен ее напористостью. Он безропотно отдался ей и получил от этого небывалое, фантастическое удовольствие. Такой властный и уверенный он получил истинное наслаждение, подчиняясь. Фэй интуитивно нашла его заветную струнку и сыграла на ней.

Вот так все и началось. Они встречались, гуляли, разговаривали долгие разговоры, занимались любовью. Через полгода Остин сделал ей предложение. Его жест был скорее политическим, а не романтическим. Ему было уже за тридцать и политик в его возрасте, если хочет сделать карьеру должен быть примерным семьянином и иметь как минимум двоих детей. Ему не раз об этом намекали, и он сделал выбор. Фэй ему подходила, и он любил ее. Конечно, для его карьеры было бы полезней жениться на дочери какого-то магната или конгрессмена, но на горизонте не было никого подходящего. А его тщеславие подстегивало сделать себя самому. Поэтому выбор пал на Фэй: милая, красивая, с достойной работой. Он навел справки о ней, и ничто в ее прошлом не могло навредить его карьере и репутации. К тому же оставался секс, а лучшего у него не было.

Фэй согласилась. Она не испытывала к Остину восторженной любви и не пылала страстью. Но глубоко уважала и ценила его лидерские качества и стремление добиться многого. Ведь большинство людей вообще ни к чему не стремятся в жизни, а уж тем более такие честолюбивые планы, как у него, дорогого стоили. Он был упрямый и напористый и всегда добивался своего.

За пять лет их брака карьера Остина успешно шла в гору, но Фэй не могла добиться от него помощи в своей. Он так был занят разъездами, встречами и собственным лоском, что на нее времени просто не оставалось. Дети тоже почему-то не получались и брак стал рассыпаться. Фэй потеряла интерес и к мужу, и к браку в целом, а вместе с тем и напористость в сексе. Она оставила инициативу за супругом и тогда все вообще пошло под откос. Охладели оба. Фэй знала, что может все вернуть, но поняла, что этот брак не принес ей ожидаемого. Он завел интрижку на стороне, и Фэй обрадовалась. Узрела в этом шанс. Она поставила его перед выбором: он способствует продвижению ее книги, договаривается, нажимает, где надо, а она тихо-мирно дает ему развод. Остин поскрипел зубами, но согласился.

Вот так и увидели мир ее сказки: ее надежды и мечты детства.

4. Сет и Пит встречаются Фэй

Приближался Хэллоуин, и Сет рвался домой. Он с детства любил этот праздник, а нигде кроме его родной страны его не умели отмечать с таким размахом. Никто не украшал жилища с таким размахом и не ходил столь настойчиво по домам за сладостями в других странах. Этот праздник ассоциировался с родиной, и Сет очень хотел увидеть Пита, напиться с ним и поговорить по душам. Поэтому он, долго не раздумывая, позвонил единственному другу и сказал, что летит, а потом прыгнул в свою маленькую спортивную «Сесну» и направился домой.

Пит, узнав, что Сет прилетает, подготовил чудную вечеринку. Его дом был полон гостей, угощения для детей было припасено достаточно и веселье жило, дышало в каждом уголке его дома, выплескиваясь и наружу.

А Фэй так и просидела бы весь вечер одна, с умилением любуясь своей книгой, но в дверь раздался звонок. Вздохнув, она пошла открывать. За порогом как она и предполагала, стояла Лайт. Фэй улыбнулась. Она до сих пор смотрела с удивлением на эту девушку. У нее была подруга! Да именно подруга — настоящая, с охами и ахами, с которой Фэй делилась всем, ходила по магазинам и салонам красоты. Познакомились девушки в спортзале и, разговорившись, нашли много общего. Фэй нравилась Лайт, она была красивой, стройной и светловолосой. Настоящей американкой с обложки журнала. Но вместе с тем Лайт была умницей, в свои тридцать она являлась автором множества научных статей, преподавала в университете гражданское право и занималась адвокатской деятельностью. Она рьяно отстаивала права человека, и чувство справедливости у защитницы било через край. Иногда Фэй задавалась вопросом: почему они подружились? Но прямого ответа найти не могла. Это как в любви, вспыхивает и всё.

— Так и думала, что ты будешь сидеть и чахнуть над своим шедевром. — Лайт, влетев в комнату, бросила взгляд на книгу. — А ведь сегодня Хэллоуин. И мы пойдем на вечеринку.

— Нееет, неет и еще раз нет. Я не пойду. И вообще терпеть не могу этот праздник. Тупость для малолеток.

— Понятно: несчастное детство, нет костюма и всё такое, я поняла. Но... мы будем менять стереотипы. Ты полюбишь этот праздник и будешь веселиться, как ребенок.

Фэй запротестовала, но Лайт прервала:

— Я принесла тебе костюмчик. И себе, кстати, тоже. Забежала по дороге в прокат.

Гостья швырнула на кровать пакет и стала доставать из него наряды.

— Вот — это тебе.

Фэй прыснула:

— Это что? Лайт, ты с ума сошла? Женщина-кошка? Я?

— А что? Там еще оставалось что-то типа мадам Помпадур, но я подумала, что все же лучше кошка. Мяу.

— Нет, — Фэй хохотала, — ты неисправима. А себе что взяла?

— Нууу, были только пистолы, так что я Лара Крофт.

— Ну конечно, она Лара Крофт, а я кошка. Давай меняться.

— Нет, кто принес костюм тот и выбирает. И вообще на тебе будут шикарно смотреться эти шорты.

— Это не шорты, Лайт. Это какие-то кожаные трусы с хвостом. Кошмар. Я такое не одела бы и в восемнадцать, а ты хочешь, чтобы я...

— Да ладно тебе, это же Хэллоуин. К тому же здесь маска.

Лайт заразила Фэй своим весельем, и они, веселясь как школьницы, наряжались.

Фэй посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась:

— Я не смогу выйти на улицу.

— Там темно уже, еще как сможешь.

Короткие шорты и сапоги на высоком каблуке на платформе. Обтягивающий топ. Маску Фэй сняла, сказав, что ничего в ней не видит, но Лайт не протестовала. Она в простых шортах с револьверами по бокам и коротким топом выглядела вполне пристойно.

— Не могу поверить, что ты меня уговорила. И куда мы идем?

— На вечеринку. Там говорят, будет весь свет. Я еле достала приглашение. Весь город знает, что там устраивают лучшие вечеринки на Хэллоуин.

Выйдя из дома, подруги сели в машину Лайт и помчались навстречу развлечениям.

Подъехав к дому, Фэй действительно удивилась размаху, с каким кто-то празднует канун дня всех святых. Огромный дом, весь в огнях, был украшен самыми различными страшилками. Множество горящих тыков с разнообразными рожицами, а во дворе сотня человек в костюмах. Гремит музыка и смех. Фэй не хотела выходить на улицу. Но Лайт, решительно обогнув машину, открыла дверь и вытащила женщину-кошку на свет. Со стороны выглядело так, словно Лара Крофт изловила ее и ведет под дулом пистолета.

Втащив подругу во двор, она тут же умудрилась раздобыть где-то по бокалу шампанского и заставила Фэй выпить его залпом.

— Пей, пей, тебе надо расслабиться. Уверена, после второго бокала ты почувствуешь себя как дома.

— Ой, какая милая киска, — немедленно кто-то проворчал поблизости. — Если захочешь помурлыкать, найди меня.

Фэй увидела скелет, нетвердо стоящий на ногах.

— Обязательно.

Шампанское сыграло свою роль, и тепло пошло по телу, скованность стала проходить.

— Вот видишь, я не сомневалась, что ты будешь пользоваться бешеным успехом.

Фэй улыбнулась и взяла еще бокал шампанского, протянутый Лайт.

Потом Лайт зашептала ей в ухо, что ей кажется, что вон тот (они так и не смогли определить, кого он пытался изобразить) прокурор, и она пойдет и попытается войти с ним в контакт.

Лайт улизнула, а Фэй допивая шампанское, решила прогуляться по саду и осмотреться. Шампанское ударило в голову сильнее, чем она предполагала и ее пошатывало. Да еще и эти невероятные каблуки...

Фэй обогнула дом, здесь было тише, и раскинулся небольшой прудик, декорированный по кругу мозаикой, он освещался фонарями, везде стояли вазоны с растениями. Фэй пришла в восторг от этого места и направилась к воде. Из-за угла появилась парочка. Мужчина шел спокойно, а рядом щебетала и чуть не подпрыгивала какая-то девушка, вся в белом, по всей видимости, привидение. Фэй попыталась скрыться, чтобы не мешать парочке, но не заметила гнома на газоне и, споткнувшись, полетела прямо на парочку, размахивая бокалом. Испуганное привидение отскочило с визгом в сторону, шампанское выплеснулось на его спутника, Фэй чуть было не упала, но мужчина успел подхватить ее.

— Простите, пожалуйста. Я не заметила гнома...

Фэй, чувствуя стыд, подняла глаза и встретила холодные голубые глаза Сета.

Он продолжал ее крепко сжимать и смотреть, не отрываясь, ей в глаза. Фэй попыталась освободиться, но Сет сжал ее предплечье сильнее. Он молчал и Фэй тоже. Неловкую ситуацию разрядила девушка-привидение:

— Вроде, все хорошо, Сет, отпусти ее, этой кошке больше ничего не угрожает. Была рада познакомиться, — защебетала она, — увидимся.

Привидение явно выпроваживало женщину-кошку, Сет нехотя разжал пальцы, и Фэй ретировалась. Она зашла за угол, и прижалась спиной к стене. Сердце выпрыгивало из груди и ноги не слушались. Фэй не хотела так убегать, это было по-детски глупо, но ей надо было совладать с чувствами. Больше всего на свете она не хотела дрожать и робеть при этом человеке. Все прошедшие годы она понимала, что рано или поздно эта встреча произойдет, но сейчас Фэй была не готова. Да еще в этом костюме! Девушка покраснела: она его облила. А как он посмотрел: холодно, зло, с неприязнью.

Она услышала шаги слишком поздно: мягкая легкая походка, почти бесшумная. Фэй даже не успела отстраниться от стены, как рядом появился Сет. Не желая, чтобы он понял ее душевную смуту, Фэй небрежно сказала:

— Ты что, бросил девушку — привидение? Теперь она будет скитаться ночами, и греметь цепями.

Сет и не думал улыбаться. Угрюмо произнес:

— Так значит, это ты.

Он молча рассматривал беглянку. Фэй было неуютно под оценивающим взглядом, хотя она знала, что стыдится ей особо нечего. Лайт была права, у нее были красивые стройные ноги, а в этих шортах и сапогах и подавно, свет здесь был ночной, приглушенный, он выигрышно скрывал мелкие морщинки на ее лице. Фигурой она особо не изменилась, набрала килограмм пять, но это пошло ей только на пользу, появилась женственность. Она читала мелькающие мысли, отражающиеся в его глазах, и сама была не в силах оторвать взгляда. Сет тоже мало изменился. Его образ жизни позволял остаться молодым еще долгие годы. Появилась только отстранённость. Эта черта всегда была ему присуща, он был как будто чуть выше остальных, но теперь словно созерцал со стороны. Все такой же красивый, подумала Фэй.

— А ты загорела, — Сет провел рукой по ее щеке.

«Ну почему, — подумала Фэй — спустя столько лет, простое прикосновение его пальцев словно обожгло кожу?» Пальцы слегка шершавые, словно оцарапали нежную щеку. Простое прикосновение, а сердце было готово выскочить. Нахлынула волна возбуждения, Фэй задохнулась. Ничего подобного за все эти годы девушка не испытывала. Это было выше ее разума, ничего поделаться со своим телом она не могла. Смущенная Фэй испугалась, что Сет увидит ее реакцию. Она тогда сгорит со стыда!

— И еще это... — Сет провел рукой по ее волосам. Она отрастила волосы ниже плеч и сейчас они были забраны в гладкий конский хвост.

Сет почувствовал, что готов наброситься на негодную девчонку прямо здесь. Несмотря на приличия, на вечеринку и на все остальное. Опять это чувство, которое возбуждала в нем только Фэй и больше ни одна женщина. Он уже и забыл, каково это захотеть обладать, поддаться животным инстинктам. Ведь он разумный взрослый и цивилизованный человек, а ничего приятней этого чувства не испытывал. Как такое вообще может быть? Сет смотрел на

Фэй и размышлял об этом. Да, он повзрослел, теперь мог просто стоять и раздумывать, испытывая непреодолимое влечение, ощущая возбуждение. Когда-то давно он прочитал «Парфюмера» и теперь готов был понять толпу, разорвавшую обладателя чудного запаха. Так хотелось ее обнять: с силой, положить руки на тонкую шею, вжаться всем телом, обладать этой независимостью. Видимо в независимости было все дело, в непокорности, в отрицании общепризнанного. Этим она его покоряла. Ведь мужчины охотники...

Фэй надоело молчаливое созерцание. Совладав с собой, она сказала единственное, что могло вывести Сета из задумчивого состояния:

— А Пит тоже где-то здесь?

— Пойдем, — Сет, как и всегда, был немногословен.

Он взял девушку за руку и, сильно сжав, потащил за собой.

— Эй, осторожней, — Фэй попыталась выдернуть руку, но Сет сжал еще сильнее. — Слушай, я не собираюсь убегать.

Сет понял, что невольно сжал слишком сильно и отпустил. Они пошли рядом, разыскивая Пита.

Оба, не сговариваясь, искали самую шумную и веселую компанию. И вот в холле давние друзья ее нашли. Протиснуться к Пити оказалось нелегкой задачей, но при виде Сета народ все же расступился.

— А, Сет, а я уж потерял тебя, — обрадовался Пит.

— Смотри, кого я тебе привел, — ответил Сет, вытаскивая Фэй из толпы.

Пит поначалу просто улыбался и не мог взять в толк, о чем это его друг, но, наконец, понял. С Питом всегда было намного проще, он просто завопил:

— О господи, Фэй, — и, сжав девушку в объятиях, оторвал от земли и закружил.

Напряжение спало, и Фэй хохотала, пытаясь вырваться:

— Ну, все, хватит, у меня голова кружится. А я пила шампанское, между прочим.

Пит поставил драгоценную находку на пол, посмотрел внимательно, а потом опять обнял. Люди смотрели в недоумении на это представление, гадая кто же это такая, но Пит, уже никого не замечая, потащил Фэй вон из комнаты:

— Пойдем, пойдем, куда-то, где более уединенно.

И вся троица стала подниматься на второй этаж.

Пит привел друзей в небольшую уютную комнату, открыл бар и разлил шампанского:

— За встречу! Я радовался сегодня встрече с одним другом, а получил сразу двоих.

Они выпили и уселись как старые добрые друзья. Пит все смотрел на улыбающуюся Фэй:

— Ты все такая же красотка. Даже лучше. И волосы отрастила.

— Ага, — ответила Фэй.

— И как ты живешь? Где и с кем?

— В этом городе. Я замужем, он политик. — Фэй и сама не знала, зачем солгала, подумала, что так будет проще.

— Работаешь, как и хотела?

— В общем да, работала. На днях вышла моя книга.

— Значит, добила все, чего хотела?

— Не совсем всего. А ты, Пит, знаменит на весь белый свет. Я так тобой горжусь.

— Это ведь твоя заслуга. Все эти годы я хотел сказать это тебе. Если бы не ты, Фэй, ничего бы не было.

— Да, Пит, о чем ты...

Сет до того молчавший спросил:

— А можно поподробней? Что-то я не понял.

— Если уж на то пошло, то это на его деньги, — Фэй совсем захмелела от шампанского и чувствовала себя просто превосходно, раскованно и легко.

Сет в недоумении приподнял бровь, а Фэй продолжала:

— Теперь-то чего уж... Я взяла деньги у Сета, якобы на ремонт крыши и заплатила за патенты Пита.

Теперь они оба смотрели на нее в полном изумлении:

— Ты самая удивительная из всех, Фэй, — проронил Пит.

Так они и сидели вместе, вспоминая, рассказывая, смеясь. Незаметно опустели четыре бутылки шампанского. И тут Сета осенило:

— Фэй, а ведь я купил тот остров... — Сет был навеселе.

— Какой остров? — Фэй вообще не знала, как она еще держится, но ей было несказанно хорошо.

— Который ты просила. Говорит, купи остров, — это он пояснил Питу, — а я взял и купил. Но она-то пропала, так что подарить его не представилось случая.

— Аааа, так давайте увидим, — обрадовался Пит.

— Точно, решено, летим на остров, — Сет был решителен и пьян.

Друзья поднялись, взяли Фэй под руки, при этом смеялись, шатались и размахивали бокалами с шампанским.

Поистине, только пьяным людям порой приходят столь гениальные мысли.

— А как мы туда доберемся? На ковре-вертолете? — сказочнице Фэй все уже было нипочем.

— Нет, на моей не менее волшебной «Сесне». Я теперь, между прочим, пилот.

— Сет, кто разрешит тебе в таком состоянии лететь?

— В каком состоянии? Я абсолютно трезв. К тому же я не просто Сет, а Сет Морган.

Они прыснули, это высказывание показалось друзьям великой шуткой.

Троица вышла, наконец, из комнаты и неуверенно спускалась по ступенькам. В этот момент в холл внизу вошла Лайт, давно разыскивающая Фэй. Ее взору предстала веселая компания. Пит и Сет ни за что не хотели отпускать Фэй, поэтому они спускались гуськом, держась за руки, как малые дети. Лайт округлила глаза. Кто не знал Питера Селби и Сета Моргана?

— О, Лайт. Я вот тут встретила старых знакомых, и мы летим на остров!

Лайт была настолько поражена состоянием подруги, что даже не нашла что сказать.

Пьяная компания благополучно спустились вниз и Фэй, познакомила Лайт со своими старыми друзьями.

Лайт все же вытащила Фэй из объятий Пита и отвела в сторону для серьезного разговора.

— Фэй, что тут происходит?

— Так вышло Лайт, что я их знаю, и они были тут... — Фэй говорила весьма бессвязно.

— Откуда ты их знаешь? Фэй ты никогда мне не говорила, что знакома с этими воротилами...

Фэй опять прыснула от смеха.

— Я тебя никуда не пушу с ними, — не унималась Лайт.

— Я знаю их с юности. Поверь, все будет в порядке. А хочешь, полетим с нами.

— Куда Фэй? Ты что с ума сошла? Вы ведь все пьяные.

— Сет вполне пригоден. Он говорит, что он отличный пилот.

— Фэй это самоубийство. Вы просто рехнулись все.

Пит уже тянул за руку, и Фэй просто чмокнула Лайт в щеку и сказала:

— Все будет хорошо. Пока.

И ее увели, не давая больше и слова молвить.

5. Приземление

Последующие события Фэй помнила весьма смутно. Вроде они ехали в шикарном лимузине и пели песни, потом все восхищались новенькой «Сесной» Сета, потом Сет говорил с кем-то по радию, но она расположилась с Питом в салоне и не слушала. В глубине души у нее возникали сомнения. Это все казалось ей просто веселым сном, и последствий у сна быть не могло. Было весело, было здорово, и вся неправдоподобность ситуации только подстегивала.

Фэй сморило в сон через полчаса после взлета, и Пит укрыл ее пледом. Салон самолета не был очень большим, это все же был спортивный самолет, но Сет во всем любил комфорт. Поэтому салон был отделан красным деревом. Там было два кожаных кресла и небольшой диван обтянутый мягкой тканью, на котором и расположилась Фэй. Она даже не успела оценить все по достоинству, как выпитое шампанское сделало свое дело, и она заснула. Некоторое время Пит, как и прежде, наблюдал за Фэй. Ему вообще было свойственно наблюдать за людьми. Он считал, что самое интересное можно почерпнуть, разглядывая человека в тот момент, когда он, например, смотрит телевизор или увлеченно читает. Фэй спала, и Пит глядя на нее думал, что она это нечто ценное. Не просто красивая, а именно ценная, как драгоценный камень — их мало и оттого они ценны. Ее отросшие волосы добавляли нежности образу, и Пит решил, что так ему нравится больше. Фэй удивилась бы, узнав, что ее морщинки нравились Питу, и ему хотелось провести по ним пальцем и поцеловать. Он не стал этого делать, боясь разбудить. Он помнил, как тревожен бывал ее сон. Может сейчас все изменилось, но рисковать он не стал.

Пита и самого стало клонить в сон, когда их сильно потрянуло. Он недовольно поморщился и решил улечься поудобней, но их потрянуло во второй раз. Тогда он поднялся и решил заглянуть к Сету. Нетвердо стоя на ногах, Пит направился было к кабине пилота, когда потрянуло в третий раз, да так сильно, что нетрезвый Пит, покатился кубарем и сильно ударился рукой о сиденье. Кряхтя и проклиная все на свете, он все же поднялся и добрался до Сета.

— Чего нас так трясет?

Сет помолчал какое-то время, потом все же сказал:

— Турбулентность. Мы попали в грозу. Меня предупреждали об этом на земле, но я сглупил.

— И что? Будем садиться?

— Где, Пит?

— Я не знаю, я просто спросил.

Сет промолчал. Но выглядел он мрачно. Пит просто сел рядом. Он увидел, что впереди крошечная тьма, а иногда мелькают всполохи молний. Человека непривыкшего к полетам это повергло бы в ужас, но Сет выглядел весьма спокойно.

Пит постарался не мешать ему и не задавать вопросов, но когда в очередной раз их затрясло, а потом на какое-то время пропало электричество, Пит не выдержал:

— Сет, мы как вообще? Все в порядке?

— Я потерял связь. Видимо в нас ударила молния. Электроника вышла из строя. Мои радары не работают. Думаю, что и с других радаров мы пропали.

— Ясно, — сказал Пит. Его хмель чудесным образом стал улетучиваться, — хорошо хоть Фэй заснула.

— Это точно.

Некоторое время они летели молча, а потом Сет вынужден был признаться:

— Приборы не работают, думаю, что сбился с курса. Топлива надолго не хватит.

Пит изо всех сил старался поддержать Сета.

— Ничего. Мы ведь где-то над лесом? Как-то сядем.

Сет неопределенно хмыкнул. Пит знал его и был уверен, что тот корит себя за все это.

В этот момент салон тряхнуло так, что Фэй свалилась с диванчика и, ударившись головой о ножку кресла, во сне потеряла сознание. Благодаря этому она ничего не поняла и пребывала в спасительном неведении все время аварии. Сет держался до последнего, но все происходило стремительно и они, постепенно снижаясь, ломая кроны деревьев, в конце концов, благополучно приземлились. Куда? Сет не имел ни малейшего представления.

Ситуация была из ряда вон и Пит заметил, что у него трясутся руки. Посмотрев на друга, он увидел, что и у того ситуация не лучше.

— Ничего, зато мы благополучно приземлились.

Друзья дружно рассмеялись. Смех не был здоровым, скорее нервным, но он помог им разрядиться. В конце концов, они были живы и это главное. Пит не сказал этого и не подавал вида, но он откровенно молился и прощался с жизнью на протяжении всей аварии. По Сету было трудно что-то сказать, но явно он тоже не пребывал в уверенности о благополучии исхода.

— Господи, Фэй, — воскликнул Пит и направился, пошатываясь в салон. В первый момент, он, не увидев Фэй на диване, остолбенел. Ужас захлестнул его, и он подумал, что она выпала. Потом он взял себя в руки и сказал себе, что это невозможно. Он увидел ее на полу. Во время падения девушка оказалась за диваном, согнувшись пополам, и поэтому он сначала ее не заметил. Он ринулся к ней, приподнял и увидел, что на белом ковровом покрытии расплылось пятно крови.

— Фэй, милая. Очнись, — он легонько похлопал её по лицу. Фэй застонала и пробормотала что-то.

Сзади появился Сет с бутылкой воды в руках. Он протянул воду Питу и тот смочил ей лицо водой.

Фэй открыла глаза. Перед собой она увидела Сета и Пита, они внимательно вглядывались в нее, а у нее голова просто раскалывалась.

— Больше вы не заставите меня выпить ни грамма. Голова раскалывается. Мы прилетели?

Фэй протрезвела, оно от этого ее состояние только ухудшилось. Тошнота и головокружение не позволяли ей подняться на ноги, поэтому она просто села на полу.

— У меня есть таблетки, — сказал Сет и достал откуда-то аптечку.

— Вот держи.

Фэй выпила сразу две, и потрогала голову.

— Я что упала? У меня здесь шишка на затылке. Очень болит. Что вообще происходит?

Пит с Сетом переглянулись, затем Сет сказал:

— Мы попали в грозу и сбились с курса. Потом у нас закончилось топливо, и мы вынуждены были приземлиться где-то.

Фэй попыталась улыбнуться:

— Это что шутка?

Она в недоумении уставилась на Сета. То, что это исходило от него, заставило усомниться в розыгрыше.

— Нет, Фэй. Это правда. Ты упала и потеряла сознание, когда мы попали в зону турбулентности.

— Мне повезло, а то я кричала бы и рвала на себе волосы.

Она стала приходить в себя и поднялась на ноги.

— И где мы находимся? — Фэй попыталась посмотреть в иллюминатор, но там за ним была крошечная тьма.

— Точно не знаю. Мы какое-то время летели без приборов. Думаю, что где-то в лесу.

Фэй захотелось грязно выругаться, но она сдержала себя. Она понимала, что вины чьей-то здесь нет, но как еще реагировать? Что вообще делают в таких ситуациях? Она могла вообще не проснуться, умереть во сне или того хуже лежать сейчас с поломанными руками и ногами. Она глянула на себя: «Ну, конечно, женщины всегда в проигрышной ситуации. Сапоги на каблучке и короткие шорты — как раз то, что надо для леса».

— Надо выйти и осмотреться, — сказал Сет и пошел открывать люк.

За дверью было темно и тихо. Только недавно их приземление вызвало переполох в этом мире: грохот и шум, деревья ломались, ветер поднимал ввысь листья, земля разлеталась комьями. А теперь всё опять погрузилось в тишину. Словно и не было ничего этого. Только небольшой спортивный самолет стоит посреди темноты. Сет вернулся и включил свет. Что-то мелькнуло и исчезло во тьме. Какой-то любопытный зверь или птица, Сет не успел рассмотреть. Впереди, насколько хватало света, были видны только деревья. Довольно густой лес.

— Как я и предполагал мы в лесу.

— И что делать? У тебя же есть рация или что там у вас?

— В нас ударила молния, и все вышло из строя.

— Молния? И мы живы?

— Ну, на самом деле на всех современных самолетах стоит защита. Наиболее опасна молния для низколетящего самолёта или вертолёта, так как в этом случае летательный аппарат может сыграть роль проводника тока молнии из облака в землю. Самолёты на больших высотах сравнительно часто поражаются молнией и, тем не менее, случаи катастроф по этой причине единичны. Если бы в нас ударила молния на земле, это привело бы, скорее всего, к гибели. А так погибла только электроника.

— Тогда нас должны же искать?

— Если мы исчезли с их радаров, то расстояние для поиска будет большим, — Сет умышленно не сказал «огромным».

— В любом случае надо дожидаться утра, а там решим, что делать. Идет? — встрял никогда не унывающий Пит.

Фэй нашла свою сумочку, достала мобильный телефон. Как она и предполагала, он не работал. Она почувствовала, что ей необходимо выйти из салона, чтобы поверить в реальность происходящего. Поэтому она спустилась вниз, прошла несколько шагов и остановилась. Была ночь, и звуки ночного леса звучали повсюду. Впереди самолет слабо освещал кусок леса, все остальное было во тьме. Глаза, правда, быстро привыкли. Гроза закончилась и небо очистилось. Фэй не любила лес, также, как и холод. Слишком много дискомфорта. Она всю жизнь стремилась к комфорту, никогда не ходила в походы, в горы и

не любила подобное времяпрепровождение. В голову пришла мысль о животных, которые могут тут обитать. Она справедливо предположила, что их приземление надолго распугало всю живность в округе, но все же...

Показались Пит и Сет.

— У меня есть палатка. И вообще все необходимое. Так что не расстраивайся, устроимся с комфортом.

— Да уж, — мрачно отозвалась Фэй. Она уже почувствовала холод. Она была в короткой майке и шортах. И что она себе думала, когда полетела куда-то? В таком виде, без вещей? Дура какая-то. И что она планировала делать на острове с этими двумя? Господи, она даже не спросила где этот остров. Какой-то бред. Как она, такая здравомыслящая, писательница, могла так себя вести? Ее тошнило, от удара головой или от шампанского, было не важно. Холодно, мокро, неудобно...

Фэй заставила себя прекратить ныть. Зато рядом Пит и Сет. Они сильные... и такие отважные. Она посмотрела на них, и сердце запрыгало внутри. Да теперь она понимала почему, потеряв голову, полетела с ними, куда глаза глядят. Они так слаженно работали. Вбивали колышки, ставили палатку, собирали ветки. Красивые и уверенные. Сета вообще ничего не могло пронять, он уже адаптировался и взял себя в руки. Он вел себя так, словно это было запланировано заранее. А Пит как всегда не унывал. Она заметила, что он хлебнул еще из бутылки виски, которую нашел на борту и уже снова шутил и рассказывал истории о пропавших и счастливо спасенных. Они так дополняли друг друга, что становились как бы единым существом, и Фэй подумала, а испытывала бы она такие же чувства к кому-то одному из них?

Разгорелся костер, и она подошла к огню. Идти по лесному покрову в сапогах на каблуках было очень неудобно, поэтому у нее постоянно подворачивались ноги. Пит поспешил на выручку: довел до огня, посадил на бревно, укрыл пледом.

— Хочешь хлебнуть? — протянул бутылку.

— Нет, больше никогда в жизни.

Огонь весело и уютно разгорался и потрескивал. Фэй согрелась, а Пит и Сет тоже сели рядом у костра. Все долго смотрели на огонь. Говорить не хотелось. Каждый думал что-то свое и в то же время, мысли у всех троих были едины. О самолете, о грозе, о костре, о них. Фэй поворачивала голову и встречалась взглядом с Сетом, чувствовала жар и отворачивалась, Сет смотрел на Пита и оба понимали друг друга без слов, Пит смотрел на Фэй и не понимал, как они могли расстаться так надолго? Они не ощущали пока, что их постигла беда, ощущали какое-то тепло и родство и в то же время необъяснимое щемящее чувство. Они словно превратились в маленьких детей. Закинутых злым волшебником куда-то в неизвестность. Что там впереди? Как быть? И есть теперь только они друг у друга и больше никого.

Сет сходил в салон и принес немного еды. Крекеры, чипсы, воду. Они поели, и Фэй почувствовала, что глаза у нее просто слипаются. — Пойдем спать, — сказала она, — а то мне там холодно одной будет.

Они встали и подошли к палатке. Фэй стянула с себя уже ставшие ненавистными сапоги и юркнула в палатку. Там она стянула шортики, и в этот момент в палатку зашел Пит, а его в спину уже толкал Сет.

— Черт, Фэй, я теперь не усну, — сказал Пит.

— Я не могу в них спать, они слишком тесные.

Фэй улеглась. С одной стороны рядом лег Пит, с другой Сет. Плед у них был только один, к счастью довольно большой. С ними рядом было очень тепло, уютно и как-то нереально. Пит обнял ее сзади и уткнулся носом в шею, его дыхание приятно щекотало. Она даже боялась шелохнуться, чтобы не спугнуть это мгновение покоя и умиротворения. Именно благодаря этому она заснула практически мгновенно.

6. Первый день

Фэй проспала очень долго. Когда она открыла глаза, то воспоминания нахлынули на нее мгновенно. Было солнечно, в палатке было тепло, и весь плед был в ее распоряжении, потому что никого рядом не было. Она укуталась поуютней и еще полежала так какое-то время. Выходить в лес не хотелось. Натягивать сапоги тем более. Она слышала приглушенные голоса, так говорят, когда не хотят разбудить и от этого стало приятно. Потом все же ей пришлось подняться, потому что захотелось в туалет. Ей пришлось влезть в шорты, которые она долго крутила и пыталась оторвать хвост. Утром, в трезвом виде выходить на свет в этом наряде было неудобно. Но он был, как назло пришит намертво. Ее немного подташнивало и хотелось пить. Путешественница постаралась как можно незаметней выбраться из палатки и отправится по своим делам. Лес был достаточно густой, и идти долго не пришлось.

Она тут же замерзла и поспешила скорей в палатку. Там она взяла плед и, укутавшись в него, отправилась на поиски. Пит с Сетом сидели около костра и пили кофе. Вели они себя, как ни в чем не бывало, для них явно не было в новинку подобное времяпрепровождение. Увидев Фэй, Сет тут же налил и ей кофе в металлический стаканчик.

— Как спала? — спросил Пит.

— Хорошо. — Фэй отхлебнула кофе, он был приятным на вкус. Это был обычный растворимый напиток, но здесь он был весьма кстати.

Пит внимательно посмотрел на нее и видимо удовлетворился ее ответом. Фэй представила себе, как плачевно она сейчас выглядит и смутилась. В голову полезли непрошенные мысли, что теперь-то никто уже не будет испытывать к ней романтических чувств. Потом поймала себя на мысли, что ей оказывается это важно. Все эти годы, она просто заставила себя не думать о них. Если мысли начинали одолевать, она гнала их прочь: читала, смотрела фильм, шла гулять. Постепенно она научилась не думать о них, но теперь это было невозможно. Она понимала, что ей придется разбираться в своих чувствах, а потом как-то с этим жить. Сейчас все что между ними казалось важным, потому что кроме них здесь не было никого и ничего. Была правда проблема, и ее надо было решать.

— Так что будем делать? — спросила Фэй.

— Как раз обсуждали, — сказал Сет. — Связь не работает. Рассчитывать на то, что нас здесь найдут не стоит. Шансы ничтожны. Еды у нас нет, есть правда пара бутылок воды. Судя по растительности, могу предположить, что мы где-то на юге. В любом случае выбираться отсюда придется самим.

Вообще может быть, более правильным будет оставаться на месте. Самолет заметить с неба проще, и мы, когда приземлялись «наломали дров». Так что можно остаться и подождать пока нас спасут. Но я за то, чтобы выбраться. К тому же мы можем по пути помечать дорогу и в том случае, если самолет будет обнаружен, нас тоже найдут.

Фэй представила себе этот поход, и холодок пробежал по коже. Сет заметил ее выражение лица:

— У меня есть опыт Фэй, не волнуйся, мы выберемся.

Фэй чувствовала, что Сет винит себя, чувствовала, что должна что-то сказать, но не могла себя заставить. Молча смотрела на него, а он на нее. Она вспомнила, что у них это

было очень распространенным способом общения. В эти минуты молчанки они успевали передать друг другу многое, Фэй говорила, что не винит его и полагается на него, а он — что сделает все от него зависящее.

— Будем искать воду? — спросила Фэй, наконец, чтобы хоть что-то сказать.

— Именно так. И что-то надо придумать с едой.

— Будем ловить опоссумов, — весело сказал Пит.

— Ладно, пойду посмотрю, что можно взять с собой, — сказал Сет.

Фэй осталась с Питом наедине. С ним всегда было намного проще. Она могла сказать ему все, так было раньше и ничего не изменилось и теперь.

— Мне нужно что-то сделать с этими каблуками, Пит. И еще вот это, — она показала хвост, — отрежь его.

— Ты такая секси в этом костюмчике, не прощу себе, если испорчу...

Увидев выражение лица Фэй, он посерьезнел:

— Ладно, ладно, сейчас все сделаем, не сердись.

Он взял нож, который был у запасливого Сета и мигом решил проблему хвоста.

— Снимай сапоги.

Он внимательно осмотрел их. Хорошо хоть каблук был толстый, со шпилькой он бы ничего сделать не смог.

— Я могу попробовать отпилить каблук вровень с платформой, но не знаю, насколько это будет удобно...

— В любом случае удобней, чем с каблуком, давай пили, — решительно сказала Фэй.

Какое-то время Пит занимался ее сапогами и явил результат: отрезал часть каблука (хорошо хоть он оказался полым внутри).

— В него набьется земля, но идти, думаю, сможешь.

Фэй зло натягивала сапоги, ругая Лайт, самолет, изготовителей подобной обуви и весь мир.

— Ну почему я не заехала домой и не переоделась? Была бы сейчас в любимых джинсах и кроссовках, — причитала она.

— Смотри на это позитивно — зато тебе не страшны змеи, — сказал Пит.

Фэй замерла:

— Змеи? Здесь есть змеи?

Пит понял, что сморозил он это зря, но что теперь-то уж?

— Не знаю, честно говоря. Я не особо интересовался флорой и фауной, знаешь ли. Теперь понимаю, что зря. Надо знать окружающий мир. И как в нем выжить.

Вернулся Сет. В руках у него был рюкзак. На нем были джинсы и рубашка, но сверху он надел легкую куртку с карманами. Выглядел он как всегда безупречно, словно только собрался в поход, а не провел ночь в лесу.

— Я собрал все, что может нам пригодиться и все, что нашел на борту. У меня есть компас-брелок, он всегда со мной. Веревка, топорик, фонарик. Есть две литровые бутылки с водой и полбутылки виски. Еще полбанки растворимого кофе. Еды нет. Я планировал перед островом приземлиться на «большой земле» и «заправиться». Да, вот еще аптечка. Складной нож, стаканчики и миска, небольшая складная лопата. У меня есть хорошая зажигалка. Она просто вечная, побывала со мной во многих путешествиях.

Предлагаю выключить мобильники, будем экономить заряд батареи. Периодически будем включать их и проверять, не появилась ли связь. Пойдем на юг, по моим подсчетам до

ближайшего населенного пункта так будет ближе. В любом случае нужно будет найти воду.

Они собрали палатку в считанные минуты. Сет приладил ее на рюкзак, закинул его за плечи. Питу достались плед и карематы, свернутые и перетянутые веревкой. Он забросил их за плечи наподобие рюкзака. Фэй была налегке, только ее сумочка через плечо. В сумочке у нее был обычный «женский набор», она даже сама толком не всегда знала, что там завалялось. Косметика, влажные салфетки, еще что-то.

Еще Фэй поручили очень важное задание. Отрезали от пледа небольшой кусок, и она по пути разбирала его на нитки и развешивала их на деревьях и кустах, оставляя след. Плед был яркий красно-оранжевый, так что нитки были хорошо видны.

Утро было теплое и безоблачное, но в это время года внезапный дождь был частым явлением. Фэй огляделась. Ее страшил этот поход в неизвестность, но она увидела, как красив был окружающий лес. Большие деревья во многих местах переплетались лианами. Ее поразило богатство цветов листьев, благодаря чему лес казался пестрым и ярким, сказочным. Слышался щебет птиц и шорохи, иногда треск ветки.

Они еще раз окинули взглядом самолет и под предводительством Сета направились вперед.

Идти было не сложно, даже приятно. Фэй приспособилась к своей необычной обуви и шла вполне уверенно. Чувствовали себя все превосходно и зарядились энергией. Настрой тоже был бодрый и боевой, когда ты полон сил, то все кажется тебе по плечу. Фэй казалось, что она может пройти так целый день, а потом за поворотом будет город и все будет окей.

Прошли они так часа два, иногда разговаривали, что-то вспоминали, рассказывали смешные истории. К полудню Фэй почувствовала голод, но промолчала. Чего говорить об этом? Еще через час Пит все же заявил, что пора бы подкрепиться. По пути им не попадалось совсем ничего съестного, ни орехов, ни ягод Фэй не заметила. Сет сказал, что идти им еще долго, так что надо запастись терпением, ближе к вечеру подумаем о еде. А может, выйдем к воде, тогда будет проще. Они сделали небольшой привал, отдохнули и снова отправились в путь. Фэй стала вспоминать, почему не любила лес и походы: ее одолевала мошкара, ветки почему-то стали цеплять за волосы и норовили угодить в глаз, устали ноги, хотелось есть и пить. Она старалась держаться и ничего не говорить, но в итоге стала отставать, и Сету пришлось снизить темп. Он внимательно посмотрел на нее:

— Прости, давай пойдем помедленней. Или если хочешь, можем остановиться.

— Думаю, еще час я продержусь.

Они пошли медленней, солнце стало клониться к закату и настроение у Фэй тоже. Пейзаж был такой же, как и в начале пути, ничего не изменилось совсем, все те же деревья, какие-то кусты и больше ничего. Это заставило задуматься над тем, какой же он огромный и какие они маленькие. Зверей им тоже не встретилось, может где-то и проскочила белка, но Фэй так устала, что уже не хотела любоваться природой. Она, конечно, была рада, что с ней были Пит и Сет, но она привыкла полагаться на себя, и не могла не думать о том, как же ей выжить здесь одной, случись с ними что-нибудь.

Когда Фэй уже решила молить об остановке, Сет, наконец, остановился:

— Солнце скоро сядет, а нам надо подумать о ночлеге и ужине. Так что дальше идти мы не можем.

Фэй чуть не рассмеялась, это что сожаление в его голосе? Да еще немного и она ползла бы на четвереньках. Она тут же уселась на землю и решила, что больше не двинется с места. Сет присел рядом, облокотившись на ствол дерева и закурил. Он о чем-то размышлял, и

друзья некоторое время помолчали. Тут Сет увидел что-то справа от них, встал и направился туда, присел, осматривая землю. Потом вернулся довольный:

— Орех гикори, там целая поляна.

— Будет ужин? — Фэй настолько устала, что теперь и есть не хотелось.

— Это тоже, но главное то, что гикори растет на хорошо увлажненных плодородных почвах. Из этого можно сделать вывод, что вода совсем рядом. Так что вы разбивайте лагерь, а я еще пойду пройдуся и осмотрюсь.

Сет сбросил рюкзак на землю и ушел. А Фэй и Пит стали раскладывать палатку. Потом Фэй отправилась собирать орехи, а Пит занялся костром.

Когда костер наконец-то разгорелся, вернулся Сет.

— Там дальше есть река. Небольшая, но она вполне может вывести нас и на большую. Так что вода у нас есть и направление теперь тоже. Пить в сыром виде я ее не рекомендую, можно подцепить что-то. Но если ее прокипятить, то проблем не будет никаких. К тому же я нашел кусты с диким шиповником и можно заварить витаминный чай.

Фэй стянула сапоги и увидела, что от ее тонких капроновых носочков остались одни опметки, а ноги были растерты во многих местах. Пока она шла боли почти не замечала, но теперь все эти ранки жутко саднили и доставляли немалую боль. Она в ужасе подумала о том, что ей придется завтра опять надеть сапоги.

Ночь опускалась стремительно, и температура падала. Если днем было около восемнадцати градусов, то теперь было около десяти. Фэй подвинулась к костру. Сет поставил миску на огонь, сделав подпорки и закипятил воду с ягодами. У них были орехи, но разве можно этим насытиться?

— Главное сохранять силы, — сказал Сет. Можно есть почти все, что тут ползает, ходит или летает.

— Я не смогу есть червей в любом случае, — сказала Фэй. — Во всяком случае, пока.

— А что тут, кстати, ходит? — спросил Пит, — хотелось бы быть готовым.

— Олени, волки, лисы, наверняка, куча мелких зверьков.

Всю дорогу Фэй старалась не думать об этом. О волках и лисах, и змеях. Им никто не попадался на глаза, скорее всего, напуганные звери прятались от них, но они же наверняка были.

— Да, кстати, возле реки можно кого-то поймать, там вероятность намного выше.

— Я могу сделать заводь, и в нее за ночь обязательно попадет рыба, — сказал Пит.

— Пойдем, сходим, предложил Сет.

— А я? Вы, что решили меня одну оставить?

Сет отогнул куртку и вынул из-за пояса пистолет:

— Нет, вот с этим.

— Ладно, — сердце Фэй радостно подпрыгнуло. Почему-то появление оружия в этом месте было сродни появлению старого друга. Он внушал уверенность и способен был защитить. Она довольная облокотилась на дерево и протянула ноги к костру.

Друзья ушли, а Фэй просто смотрела на костер и размышляла. Мысли были ленивые, и она заставляла себя не задремать ни в коем случае. Думать о выживании не хотелось, так приятно было, что кто-то о тебе позаботится. Она была лишена этого всю жизнь, и видимо надо было попасть в подобную ситуацию, чтобы, наконец, доверить кому-то свою жизнь, чтобы кто-то взвалил на себя твои проблемы, кто-то решал за тебя, а тебе останется только делать, что говорят. Конечно, ее независимый характер в иной ситуации просто не позволил

бы ей, она бы просто из духа противоречия начала бы спорить и делать по-своему, но здесь... Она чувствовала, наконец, себя так, как и должна женщина: слабой, незащищенной. И у нее был большой плюс перед всеми другими женщинами — у нее был этот мужчина, который был стеной и опорой. Фэй улыбнулась: даже два. Два самых, самых...

Мысли тревожно разбежались... Фэй слышала шорох. Она напрягла слух и слышала его еще более отчетливо. Ужас сковал все внутри. Что это? Сантиметрах в тридцати от того места где она сидела она увидела движение. Как это ни парадоксально она напрочь забыла о пистолете, который заткнула за пояс. Еле живая она медленно стала шарить рукой в поисках топора. Память услужливо подсказала его месторасположение. Пит рубил дрова и оставил его неподалеку от костра. И вот теперь Фэй шарила рукой по земле и пыталась его найти, не отрывая взгляда от того места где видела движение. Шорох повторился и движение тоже. Было ясно что, это не крупный зверь, а скорее всего змея. Наконец Фэй нащупала топорик. Еще пара секунд ушла на то, чтобы обхватить его как надо. Она почти не видела в темноте движения, не понимала, удаляется оно или приближается. Она вскочила и чисто интуитивно ударила в то место, где ей померещилось движение топором. Почувствовав, что топорик на что-то наткнулся, она от отвращения и испуга начала бить топором еще и еще.

Ударив так раза три, она заставила себя успокоиться и обошла место «битвы» с другой стороны. Теперь она не загораживала собой свет от костра и смогла рассмотреть дело своих рук. И правда на земле, разрубленная на несколько кусков лежала довольно крупная змея. Фэй передернуло от отвращения. Она не разбиралась в них и понятия не имела ядовитая змея или нет, но, как и многие люди испытывала к ним инстинктивный страх и отвращение. Поэтому разглядывая ее, она чувствовала себя победительницей и испытывала гордость. Когда она склонилась ниже, чтобы рассмотреть змею получше, змея конвульсивно дернулась, а Фэй на руку легла рука.

Фэй завопила и подпрыгнула на добрых полметра, а Пит расхохотался. Увидев, что она натворила, он сказал:

— О, Фэй, зачем же ты так жестоко?

Тут к ним подошел Сет:

— А что, Фэй единственная, кто сегодня раздобыл ужин. Правда, он в таком подпорченном виде... Хорошо хоть что-то осталось...

— Ну, простите, я не умею ловить эту гадость руками и мастерски отсекал им голову. Я тут чуть не умерла. — Фэй никогда не могла понять, когда Сет шутил, а когда был серьезен.

— Она ядовитая?

— Это не гремучая змея, это точно, скорее всего, нет.

— Как хорошо, что у нас есть палатка, — сказала Фэй. — Я не представляю, как люди спят под открытым небом, когда рядом вот такое...

— Есть много разных способов сделать себе укрытие. Я могу тебе рассказать, если захочешь, — сказал Сет.

— Ладно, давайте готовить, — Пит подхватил змею и понес ее к костру.

Почему мужчины не боятся всего этого, подумала Фэй. Ее при виде того, как Пит взял змею просто передернуло. Пит отрезал ей голову, распорол и снял кожу. Звук был мерзкий и вообще зрелище гадкое, но Фэй все равно как зачарованная смотрела на это.

— Остатки надо сжечь, — сказал Сет, — чтобы не привлекать зверей.

Потом они жарили кусочки змеи на прутиках, как веселая семья на пикнике жарит

сосиски. Вкус у змеи был отличный, похож на курицу и голодному организму он показался просто божественным. Еще они раздобыли у пруда какие-то корни, и сказали, что это как хлеб — богатая углеводами пища. Гадость была редкостная, но Фэй заставила себя сжевать немного этих корней. Запив все это напитком из шиповника, все почувствовали себя намного лучше.

Делать теперь было нечего, и друзья приготовились провести долгий вечер у костра. Подкидывая дрова в огонь, Пит сказал:

— Предлагаю рассказывать интересные истории, чтобы скоротать вечер. Кто первый?

— Ты, — в один голос сказали Фэй и Сет.

7. История Пита

— Что ж, ладно. Есть у меня одна история, которая уже давно просится, чтобы ее рассказали, да все как-то недосуг было. Он с заговорщицким видом посмотрел на Сета, подмигнул Фэй, вживаясь в образ рассказчика.

Пит помолчал, собираясь с мыслями и начал:

— Не помню, Фэй рассказывал ли я или... — Пит замялся, — может Сет, тот случай когда наши знакомые мальчишки были найдены убитыми. Когда мы были детьми?

— Да, Пит, я хорошо помню, — она не стала уточнять, кто именно ей рассказал эту историю. А может и сама не помнила.

— Хорошо, тогда слушайте. До того, как мы познакомились с Сетом, моим лучшим другом был Джейк Гарсиа. Мы жили по соседству, и наши матери долгое время были подругами. Они чуть ли не забеременели в один день и всегда мечтали, чтобы у них родились разнополые дети и со временем поженились. Но вышло так, что родились мы с Джейком. Все наши приключения и шалости были на двоих. Хотя, Джейк и не особо разделял мою любовь к старым домам, но часто сопровождал меня. И вот однажды мы отправились в очередной поход за «сокровищами». Когда мы залезли на чердак одного дома, то наткнулись там на старого бродягу. Откровенно говоря, было не понятно старый он или нет, потому что, как и все бродяги, он зарос бородой от глаз до груди, немытые волосы торчали дыбом. Мешковатая одежда, не давала представления о его телосложении, но судя по всему, он был довольно крупным. Когда мы забрались на чердак, он мирно спал, положив под голову грязную подушку, раздобытую, наверняка, на первом этаже. Сну предшествовала выпитая бутылка какого-то пойла, которая валялась тут же. Немного в стороне лежал старый потрепанный рюкзак. Если честно, мы здорово испугались, наткнувшись на него. Но показать друг другу этого не могли, у нас всегда был дух соперничества. И если бы кто-то один сплеховал, то другому бы это дало повод возомнить себя лучшим. Мы стояли, глупо улыбаясь друг другу и придумывали, что бы такое сделать, прежде чем позволить себе уйти.

Наконец Джейк стал тыкать куда-то пальцем, и я понял, что он имеет в виду рюкзак бедолаги. Это показалось мне подлым, и я яростно затряс головой. На что Джейк сделал такое лицо, мол «ясно-ясно, трус». И направился к рюкзаку. Я попытался его остановить, но он вырвался и в пару шагов пересек чердак. Ловко подцепив его, он на цыпочках стал удаляться от спящего человека. У него был настолько победоносный вид, словно он сделал что-то героическое, и мне в какой-то момент стало завидно, что это был не я. Теперь он будет рассказывать всем, какой он молодец и что я просто стоял молча, глядя на все это. И вот когда Джейк, потрясая рюкзаком над головой, как охотник на удачной охоте, подошел ко мне, бродяга проснулся. Не медленно, потягиваясь и зевая, а мгновенно. В один миг чердак сотрясал его храп, а в другой наступила тишина. Джейк обернулся, все еще поднимая рюкзак над головой. Я, выглянув из-за него, увидел, что человек открыл глаза и через миг вскочил на ноги.

Скажу по правде, я чуть не заорал от страха. Бродяга выглядел расвирепевшим. Он издал какой-то просто нечеловеческий рык (не исключая я и того, что у страха действительно глаза велики, и мне это просто показалось) и ринулся на нас. Когда он встал в полный рост, стало ясно, что он действительно очень большой, с огромными лапами. Короче

монстр! Джейк повел себя тогда совсем неординарно. Можно сказать — по-геройски или просто глупо, это смотря с какой стороны посмотреть и зависит от того, кто рассказывает историю. — Пит улыбнулся. — Вместо того чтобы бросить рюкзак, он приготовился защищать его любой ценой. Я стал спускаться в люк, проход там был узкий, на одного человека. Джейк прямо наступая мне на голову, пытался уйти с рюкзаком, крепко прижав его одной рукой. Бродяга вцепился в рюкзак с другой стороны и пытался вырвать его из рук Джейка.

— Помоги мне, — закричал Джейк.

Мне ничего не оставалось, как повиснуть у него на талии и пытаться стянуть его вниз. Бродяга, понял, что рюкзак ускользает, поэтому вцепился в волосы Джейку, в надежде на то, что тот от боли выпустит рюкзак. Но в Джейка словно черт вселился. Он вопил, но рюкзак не выпускал. Стоя там внизу, я мало что видел, но иногда взбешенное лицо бродяги мелькало в просветах и наводило на меня ужас. В один из таких моментов я пытался подсмотреть хоть что-то, и у меня прямо перед глазами замаячила цепочка, свисающая с шеи бродяги. Выглядела она как почерневшее от времени и пота серебро, а на ней болтался довольно необычный крест. Необычным он был и по виду — инкрустированный черными и зелеными камнями — и по тому, что крест был явно дрогой и не вязался с образом бродяги.

В какой-то миг, клапан рюкзака расстегнулся и из него что-то посыпалось. Как потом мне сказал Джейк, это были пачки денег. Много-много пачек. Бороться за рюкзак уже не имело смысла и Джейк, отпустив его, схватил пачку, но бродяга, совсем обезумев, вырвал пачку из его рук, и только одна банкнота осталась в руках Джейка. А бродяга, сжимая одной рукой волосы Джейка, уже занес кулак, целясь ему в лицо. Вот тут-то и подоспел я. Вспомнив о ноже, я вынул его и уже несколько минут пытался им воспользоваться. Но места катастрофически было мало и мне не удавалось. А когда он слегка отстранился для удара, то я просто просунул руку в образовавшееся отверстие и полоснул ножом по руке, сжимавшей волосы Джейка. Мужик заорал и выпустил волосы, и мы кубарем скатились вниз.

После чего мы, с бешено колотящимися сердцами, вылетели пулей из дома и оседлали велосипеды. Скажу, что никогда больше в своей жизни я так быстро не крутил педали! Джейк не отставал от меня ни на секунду. Один только раз я позволил себе обернуться, и увидел бегущего за нами человека. Я поднажал и больше не оборачивался. Перевели дух мы только в городе, когда почувствовали себя в безопасности.

Руки и ноги дрожали, чувство опасности было как никогда оправданным. Джейк показал купюру. Это были новехонькие сто долларов.

Обсуждали мы с Джейком это происшествие, наверное, с неделю, выдвигая разные версии, одна другой нелепей. А потом Джейк приволок газету, в которой говорилось об ограблении банка месяц назад. И Джейк стал уверять меня, что это и есть тот грабитель. Мне это казалось маловероятным, но разубеждать Джейка я не стал. Конечно, в полицию мы не ходили, это было бы нелепостью, нас засадили бы родители под домашний арест на полгода. Особенно хвастаться Джейк этим тоже не мог, справедливо опасаясь возмездия. Сто долларов он хранил, как трофей довольно долго, до тех пор, пока в город не приехал передвижной луна-парк. Тогда-то купюра и была разменяна. Ну, а за тем и потрачена.

Пит замолчал и хлебнул чая.

— Ты никогда мне не рассказывал об этом, — сказал Сет.

— Мы пообещали друг другу молчать. Хотя думаю, что именно тот день и положил конец нашей дружбе с Джейком. В общем, это мог бы быть и конец истории, но она, как ни

странно имела продолжение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пит поменял позу, хлебнул еще чая, чтобы промочить пересохшее горло и продолжил:

— Постепенно день за днем дружба наша дала трещину. Этому поспособствовало и то, что мать Джейка вышла замуж, и они переехали в другой район. После того, как я нашел Джейка убитым в том доме, я был как одержимый. Днями напролет я кружил в том районе и разыскивал улики. В ход шло все, и у меня собралась «коллекция» разных вещей с того места. Отмечу, что там хорошо поработали специалисты и прочесали все вдоль и поперек, а мне досталось только то, что их не заинтересовало. Но таким образом у меня оказался кусок почерневшей серебряной цепочки. Она кстати, может и заинтересовала бы полицию, но нашел я ее совершенно случайно, между половицами, видимо ее просто не заметили. Так и лежала у меня эта коробка с трофеями несколько лет, и я иной раз доставал ее и рассматривал лежащие в ней вещи. Это были кусочки истории, ассоциации с детством. Она и до сих пор лежит в доме матери.

Однажды, оказавшись совсем на мели и отчаявшись раздобыть в скором времени деньги, я пошел к ростовщику.

Сет неодобрительно приподнял бровь, но Пит предпочел этого не заметить и продолжил:

— Это был известный во всем городе человек. Он водил дела со всеми отчаявшимися и страждущими. Проценты у него были небольшие, но если уж ты не платил вовремя, то у него в «подсобных рабочих» числилась пара парней с оружием пострашнее лопат. И он бывал беспощаден. Короче его все боялись, но прибегали к его услугам постоянно. Про него ходили разные истории, одна другой нелепей, но тот факт, что он как-то внезапно разбогател, был на лицо. Он сам рассказывал, что выиграл в лотерею, но почему-то ему никто не верил.

Так вот, захожу я к нему в «офис», а он сидит там собственной персоной. Хотя он и был при деньгах, ему доставляло удовольствие самому принимать просителей и делать милость, ссужая деньги. Он просто упивался этим, допрашивая людей, кто и что, и почему. Он сидел у себя за столом такой наглый и холеный, что я решил уж было уйти оттуда, как мой взгляд привлек его крест. Я подошел ближе и вместо приветствия сказал:

— Какой красивый крест.

— Ага, — самодовольно улыбнулся он, — это семейный. Ношу его, не снимая, уже пятнадцать лет.

Вот тут мне стоило немалых усилий не подать вида, что я узнал крест, и я прошел всю унижительную процедуру, прося деньги и отвечая на его мерзкие вопросы, типа: «А твоя девушка сможет расплатиться со мной в случае, если ты не сможешь?»

Я разглядел у него на руке шрам именно там, где ему и положено было быть, там, где я резанул его.

Все встало на свои места. Он действительно уехал из города и ограбил тот банк под видом бродяги, потом вернулся в родной город, и тут мы с Джейком на него и наткнулись. А потом, по всей видимости, Джейк наткнулся на него, но не смог сдержаться и выдал себя. Или процентщик узнал Джейка и посчитал угрозой для себя. Меня в тот день он практически не разглядел, все его внимание было приковано к рюкзаку.

Когда я вышел из его офиса, я долго не мог прийти в себя. Перед глазами всплыло лицо Джейка. Я практически забыл его, а тут вдруг вспомнил, словно мы виделись с ним только вчера. Вспомнил, как мы дружили, делились солдатиками и машинками, как вместе лазили к

соседу и нарвали сирени для наших мам, как Джейк радовался этим ста долларам и тратил их на всех друзей.

Поразмыслив, я решил, что идти в полицию смысла нет. Рассказ о том, как я ребенком залез на чердак и увидел там бродягу с рюкзаком денег, вряд ли убедил бы кого-то. Обрывок старой цепочки тоже. Все доказательства — это крест и шрам, которые ни один суд присяжных не возьмет во внимание.

И я сделал кое-что, о чем не жалею.

Как и все процентчики, он был жадным ублюдком, и купил старое здание для своего офиса. Его давно «приговорили» к сносу, но он на кого-то поднажал и здание отдали ему, с условием того, что тот произведет в нем капитальный ремонт. Ремонт он так и не сделал, только подштукатурил в нескольких местах и сделал косметический ремонт. Несколько вечеров, я потратил на то, чтобы исследовать здание, потом пробрался на чердак и подпилил опорные балки. Не буду загружать вас ненужными техническими подробностями, но, когда на утро этот человек пришел к себе в офис, здание обрушилось, и он погиб под завалом.

Много людей были несказанно рады такому повороту событий, ну а я, к стыду своему могу сказать, что так и не отдал ему деньги. На них заказал Джейку мемориальную вечеринку. Мы сделали большой плакат с его изображением, пили, ели и вспоминали Джейка. И я помирился с ним тогда навсегда.

Всех заворожил рассказа Пита, а он сам погрузился в воспоминания, поэтому они долго еще сидели молча, представляя, вспоминая, обдумывая.

А потом пошли спать. На улице было холодно, но в палатке под пледом им троим было очень хорошо, и они все довольно быстро заснули. Они не слышали шорохов за палаткой, просто мирно спали, и ничто в ту ночь не потревожило их сон.

8. День второй

В это утро Фэй проснулась очень рано. Рядом спали Пит и Сет, и она некоторое время тихонько сидела и смотрела на них. Потом вылезла из-под теплого пледа и решила пойти к реке. Было прохладно, но она набросила на плечи куртку Сета. На всякий случай положила в карман пистолет. Реку она нашла довольно быстро. Это была небольшая горная речушка, и вода в ней была ледяная. Но Фэй было необходимо ополоснуться, она чувствовала себя очень грязной, липкой и испытывала от этого еще больший дискомфорт, чем от холода. Поэтому сбросив куртку, которая до этого укрывала ее до колен, она разделась полностью, стянув трусики и майку, и зашла по колено в воду. Это было ужасно. Очень холодно и дно неприятное, но Фэй твердо вознамерилась принять водные процедуры, поэтому она, совершив над собой героическое усилие, присела в эту воду. В первый миг дыхание перехватило, и она думала, что сердце сейчас выпрыгнет из груди, но потом стало не так противно, и она смогла заставить себя пробыть в воде еще некоторое время, усиленно растирая себя. Фэй даже в сауне не могла заставить себя прыгнуть в бассейн с холодной водой, поэтому то, что она сделала сейчас, подняло ее в собственных глазах. Решив, что этого вполне достаточно и ощущая заряд бодрости, она вышла из воды. Накинув куртку, решила простирать трусики и майку. Прополоскав все хорошенько, поднялась, отжимая вещи, и столкнулась нос к носу с Сетом. Она все еще дрожала от холода и на ней была только его куртка, накинутая на плечи.

Внешне Сет выглядел спокойно как всегда, но при виде ее обнаженного тела у него все вскипело. Он чувствовал, что все выходит из-под контроля. Если бы она попробовала как-то укрыться, запахнуть куртку, то ничего бы и не случилось. Но Фэй стояла рядом, почти вплотную и по ее обнаженной груди стекали капельки воды, а все тело покрылось мурашками. Сет как замороженный следил за этими капельками, а Фэй просто бросило в жар от этого взгляда. Он не выдержал: медленно наклонился и провел языком по шее, ловя очередную каплю. Его язык был таким горячим по сравнению с холодной кожей. Этот контраст ощущений вызвал у Фэй сильнейшее возбуждение. Он поднял руки и обхватил грудь. Руки его тоже были горячими, а большие пальцы шершавые. Проведя ими по соскам, он вызвал дрожь во всем ее теле.

— Я все время вспоминал твою грудь. Она идеально ложится мне в руку, — хрипло сказал Сет.

А потом он отстранился и резко сказал:

— Как ты могла, Фэй?

— Не думай, что это было легко, — ответила Фэй, почти шепотом. Она боялась пошелохнуться, чтобы не порвать тонкую ниточку откровения. Сет никогда не говорил словами, он выражал свои чувства действиями, а ей так было необходимо это услышать.

— Ты не имела права бросать меня. Мы были чем-то единым, а ты это разорвала и оставила рану...

Фэй просто не могла верить ушам, откровения Сета, действовали как разряд тока, а еще как самый мощный афродизиак. Она так захотела близости с ним после этих слов, что уже ничего не имело значения. Подавшись вперед, она скинула куртку с плеч и оказалась в его руках. Они так накинулись друг на друга, что казалось, полетят искры. Фэй стянула его

рубашку через голову, а он в мгновение ока стащил с себя джинсы. Берег реки был покрыт травой, листьями, ветками, но никто этого не замечал. Иногда Сет думал, что не надо спешить, но не мог совладать с собой, а Фэй наслаждалась этим. Она неотрывно смотрела на него, и Сет думал, что от одного этого взгляда он мог бы испытать оргазм. Почему нельзя вот так слиться воедино навсегда, почему половой акт так скоротечен? Как бы ни были опытны любовники, растянуть его до бесконечности невозможно. А когда партнеров так переполняют чувства, то и подавно. Все закончилось очень быстро, так думали они оба, лежа рядом, почти у самой воды.

Фэй тут же стала замерзать и Сет, заметив это, накинул на нее куртку:

— Жаль прикрывать все это, но ты можешь заболеть.

— Мы поступили нечестно, — сказала Фэй. Ей не хотелось этого разговора, но он был необходим.

— Я знаю, — вздохнул Сет.

— Именно поэтому я и уехала. Я не имела права вставать между вами. Так не могло продолжаться.

— Ты права Фэй. И ты умница. Ты сделала то, на что мы оказались неспособны.

Фэй поднялась и нашла свои мокрые вещи. Сет надел джинсы и рубашку и Фэй заметила, что она наконец-то помялась. А то ей уже начинало казаться, что он обладает каким-то волшебством, поэтому одежда его не пачкается и не мнется. Как в кино: герои попадают в лес, долго от кого-то убегают, скатываются кубарем в овраг, а потом идут в безупречной одежде и с прической, как только что из салона.

Она направилась к лагерю, а Сет, догнав ее, вынул из волос листья.

— Мне нравится твоя новая прическа.

Фэй улыбнулась и помахала рукой Питу, который возле костра выглядывал их по сторонам.

Так начался их второй день в лесу.

Пит сделал вид, что не обратил внимания на их отсутствие, хотя ничего не ускользнуло от его взгляда: Фэй в куртке на голое тело и какой-то виноватый Сет.

— Пойду проверю заводь на реке, — сказал Пит и ушел.

Фэй сушила вещи над костром и грелась сама, а Сет поставил кипятить воду и все пошло своим чередом. Вернулся Пит с уловом: у него в руках была довольно крупная рыба. Он сказал, что в такую заводь на реке рыба заплывает случайно, а потом просто не может выплыть назад. Он разделал ее, а Сет из коры соорудил некое подобие сковороды, проложил рыбу какими-то крупными листьями, и уложил все это в угли. Завтрак получился великолепным, они ели, шутили, пили кофе. Просто идиллия. Фэй почувствовал себя как на празднике, и в этот момент совершенно не хотела домой. Она бы так и сидела с ними возле костра и наслаждалась их компанией. Почему они так подходили ей? Как так вышло? И в физическом плане — все было просто идеально и в моральном. Если даже у них и расходились взгляды, это никогда не вызывало ссор или каких-то рьяных дискуссий. Им всегда интересно было мнение друг друга, и никто не навязывал свою точку зрения. Но чаще всего у них был один взгляд на окружающий мир, на принципы, на добро и зло. Совершенно из разных миров, они были так близки как никто, может именно это делало их физически привлекательными друг другу, а может как раз наоборот — физическое влечение сглаживало все разногласия? Тем не менее, факт оставался фактом — они все были влюблены.

Позавтракав, они снова собрались в путь. Собрали вещи, сложили палатку, оделись. Фэй

снова взяла кусок пледа, чтобы развешивать его на деревьях. Она включила ненадолго мобильный и проверила, не появилась ли связь, потом со вздохом выключила. Начинался новый день пути. Ей пришлось снова надеть сапоги на рваные носки и ноги ее были возмущены подобным обращением. Она вообще не очень любила каблуки, и обувь всегда старалась выбирать максимально удобную. Она чувствовала, что долго такого не выдержит, ноги может схватить судорогой. Единственным утешением было то, что она не боялась наступить на какую-нибудь гадость.

День ничем не отличался от предыдущего, и они направились вниз по течению реки. Теперь у них был ориентир, и это вселяло некую надежду. Река обязательно должна привести к людям, так написано во всех книгах. Поэтому Фэй ни капли не сомневалась, что их путешествие закончится благополучно. Она старалась не думать о том, что будет, когда они вернуться в город. Когда они все вернуться к прошлой жизни. И смогут ли вернуться? Разве может все быть теперь как прежде? Но и вернуться на десять лет назад не получится. Они все имели этот горький опыт. Правильней всего будет просто не видеться. Но теперь, когда они знают, что она живет в том же городе, смогут ли они? Хотя она оставила спасительную лазейку — сказала, что замужем. Пока никто не спрашивал ее о муже и о том, как они живут, но этот разговор обязательно случится. Вот тут Фэй решила, что должна быть предельно убедительна.

Река пошла под уклон, и идти стало легче, хотя через полчаса такого спуска ее ноги растерлись в другом месте. Идти по-над рекой не всегда удавалось, иногда берег ее был просто непроходим, заросший всякими кустами, но им достаточно было просто слышать звук реки. Поэтому они часто теряли ее из вида, но потом снова находили. Сет имел большой опыт ориентирования, и он ни на минуту не останавливался.

Фэй узнавала некоторые деревья: бук, дуб, клен, много каштанов. Сет сказал, что их можно есть. Они были питательными из-за большого содержания крахмала и сахара, поэтому, остановившись на привал, они набрали каштанов. Фэй сомневалась в их вкусовых качествах, но в целях сохранения сил и энергии готова была их есть.

В какой-то момент им попала на пути лисица, но она быстро убежала, только кончик хвоста мелькнул. Фэй была почему-то рада этой встрече, увидеть дикого зверя в природе не каждому удастся. А лисица была такой симпатичной. Она не тешила себя тем, что это милый зверек и не подошла бы к ней и на сто метров, но издали она вдохновляла. Она понимал, что рано или поздно какого-то зверя придется подстрелить, но решила, что это занятие она предоставит мужчинам. Она не будет потрошить его и сдирать шкуру, чтобы не произошло. В конце концов, Сет подстрелил птицу. Это была какая-то небольшая птица, Фэй решила, что куропатка. Убийство птицы не вызвало у нее отрицательных эмоций. Это была еда и, причем хорошая. Они не стали останавливаться и, подобрав птицу, пошли дальше. День был короткий, и Сет спешил преодолеть как можно большее расстояние. В отличие от Фэй он понимал все опасности, грозившие им. И чем дальше они будут в лесу, тем больше опасностей. Самой страшной была встреча с медведем. Он уверен был, что здесь вполне может обитать этот зверь, но постарался не делиться этими опасениями с друзьями. Ни к чему, что бы Фэй лишний раз вздрагивала от каждого шороха. Он посмотрел на нее. Девушка шла, сосредоточенно глядя под ноги, и Сет понимал, что обувь ей мешала. Он задумчиво рассматривал ее и оценивал. Он сделал для себя один большой вывод: она стала спокойной. Раньше она была вся издерганная, нервная, все время что-то теребила в руках — вилку, салфетку, цепочку. Глаза ее постоянно следили за происходящим, она не отвлекалась

и не расслаблялась. Сет всегда замечал, что прежде чем войти куда-то, Фэй внимательно осматривала территорию. Словно за ней охотились наемные киллеры. Периодически нервно оглядывалась через плечо. Если к ней тихо подойти сзади, она вздрагивала и иногда вскрикивала. Потом могла некоторое время стоять и пытаться унять сердцебиение. Фэй всегда сводила это к шутке, но Сет понимал, что для нее это была проблема.

А теперь Фэй стала спокойна. Она тихо спала, не вздрагивая, не озиралась по сторонам и даже в лесу была расслаблена. Сет не хотел этого менять. Возможно, такая беспечность в лесу и могла привести к опасной ситуации, но сейчас он был рядом, и он постарается защитить ее. К тому же он видел, что и Пит не спускает с нее глаз. Едва заметный поворот головы, но так чтобы Фэй всегда была в поле зрения. Если она оступалась, он мгновенно успевал подхватить ее, если ему казалось, что она скучает, он тут же рассказывал что-то. Глядя на все это, Сет поймал себя на том, что, если бы не Пит, он тут же женился бы на ней. Ему плевать было, что жизнь вместе могла стать для них непосильным испытанием, он просто боялся ее снова потерять. И рискнул бы. Но в любом случае был Пит, и думать об этом не стоило. Сейчас их единственной проблемой был лес, из которого надо выйти. И Сет полностью сосредоточился на этом. Он смотрел вперед, смотрел под ноги, старался напрячь все органы чувств: вслушивался в звуки леса, вдыхал воздух, стараясь определить, нет ли инородного запаха — запаха крупного зверя, старался подметить малейшие изменения в природе. Пока что он не обнаружил никакого присутствия медведя, но знал, что те могут проходить огромные расстояния, и наткнуться на него было возможно. Слава богу, у них был пистолет. Да и вообще, подумал Сет, они оснащены довольно неплохо. Все могло быть намного хуже без огня или палатки. Или в одиночестве. Пока что они не голодали и нашли воду.

Так и шли они целый день. Иногда останавливаясь, чтобы передохнуть, думая о своем, почти не разговаривая. Фэй очень устала, и говорить не было никакого желания. Ее почему-то осаждали насекомые, ветки норовили запутаться в волосах, ноги сами запутывались в лианах. Она мечтала только лечь возле костра и ничего не делать. Поэтому, когда солнце стало опускаться, Сет сжалился над ней и объявил долгожданный отдых и привал. Они нашли милую полянку, на которой деревья словно расступились в стороны и освободили для них место. Фэй расстелила плед, улеглась на него и заявила, что больше не двинется с места. Никто и не настаивал. Мужчины сами разбили лагерь, разожгли костер. Потом занялись приготовлением ужина. Фэй впала в полудрему, согревшись у костерка. Дым отгонял насекомых, и ей было хорошо. Уставшие ноги были ей благодарны, когда она сняла сапоги. Пит подсел к ней и положил ее ноги к себе на колени, а потом стал растирать ступни и нежно массировать их. Это было просто райское блаженство. Фэй чуть приоткрытыми глазами следила за Питом. Он рассеянно смотрел на огонь и поджаривающуюся птицу. Его пальцы всегда были такими мягкими и нежными, при всем этом руки его выглядели очень сильными. Фэй вспомнила, что и целовался Пит так же, очень мягко, нежно, будто ты была очень ценной и могла повредиться от сильного напора. Фэй подумала, что единственное, что могло приключиться — она могла растаять как воск в его руках. В движениях Пита в этот момент не было сексуального подтекста, он просто хотел облегчить ей боль, но это не помешало Фэй почувствовать жар от воспоминаний и его прикосновений. Сет отошел к реке, а Пит внезапно сказал:

— Ты знаешь Фэй, мне кажется, что я любил тебя всю жизнь. С того момента как увидел твою спину и затылок, там, в доме Сета. Помнишь наше первое утро? — Он

улыбнулся. — Ты околдовала меня с первого взгляда.

— Просто ты всегда видишь только хорошее и в людях, и в ситуации в целом. Никто меня не любил тогда, я ведь была... ну сам знаешь, а ты этого всего не замечал, видел только, какая я на самом деле. Вернее, сам и сделал меня лучше. И я очень люблю тебя, Пит.

Вернулся Сет, притащив какой-то травы и корешков. Когда птица стала жариться, у нее был просто потрясающий аромат, и Фэй посетила мысль, что на этот аромат может пожаловать кто-то незванный. Они сварили импровизированный чай из ягод. И у них получился почти полноценный ужин. Птица была вкуснющая, косточки тоненькие и хрустящие, жир стекал по рукам. Все пропахло дымом, и Фэй стал даже нравиться этот запах. И к вкусу чая из ягод она привыкла. У них еще оставались орехи, и какие-то красные ягодки. На куст этих ягод они набрали случайно: он просто вырос у них на пути. Сет сказал, что ягоды съедобные, и они набрали их достаточно. Вкус был кисловат, но для разнообразия годился.

А потом наступило время истории. Сет достал свою выдающуюся пачку сигарет и с блаженным видом подкурил от веточки. Он экономил сигареты, и целый день не курил, позволяя себе только вечером. Он посмотрел на Пита и Фэй, удобно устроившихся под старым деревом и сказал:

— Хорошо, тогда мой черед. Или, может, ты хочешь, Фэй?

— Нет-нет, я еще не решила, о чем могу и хочу рассказать.

— Ладно. Рассказчик из меня не супер, но как смогу...

— Да начинай уже, — сказал Пит и Сет начал.

9. История Сета

Случилась эта история, около восьми лет назад. Я тогда только-только начинал приобщаться к путешествиям. Все было в новинку, все как-то неудобно, то языка не знаешь, то законов другой страны. Это сейчас, мне уже все нипочем, смогу жестами объясниться с любимым. Не сиделось мне на месте и вечно куда-то заносило. Это отвлекало от... от разных мыслей и меня это устраивало. Такой поток новых впечатлений и информации излечит кого угодно, проверено. Путешествия мои носили спонтанный и бессистемный характер. Прибыв в одну страну, я мог увидеть в аэропорту проспект другой страны, купить билет и полететь туда. Иногда услышав интересный разговор, я прислушивался и отправлялся за впечатлениями других. У меня было мало эмоций и эмоции других людей могли меня зарядить. Сам не чувствуя этого восторга, я мог идти в толпе туристов и пытаться почувствовать то, что и они. Нет, некоторые места конечно поражали, но все это было скоротечно. Теперь, когда у меня самолет, чувства вернулись, ощущение полета и пилотирования поглотили все, но до этого я долго шел.

Прилетев однажды рейсовым самолетом в Полинезию, я, выходя из аэропорта, столкнулся с мужиком. Он, окинув меня беглым взглядом, быстро распознал во мне богатого туриста. Таким я и был. Это теперь я знаю, как выглядеть, чтобы ни у кого не возникало желания тебя облапошить. Он очень по секрету предложил мне показать неизведанные места, которые здесь больше никто не видел. Говорит, что у местного населения есть священные земли и что простому смертному там бывать не позволено. Но у него есть быстрый катер, и он знает здесь все и покажет мне такое, от чего я приду в восторг. Древние каменные статуи, города древнейших племен и неземной красоты водопады. Там по легенде любила плескаться их какая-то богиня и теперь нельзя туда ходить, а то вызовешь гнев богов. Я согласился. Нет, не то чтобы я был настолько наивен, что поверил во все эти рассказы, но подумал, что местный человек может действительно показать что-то интересное и не банальное. Так как из вещей у меня был только мой рюкзак за плечами и конечно моя кредитка, мы сразу же пошли с ним, и я даже не зарегистрировался в гостинице.

После кондиционеров аэропорта жара показалась невыносимой. Но Брэд, так звали моего провожатого, уверил, что как только катер отчалит от берега, про жару можно будет забыть. Все вокруг было вполне обычным, небольшие дома, здание гостиницы, вялые автомобили, пыль. Люди тоже были неспешными, никому не было ни до кого дела. Никто даже не глянул в нашу сторону. Мы дошли до берега и там действительно нас ждал небольшой катер. Поблизости никого не было, я слегка опасался, что это ловушка и на меня могут напасть местные жители, чтобы забрать деньги. Оружие я провезти не мог, так что приходилось рассчитывать на свои силы и интуицию. Я сразу же предупредил, что наличности у меня почти нет, только кредитка, но Брэда это ничуть не расстроило. Итак, мы забрались на борт катера и отчалили. Великолепная вода, брызги и свежий воздух тут же зарядили хорошим настроением. Брэд сказал, что вся поездка туда и обратно займет несколько часов, но поесть и пополнить запасы можно будет в местной деревеньке. Мы договорились, что я заплачу ему тысячу долларов. Понимаю, что для него это были огромные деньги, но мне не хотелось торговаться. Думаю, он назвал эту сумму просто так, а я возьми и согласись. Брэд постоянно что-то жевал, табак я думаю, и сплевывал все это за

борт.

Где-то через час мы, наконец, причалили к берегу какого-то острова. Он, как говорится, весь утопал в зелени, и видно особо ничего не было, кроме зеленых джунглей. Мы сошли на берег и Брэд сказал, что вот здесь и есть самое райское место на земле. Из всех островов этот единственный, куда нельзя приезжать туристам. Но мы сейчас пойдем и осмотрим здесь все. Мы зашли в джунгли и стали пробираться через них. Я уже сомневался во всей этой затее, и мне казалось, что здесь что-то не так. Но когда я обернулся, то не увидел Брэда. Кричать, звать на помощь, конечно, не хотелось, и я решил пройти немного назад, думая, что может Брэд отстал. Вернувшись назад, я его так и не увидел. Вокруг джунгли сомкнулись стеной, именно так мне и показалось. Я понял в тот момент, что все эти книжные высказывания имеют под собой почву и произносятся не просто так. Покрутившись, я все же увидел место, где недавно проходил: я отодвинул лиану, и она продолжала раскачиваться. Так я вернулся назад на пляж, скорее интуитивно, но может мне просто повезло. Подоспел я как раз вовремя, чтобы увидеть, как от берега отплывает наш катер. Ринувшись вдогонку, я уже тогда понимал, что это бесполезно, но ярость застилала глаза. Я бежал какое-то время по берегу, выкрикивая ругательства, но катер скрылся из вида. Я ругал себя, на чем свет стоит, и не мог понять, как мог быть так глуп? Второй вопрос донимал меня еще больше: зачем Брэду это понадобилось? Понимал я и то, что, скорее всего, это не просто злая шутка, тут что-то более серьезное, возможно, угрожающее жизни. Поэтому я взял себя в руки и отошел в тень джунглей. Я не хотел быть на виду, один одинешенек посреди пляжа. Но и в джунгли я зашел в другом месте, а не там, куда меня отправил мой проводник. Хорошо хоть у меня была вода, и я, усевшись на землю, решил подумать. Я был в незнакомой мне стране, о которой не удосужился даже проспекты почитать, какие здесь обычаи я не знал. Но в любом случае мне необходимо было исследовать остров и найти людей, если они тут были. Я пошел по-над берегом, не выходя на открытое пространство, но и не теряя воду из вида. Это было вернее всего, чтобы не заблудиться. Прекрасный пляж, белоснежный песок, почти никакого прибоя. Тишина, умиротворение, красота.

Так я шел какое-то время и, наконец, вдалеке что-то увидел. Я стал подходить ближе, но уже не спешил, так как не знал, что именно я там увижу. В тот день мне кажется, я стал намного более предусмотрительным, и решил быть как можно более внимательным. Так я зашел немного вглубь джунглей и шел по направлению к тому месту, где мне что-то увиделось. Подойдя еще ближе, я смог рассмотреть небольшие дома. Они выглядели как типичные хижины аборигенов. Круглые, из какого-то материала типа ротанга, крыша покрыта крупными листьями. Каждый домик был на возвышении, и к каждому вела небольшая деревянная лесенка. Вообще подобный вид домов вполне похож на обычные бунгало, которые сдаются сплошь и рядом туристам. Но никого поблизости я не увидел, и все это мало походило на туристский лагерь. Подходить ближе я не решался, поэтому устроил себе удобное местечко, сделал наблюдательный пункт и решил некоторое время подождать. Мои ожидания не оказались напрасными: спустя пару часов, в поселение вернулись люди. Их было около десяти, все мужчины. На вид они тоже были типичными аборигенами, каковыми мы их себе представляем. Короткие шорты, голые торсы, на голове намотаны белые повязки. Очень загорелые, почти черные. Они что-то кричали, жестикулировали и, похоже, были не в духе. Холодок пробежал у меня по коже, потому что я шестым чувством понял, что я и был причиной их отсутствия и недовольства. Я уговаривал себя, что сейчас 21 век и что уже всё везде покорила цивилизация, что нет места никакой

дикости и непредсказуемости. Но в голове всплывали образы людоедов, с косточкой в носу. Как раз недавно я где-то наткнулся на подобную картинку и читал, что еще сохранились племена людоедов. Правда они вроде поедали своих же сородичей, и численность их из-за этого катастрофически уменьшалась, но ведь, сколько всего в мире есть непознанного! Короче было страшно, и я лег и почти слился с землей, боясь пошевелиться. Через некоторое время они уселись в кругу под навесом из большой тряпки, натянутой на деревьях. Явно держали совет. Я встал и решил убраться оттуда подобру-поздорову. Пошел я в обратном направлении, придерживаясь того же маршрута, каким пришел сюда. Решил попробовать обойти остров с другой стороны, в надежде, что другая дорога приведет меня в более дружелюбное место. Воображение рисовало несколько яхт, смеющихся людей, обязательно толстячка в бермудах, в обнимку с длинноногой красоткой, лотки с едой, дымок и коктейли из кокоса с соломинкой. Я уговаривал себя, что накрутил себе невесть чего и потом буду чувствовать себя дураком. Так я шел, пока не стало вечереть. Никаких яхт, лотков и пива! Оставаться в джунглях ночью мне не хотелось. Ночевать на пляже, конечно, было безопасней, но если все же эти люди искали меня, то чего уж проще наткнуться на меня, спящего на пляже. С наступлением темноты я, правда, позволил себе выйти на берег и еще какое-то время брел по нему. Но усталость взяла свое, я почти ничего не ел целый день, и силы нужно было беречь. Поэтому я соорудил себе из упавших пальмовых листьев подстилку и улегся спать. Костер разжигать я, конечно, не рискнул, поэтому посреди ночи я проснулся от холода. Помучавшись так до рассвета, я побрел опять. Ну что ж, думал я, хотел опыт, хотел эмоции, хотел доказать, что могу, вот и получил.

Солнце стало согревать довольно быстро и стало немного веселей. Хотя пришлось снова укрыться в джунглях. Из-за этого шел я довольно медленно, огибая лианы и норovia запутаться в чем-то. Неба в джунглях не видно, из-за переплетающихся лиан и широких листьев деревьев, поэтому там все время сумрачно. Это навевает тоску и очень тяжело ориентироваться. Еще мне постоянно мерещились змеи, а в ветвях было много птиц и они часто неожиданно вспархивали прямо над головой и издавали разные звуки. В джунглях, насколько мне было известно, множество живности, но она очень пугливая и осторожная, так что никакие страшные звери мне на счастье не попались. Короче, к звукам джунглей надо привыкнуть, чтобы не вздрагивать от каждого шороха. Один раз в руку впилась огромная пиявка. Я с отвращением отодрал ее, и на этом месте образовалась ранка. У меня с собой оказался бактериальный гель для рук, и я смазал ее. Думаю, что это не дало развиваться инфекции.

Есть хотелось страшно, и я стал все время высматривать живность, чтобы хоть что-то съесть. Вода у меня тоже заканчивалась, и я очень боялся, что мне придется углубляться в джунгли в поисках воды. Совершенно случайно я наткнулся на какого-то зверька, не буду углубляться в подробности, — Сет бросил взгляд на Фэй, — но я его съел. Это дало мне сил брести дальше. А потом я увидел гору. У ее подножия была голая земля, казалось она стоит словно сама по себе, отдельно от этого райского уголка, словно ее по волшебству занесло сюда из другого мира. Ее вершина уходила высоко вверх и была скрыта облаками. Прямо как на картинках. Но, к сожалению, гора эта преграждала мне дорогу. Мне ничего не оставалось, как заночевать вблизи этой горы. Потому что начинало темнеть, идти назад было бессмысленно, углубляться в джунгли под ночь было глупо.

Так я провел свою вторую ночь на острове. Под утро я чувствовал себя настоящим отшельником, понимал все тяготы и невзгоды Робинзона, сбежавших из ГУЛАГа и

остальных несчастных, чьи мучения донесла до нас история. Никаким моральным терзаниям не было больше места, когда думаешь только о еде и воде. Так что я побрел вглубь джунглей. Пособирал росу с листьев, пожевал какие-то фрукты. Я понимал, что есть незнакомое не стоит, поэтому обходил стороной экзотические и аппетитные растения. Ничего не зная о той местности, было тяжело. Наконец попал на змею, почти ухватил ее рукой, и ее постигла потом та же участь что и зверька. Уже под вечер я раздумывал, где же мне заночевать, я слышал, что в таких местах безопасней всего залезть на дерево. Представлял я себе смутно как спать на дереве, но мне этого делать и не пришлось. Я совершенно неожиданно наткнулся на людей. На вид это были те же аборигены, а может другие, кто их разберет, они все на одно лицо. Как они мне обрадовались, завопили, заулюлюкали. Окружили кольцом. Их было человек семь и все меня трогали и тыкали пальцами. Скалили гнилые зубы и что-то друг другу говорили. Я уж было обрадовался, подумав, что мои опасения были напрасны, но они потом стали меня толкать, пихать и тащить куда-то. А один, увидев, что я явно вознамерился сопротивляться, очень неумело вынул пистолет. Выглядел он с ним точно, как обезьяна с гранатой и, похоже, его соплеменники тоже его боялись. Видимо наличие этой штуки делало его главным и очень гордым. Конечно, я его испугался и решил повиноваться. К тому же деваться мне все равно было некуда на их территории. Ориентировались они не в пример мне очень неплохо, и мы довольно быстро стали пробираться сквозь джунгли. Потом мы вышли к поселению. Все те же домики, какие я видел на другом конце острова или абсолютно такие же. К нам навстречу стали выходить люди. Не много, может человек двадцать. Только мужчины, ни детей, ни женщин. Все они радовались как дети и потащили меня куда-то.

Как я позже понял, это было углубление в скале, видимо той, что я видел накануне. Большая пещера, в которую меня затолкнули. Пещера была у самой воды и иногда волны ее затапливали. Когда меня туда запихивали, на берегу уже собрались видимо все жители поселения. Они дружно подналегли и задвинули проход большим камнем, оставив при этом небольшую щель. В нее я мог кое-что видеть: кусок пляжа, ноги аборигенов, кусочек неба. Осмотрев пещеру, я увидел, что она глубокая, а по стенам стекает вода. Было страшно. Я понял, что освободить меня никто не собирается и участь мне уготована неприятная. Не мог пока понять какая. Но явно ничего хорошего не предвиделось. Так и сидел и ждал наступления ночи. Потом смог задремать, прислонившись спиной к стене. Дно пещеры было неровное, влажное и спать на нем было невозможно. Со мной был мой рюкзак, никто его не конфисковал. Порывшись в нем, я не нашел ничего, что могло бы мне помочь. Мобильный, который не работал, книга, сигареты и зажигалка. Я даже не брал с собой необходимых вещей, таких как бритва, потому что со мной была моя кредитка, и я всегда на месте приобретал все необходимое. Путешествовал налегке. Нашел пакет с орешками, собрал воды со стен.

Стало светать. В щель мне стало видно светлеющее небо. Не могу сказать, что это меня радовало, ведь неизвестно что уготовил мне новый день. И тут я услышал страшный гул. Он раздался, потом прекратился и, казалось только для того, чтобы раздаться с удвоенной силой. Гудело что-то совсем поблизости, как мне показалось. А потом словно стены пещеры стали сотрясаться. На берегу слышались крики людей. Но они тонули в этом странном рокоте, идентифицировать который мне не удавалось. Ничего подобного раньше я не слышал. Словно гром, но намного более громкий и исходил он не с неба, а из земли. Крики стихли, люди куда-то убежали. Ничего кроме этого гула больше не было. Я чуть с ума не

сошел, сидя в темной пещере и слыша этот гул и рокот. Мне стало невыносимо жарко, казалось, этот жар исходил из самих стен. Думаю, что в какой-то миг я просто потерял сознание. Потому что, когда я очнулся грохот стих, и жар тоже стал спадать. Придя в себя окончательно, я стал кричать в щель и звать на помощь, пока совсем не обессилел. Я просидел так еще сутки и думал, что обречен. Вспоминал прошлое, горевал. Это было мучительно сидеть там взаперти, одному и ничем себе не помочь. Страшно. Это самое страшное, что со мной приключилось за много лет.

А потом я услышал голоса. Сначала я думал, что мне мерещится, но прислушавшись, я четко услышал людей. Я кричал так громко, что не мог и подумать, что умею так. И о чудо! Возле моего укрытия замаячили ноги, я кричал и в щели увидел лицо. Потом уже тот человек стал кричать и звать других людей. Они долгое время не могли отодвинуть камень, но потом им все же удалось сдвинуть его, и я выбрался наружу. Солнце слепило глаза, но у меня были солнцезащитные очки и, одев их, я ужаснулся увиденному. Остров было не узнать. Голая выжженная земля, вокруг кружит пепел. На пляже я увидел несколько человек и катер. Они были с фотоаппаратами и видеокамерой.

Как я потом узнал, на этом острове произошло извержение вулкана и все «аборигены», пленившие меня, погибли. И только я, замурованный в пещере, остался жив. Люди, приехавшие на остров, были научными сотрудниками и прессой. Я, конечно, не стал упоминать, кто я и хоть они и пытались у меня взять интервью, я, попав на «большую землю», слинял от них. Мне не составило большого труда отыскать Брэда. Он ошивался в местном баре. Чуть со стула не упал при виде меня.

Потолковав с ним, я выяснил вот что. Люди на острове не постоянные его жители. Они прибывали туда каждый год, чтобы принести жертву вулкану. Как бы дико это ни звучало в современном мире, но они якобы чтят традиции и много веков делали подобное. И за это вулкан не извергался. Участь же мне была уготована такая: начинался прилив, и пещеру постепенно затопляло водой, вот почему они оставили щель. Их бог не принял жертву в моем виде и уничтожил посланцев. Кто их послал, мне выяснить не удалось, потому что, по всей видимости, Брэд сам этого не знал. Ему хорошо платили за поставляемые жертвы. Вот и вся история.

— Ах да, спустя некоторое время я купил этот остров. Теперь он мой, — закончил Сет.

— Кру-у-то, — сказал Пит. — Это очень круто.

— Мы что летели туда? — спросила Фэй.

Сет улыбнулся и промолчал.

Теперь это было не важно.

10. День третий

Утром проснулись как обычно. За ночь ничего не случилось, никаких следов вокруг. Сет думал, что возможно это беспечно спать всем вместе ночью, не дежуря, но считал, что им всем был необходим полноценный отдых. Силы были очень важны. Его сон всегда был очень чутким, он сквозь сон слышал любые посторонние звуки, поэтому и решил обойтись без дежурств. Пока что все шло отлично. Он знал, что крупные звери могут их выследить, а потом преследовать, прежде чем напасть. Но Сет рассчитывал, что вскоре река их приведет куда-то. Вечером они снова проверили мобильники, но сигнала так и не было.

Все повторялось. Позавтракали, собрали лагерь, оделись.

Становилось прохладно. В это время года погода могла кардинально перемениться за одну ночь. Пока что им везло, но все понимали, что это ненадолго. Они прошли пару часов, и земля под ногами стала пружинить. Это могло говорить только об одном — река их привела в болото. Действительно вскоре река расширилась и, обогнув ее, они обнаружили, что она превращается в болото. На ней появилась поросль, кочки, которые могли уйти под воду, если на них наступить. Было решено попытаться обойти ее и продолжить путь. Так они шли еще какое-то время, а потом на них внезапно обрушился ливень. Упало несколько капель, и они остановились, подняв головы к небу и тут началось. Деревья конечно спасали, но они все равно мгновенно промокли до нитки. Пришлось останавливаться и раскладывать палатку. Хорошо хоть современные палки не требуют много времени, и чтобы разложить ее для того чтобы переждать дождь у них ушло не более пяти минут. Они скорее спрятались от дождя. Всем пришлось раздеться, чтобы не сидеть в мокрой одежде. Дождь мог идти хоть целый день и сидеть так абсолютно мокрыми был прямой путь подхватить воспаление легких.

Фэй не носила лифчик. Вообще, никогда. И это стало проблемой. Сначала она осталась в мокрой майке, тогда как Пит и Сет разделись до трусов.

— Тебе надо снять мокрое, не дело сидеть так, — сказал Пит.

— Нет, я уж как-нибудь, — ответила Фэй, но мокрая одежда, конечно, дала о себе знать — у нее стали стучать зубы.

— Фэй, ты заболеешь, — теперь уже Сет.

— Если хочешь, мы отвернемся.

— Ага, и будем так сидеть несколько часов.

— Есть плед. Он почти сухой. Так что раздевайся и закутайся в него.

Фэй так и сделала. Она тут же стала согреваться, на щеках появился румянец. Она закуталась в него, но все равно сидеть всем вместе в тесной, двухместной палатке было неудобно. Поэтому они постоянно пытались найти более удобное положение. Плед постоянно соскакивал и открывал взору ее обнаженное тело. Друзья усиленно пытались отводить взгляд, но это было невозможно. Фэй понимала всю ситуацию достаточно хорошо. Не то чтобы она стеснялась их, нет, но она понимала, что это напряжение не приведет ни к чему хорошему. Поэтому она старалась как можно меньше шевелиться вообще. Правда, ей вскоре стало невыносимо жарко в палатке, под пледом. Но тут уж Фэй решила держаться до конца. Дождь все шел и шел, и сидение — вот так втроем, практически без движения, стало для них чуть ли самым тяжелым испытанием. Мужчины через некоторое время уснули, а

Фэй совершенно не спалось, она лежала и слушала дождь. Она осталась наедине со своими мыслями, заглушить которые теперь не удавалось. Где-то она читала, что в выживании люди выигрывают или проигрывают битву в своем сознании. У выживших всегда есть стержень, что-то, что позволяет держаться на плаву, бороться, не сдаваться. Если уж с тобой случилось подобное, найди стимул. Выиграй в сознании. Люди выживали только потому, что верили в бога, или вели долгие беседы с кем-то воображаемым. У Фэй было целых два стимула. Они лежали рядом и мирно спали. Даже когда они были рядом, она все равно вела с ними беседы. Все время думала, а что на это сказал бы Пит или как поступил бы Сет?

У нее все это время, проведенное в лесу, не было ощущения, что она выживает. Да некомфортно, да голодно, да мокро. Но это все было не угрожающее жизни. Благодаря своим друзьям она чувствовала себя защищенной. Получала удовольствие от общения с ними. Но ей хотелось и большего. Все время хотелось. Она мечтала о физической близости и думала, что ее поведение могли бы назвать аморальным. Ее, наверняка, осудили бы все. Что сказала бы Лайт? Фэй даже представить себе не могла, что признается в этом Лайт. Получалось, что это тайна их троих. Но что может быть аморального в любви? Ведь она любила и Сета, и Питера. Что вообще делать в такой ситуации?

Перебирая в голове все любовные романы, прочитанные ею за жизнь, она не помнила ничего подобного. Любовный треугольник дело обычное, но также обычно главный герой или героиня любит кого-то одного. В памяти вырисовывалась только «Маленькая хозяйка большого дома», но простите... финал ее не устраивал. Насколько Фэй помнила, что девушка, не вынеся всего, пустила себе пулю. Время тогда было другое, моральные устои тоже. Фэй не видела повода убивать себя. Да даже если весь мир ополчился бы на нее, что вряд ли. Но были же еще чувства Сета и Пита. Впервые она задала себе вопрос, а ревнуют ли они друг к другу? Внешне это ничем не выражалось, но кто знает, что там у каждого внутри? Она бы ревновала. И не важно, какая была бы любимая подруга. Да когда-то они могли мириться с этим, но наверняка этому все равно вскоре пришел бы конец, даже если бы Фэй не уехала. Наверное, они ждали от нее решения? Она должна выбрать?

Однажды она прочитала в каком-то журнале, что, если не можешь выбрать напиши положительные и отрицательные моменты и сравни. Ничего из этого не вышло. Все было положительное с обеих сторон. И как тут выбирать? Она тогда закинула эту характеристику куда-то...

Пит был более приспособлен. Он всегда был в центре внимания, у него не было нехватки в женщинах. Он мог найти положительное в любой. Мог влюбиться. Мог быть романтичным и получать радость от общения. Он мог снова жениться и завести детей. Фэй плохо себе представляла, как бы она смогла общаться с его женой, но он был не безнадёжен.

А вот Сет... он чего-то все время ищет. Идеала? Совершенства? Он, наоборот, в любой девушке мог увидеть что-то не то, изъян, недоработку ее самой или всевышнего. Он не мог влюбляться, чтобы закрыть глаза на все. Искал подвох. Откуда в нем это?

И почему она должна решать, выбирать, мучиться? Она мечтала и об одном и о втором, но это была несбыточная мечта. Единственная мечта, которую невозможно воплотить в жизнь. Все можно решить, заработать, достичь, заменить чем-то близким. А здесь не получалось с какой стороны не подойди.

Мысли Фэй плавно перешли на то, что она должна что-то рассказать, но, хоть убей, не могла ничего придумать. С ней не происходило никаких таких вещей хоть отдаленно напоминающих приключения Сета и расследования Пита. Некоторые моменты своей жизни

она вообще не рискнула бы никому рассказать. Да и рассказывать про себя она не очень любила. Она, конечно, могла сочинять, но ей казалось, что это нечестно. Хотя они вроде не оговаривали, что история должна быть правдивая.

Постепенно дождь стал стихать, но уже вечерело. Вряд ли они куда-то пойдут сегодня. Сначала проснулся Пит, следом за ним Сет. Дождь стих, и они все вышли на воздух. Было свежо и чисто, все сверкало, и лес был умытым. Но это не радовало друзей, потому что им предстояло разжечь костер, а это было нелегкой задачей после такого дождя. Еды у них не было, и вся живность тоже попряталась от дождя. Речка заболотилась и Фэй просто не представляла, как выйти из этой ситуации.

На разжигание костра ушло чуть не два часа. Они разгребли место от мокрых листьев, потом нашли поваленное сосновое дерево и его иголки пошли в дело. Горели они быстро, но их было много. А после стали подкладывать маленькие веточки, а потом уж ветки покрупнее. Было дымно, но оказалось не невозможным, как сперва подумала Фэй. У теплого костра настроение немного поднялось, они стали сушить одежду. Фэй так и оставалась закутанной в плед и поэтому почти ничего не делала, потому что это было невозможно. Ее майка была довольно тонкой и подсыхала быстро. Очень хотелось есть. Она достала все их припасы, а именно: немного ягод и орехов, каштаны. Сет сказал, что раздобудет корней какого-то растения. Оно питательное и в нем много углеводов. Он ушел на какое-то время и вернулся с добычей. Фэй они показались отвратительными, но она молча пожевала их. Накипятили воды и сварили чай. Это хоть немного притупило чувство голода.

На ночь решили сделать силки, и Пит уселся их изготавливать. Тогда как Сет опять куда-то ушел.

— Расскажи о муже, Фэй, — попросил Пит.

Фей не знала, как воспринимать вопрос. То ли Пит серьезно решил что-то узнать, то ли просто хотел скоротать время за изготовлением силков.

— А что рассказать?

— Как вы живете? Какой он?

— Уверенный. Громкий. Всегда в центре внимания. Умеет смеяться. Знаешь, так заливисто хохотать, что все вокруг тоже начинают улыбаться, даже если не знают в чем дело.

— Он хороший человек, Фэй?

— Да, наверное, — в голосе Фэй не было уверенности. Вот если бы спросили о Питере она с уверенностью сказала бы что он хороший, а вот муж... К тому же бывший...

Пит оторвался от работы и внимательно посмотрел на нее. Фэй стала краснеть. Пит всегда умел так посмотреть, будто видел тебя насквозь и понимал все процессы, которые не заметны окружающим.

— Ты счастлива? С ним счастлива?

— Я не знаю Пит, жизнь — это ведь не счастье и несчастье. Всякое бывает.

«Бывало», — подумала она про себя.

Она заметила, что Пит недоверчиво смотрит на нее. Надо было как-то выпутываться. Он умел слышать, то, о чем ты хочешь умолчать. Поэтому Фэй сказала:

— В последнее время мы мало виделись. Он был постоянно в разъездах. Я тоже не сопровождала его, потому что занималась книгой. Отдалились немного, но это бывает.

— Да, бывает. — Пит доделал ловушку и удовлетворенно ее рассматривал.

Пришел Сет. Он был расстроен, видимо потому, что ничего не раздобыл. Посмотрел

внимательно на сооружение Пита:

— Прекрасно. Надо только ее протереть хорошенько мхом, чтобы убрать наш запах.

Они установили с Питом ловушку, и расселись вокруг костра.

11. История Фэй

— Ладно. Теперь моя очередь. Я все думала, что бы такое поведать... и, — Фэй сбилась, — да, писать как-то лучше выходит. Так вот я решила рассказать, как появилась моя книга.

— Вы знаете, что я довольно замкнутый человек. Годы ничего не изменили. И не то чтобы я специально стремилась к тому, чтобы быть одной, но так все время получалось. Это мне нравилось. Я всегда была одинока. А потом появился Остин, мы поженились и все очень изменилось. Остин был очень общительным. Он любит бывать на виду, ему необходима компания, просто как воздух. Надо рассказывать истории. Веселить людей, куда-то ехать и выступать, участвовать в благотворительных мероприятиях. Жизнь моя просто закрутилась. Фуршеты, наряды, сплетни, какая-то суета, беготня. У меня мобильный телефон просто разрывался все время. Я поняла, что люди обожают говорить по телефону. Сначала я даже не задумывалась над тем, как сильно изменилась моя жизнь. Потом поняла, что у меня не осталось времени даже задуматься. Мы приезжали с мероприятий в два часа ночи, а утром я бежала на работу, чтобы вечером меня опять куда-то унесло.

Однажды я проснулась в выходной день и как по команде подскочила и побежала в ванную. И только после того как на бегу почистила зубы, я поняла, что сегодня выходной и можно не спешить. В то утро я обнаружила, что со времени моего замужества я не написала ни строчки. Моя мечта уплывала, растворялась в мечте и суете другого человека, не оставляя место для меня самой. Остин говорил, что надо организовать фуршет, и я бросала все силы на это; он говорил, что надо подружиться с председателем какой-то комиссии, и я ходила с его женой по салонам и клубам. Я так самозабвенно отдалась этому, что забыла о себе. Что была такая Фэй Эппл, которая мечтала о чем-то и от многого отказалась ради этого.

Когда Остин проснулся, он хотел тут же отправиться играть в поло, а я, как верная вторая половинка, должна была сопровождать его, болеть за него и восхищаться. И я взбунтовалась. Сказала, что никуда не поеду и хочу провести день сама с собой. Он был недоволен, и так слово за слово мы поссорилась. Муж уехал, а я завалилась в постель с кофе и ноутбуком. Но как я ни старалась, я не смогла произвести на свет ни строчки. Не было идей, не было мыслей. В голове была пустота. Словно все эти званые вечера не оставили места ничему, кроме списка гостей, полезных знакомых, сплетен и тому подобному. Так я промучилась до обеда, потом решила вспомнить, чем же я занималась до замужества. Я читала, ходила в кино или смотрела фильм дома, могла пройтись по сувенирным лавочкам или просто по парку. Так я сидела весь оставшийся день: читала, смотрела фильмы, а когда стало уже темнеть, и жара спала, решила пойти прогуляться в парк. Одела удобную спортивную одежду и обувь и пошла, как говориться, куда глаза глядят.

Накануне был шторм и сильный ураганный ветер. Было объявлено штормовое предупреждение. Следы урагана были видны везде: множество упавших веток перегораживали тропинки, в некоторых местах я заметила поваленные деревья, мусор, перевёрнутые урны. Власти еще не успели навести порядок, и можно было окунуться с головой в последствия стихии. Людей не было, я наслаждалась тишиной и одиночеством. Брела по парку, думала обо всем и ни о чем, мне было очень хорошо. Так хорошо не было уже долгое время. Побывать собой и наедине с собой. Я зашла уже в самый дальний и темный

конец парка. Фонари во многих местах не работали, из-за урагана или по другой причине — не знаю. Я поняла, что, задумавшись, забыла об осторожности, и надо было поскорей отсюда уходить. Повернув, я слышала какой-то звук. Я остановилась и прислушалась. Вроде ничего, но когда я сделала еще один шаг, то слышала слабый вскрик. Я замерла и слушала. А потом слышала просто истошный вопль. Он исходил откуда-то справа из темноты. Потом все стихло. Я не могла поступить иначе, и просто пошла на звук. Я шла очень медленно, останавливаясь то и дело и прислушиваясь. Пройдя так метров тридцать, я слышала всхлипывания. Это был детский плач. Тут уж я не стала думать об осторожности и громко позвала:

— Эй, малыш?

Плач стих, а потом раздался крик:

— Мама, я здесь.

Я прошла еще несколько шагов, ничего не видя в темноте. В последний миг я увидела большую яму, она была совсем немного темнее ночи, и я заметила ее совершенно случайно. Еще немного и провалилась бы туда. Из этой ямы и раздавался детский плач.

Я легла на живот и спросила в темноту:

— Эй, малыш, ты там?

— Да, а где моя мама?

— Я не знаю, маленький. Ты упал туда?

— Да, — ответил ребенок и заревел.

Была кромешная тьма, и ничего не было видно, только очертания ямы. Видимо здесь велись какие-то работы, но штормовое предупреждение разогнало всех и рабочие так халатно отнеслись к своей работе, что не прикрыли яму. У меня не было ни телефона, ни фонарика и я растерялась. Глаза стали немного привыкать к темноте, и я увидела какой-то блеск. Переместилась немного в сторону и нащупал то, что блестело. Это были металлические скобы, которые использовались как ступеньки для спуска в яму.

— Там есть такие железные штучки на стене, потрогай стены и поищи, — сказала я.

Какое-то время он возился, а потом опять заплакал:

— Тут ничего нет.

Видимо они были слишком высоко, и он не мог дотянуться.

— Я схожу и позову кого-нибудь, хорошо?

Мои слова вызвали истерику. Он начал кричать так, что сорвал голос. Он умолял меня не бросать его одного. Что мне оставалось?

— Хорошо, хорошо, не плачь. Я сейчас спущусь к тебе.

Я нащупала ступени и спустилась. Это оказалось совсем не сложно, не смотря на темноту. Это была бетонированная яма, высотой метра три. Расстояние между скобами было довольно большим, последняя скоба была высоко от дна, и мне пришлось просто прыгнуть вниз. Как только я очутилась на земле, мне в объятия бросился мальчик. Он был маленький и очень худенький, весь дрожал и всхлипывал. Ему было не больше пяти. Курточка и штанишки были влажными, видимо в яме были лужи. В волосах я нащупала веточки и соринки, лицо мокрое от слез. Он так вцепился в меня, что я даже не пыталась высвободиться. Встала в полный рост, так и держа его на руках. Он хоть и был маленький, но весил, думаю килограмм двадцать.

— Как тебя зовут, малыш?

— Санни, — это он сказал, даже гордо, не смотря на испуг.

— Очень красивое имя. А теперь Санни, я тебя приподниму, а ты ухватишься руками за такую железную штучку. Это как ступенька.

Я его еле-еле приподняла, и он ухватился руками. Повис. Я уже понимала всю безнадежность этой затеи и ругала себя, что спрыгнула вниз, не подумав.

— Ты можешь подтянуться и достать ногами до ступеньки?

Какое-то время он болтался и не мог понять, что я от него хочу, но потом попытался. Затея была неудачная и у него ничего не получилось. Маленький слабенький мальчик, просто не мог подтянуться. Он стал кричать, что сейчас упадет, и я его подхватила. Поставила на пол. Попыталась заикнуться о том, что пойду за помощью и ребенок тут же начал трястись и заикаться. Я и не была уверена, что сама смогу подтянуться на этой скобе, но могла попытаться. Но Санни и слушать ничего не хотел. Я проклинала себя за то, что не взяла мобильник. Так хотелось побыть одной, забыть о цивилизации.

Я сняла с Санни его мокрую курточку и завернула в свою спортивную куртку. Она была легкой, но теплой и сухой. Потом осмотрела яму. Скорее ощупала, конечно. Бетонные стены, бетонный пол. Яма размером где-то три на два. В одном углу две широкие трубы. Видимо канализация. Хорошо хоть Санни не ударился о них при падении. На полу валялись ветки, листья, еще какой-то мусор, нанесенный во время урагана. Я помнила безлюдный темный парк. Кричать было бессмысленно. Вряд ли туда забредет еще кто-то. К тому же я боялась испугать и без того перепуганного ребенка.

— Знаешь, Санни, меня зовут Фэй.

— Что, правда? — в его голосе слышался восторг, — ты самая настоящая фея?

— Да, и мы обязательно выбреемся с тобой отсюда. Возможно утром. А так меня послали, чтобы я побыла с тобой. Расскажи мне, как ты упал?

— Я... у меня был доллар. А там был цирк, — он сбился, — а мама не разрешила, и я побежал сам, чтобы никто не знал...

— Ты хотел посмотреть на цирк и убежал без спроса? Поэтому мама не знает где ты и где тебя искать?

— Да, — он опять расплакался.

Я стала его утешать, а потом сказала:

— Давай ты мне поможешь. Надо собрать все веточки и листочки с пола в одну большую кучу. Давай?

Он не спрашивал зачем: раза так сказала фея, значит надо. Мы сгребли со дна ямы все, что там было в одну кучу. Потом разровняли ее, я постелила его курточку сверху, и теперь можно было сесть. Веток и листьев было не особо много, но все же лучше, чем голый пол. Я села туда, а Сани взяла на колени, он затих и успокоился.

— Постарайся заснуть, — сказала я.

— Мне мама всегда рассказывает сказку перед сном.

Я задумалась и поняла, что сказок я не знаю. Сколько я не силилась, вспомнить не могла ни одной. Я помнила много книг, определений, биографий авторов, а вот сказок... Видимо одно вытеснило другое, потому что в детстве я читала очень много сказок и была поражена, что не могу вспомнить ни одной. Тогда мне пришлось сделать то, что я делала всю жизнь, а потом разучилась. Я стала сочинять, придумывать на ходу.

— Жил был один мальчик, и звали его Санни. Однажды он убежал из дома и когда он бежал через парк, то куда-то провалился. Очнулся он в волшебной стране...

Мне пришлось рассказывать ему и придумывать истории всю ночь. Санни забыл обо

всем и тихонько слушал. А когда я останавливалась, потому что не могла придумать продолжение, он дополнял меня и придумывал сам. Он спрашивал про кого-то, и так рождались новые герои, новые места и приключения. Эта ночь в темной яме стала самой плодотворной в моей жизни. Наверное, по-хорошему я должна была указать Санни соавтором. У него было неумное детское воображение и пытливый ум. Иногда он так увлекался, что подскакивал и взалхб тараторил, а потом устав, снова садился мне на колени и требовал продолжения.

Посреди ночи случилось неприятное. Рядом с нами что-то упало. Звук был негромкий, глухой.

— Что это? — тут же встрепенулся Санни.

Я подумала, что поможет ветка, но тут раздался писк:

— Это крыса.

Она тоже провалилась сюда, как и Санни. Перепугалась, наверное, тоже не меньше, но от этого было не легче. Наше мирное существование было нарушено. Сидеть спокойной теперь было невозможно, зная, что рядом бежит крыса. А если она больная или бешеная? Я не знала, может ли крыса быть бешеной, но то, что она может больно укусить знала прекрасно. Особенно с перепугу.

Санни тоже весь напрягся и спросил:

— Она нас не тронет?

— Нет, конечно, нет, — ответила я, хотя такой уверенности у меня не было. Ее стоило поймать, но от этой мысли тошнота подкатывала к горлу. В ответ крыса опять запищала и заметалась. Звук ее противных лапок был хорошо слышен на бетонном полу. Возможно, если бы ее было видно, она не вызывала бы такого ужаса, но так как было темно и ползающая тварь была не видна, то воображение рисовало ее огромной. С собаку. Я надеялась, что у Санни не такое воображение как у меня. Но он прямо вжался в меня, что говорило о том, что он не воспринимает крысу милым домашним хомячком. Крыса дошла до одного края ямы, развернулась и пошла к нам. Мне и ребенку в этой жуткой темноте она казалась монстром, приближающимся к нам. Я представляла, как она дотронется до ноги или руки и мурашки бежали по коже. В яме, конечно, не было настолько темно, что хоть глаз выколи. Глаза привыкли, и некоторые очертания мы все же видели. Блеск глаз, светлые пятна рук и лица.

— Надо ее поймать, — сказала я. Провести ночь в темной яме само по себе ужасно, а вот еще и с крысой, было невозможно.

Санни был просто молодец:

— Хорошо, а как?

— Дай мне куртку, — я обратила внимание, что мы шепчем. Словно крыса не слышала нашего шепота. Он послушно снял куртку.

— А теперь встань здесь и не шевелись, — попросила я, начиная охоту. Я вглядывалась во тьму, пытаюсь уловить движение, и вслушивалась в шорохи. Если бы на дне остались листья, было бы проще услышать ее. Наконец я заметила ее и неловко бросила туда куртку. Крыса пискнула и ринулась в сторону. Я стояла слишком далеко и не добросила легкую куртку. Перебарывая страх и отвращение, мне пришлось продолжить охоту. Крыса поняла, что дело плохо и тоже притихла где-то. Прождав так какое-то время, я разозлилась. Пришлось посмотреть в лицо страху и пойти на пролом. Я вооружилась самой большой веткой, какую мне удалось найти, и пошла по яме, прощупывая дно. Скрыться крысе было невозможно. Наконец я наткнулась на нее. Она и не собиралась забиваться в дальний угол, а

сидела прямо посредине «комнаты». Когда я ее ткнула палкой, она побежала, но не очень прытко и я настигла ее и накрыла курткой. Она опять запищала, заверещала. Очень мерзкий звук... Что дальше? Куда ее? Умница Санни молчал и терпеливо ждал. Я взяла куртку, подвернув наподобие мешка, чтобы она не выпала и хорошенько размахнувшись, ударила ее об стену. Это было ужасно. Она заверещала и забилась. Взяв себя, в руки мне пришлось сказать:

— Санни, все хорошо, я почти поймала ее.

После чего треснуть ее еще раз об стену. Она затихла. Я хотела попробовать выбросить ее наверх прямо в куртке, но потом подумала, что куртка нам очень нужна, что Санни подхватит воспаление легких в бетонной яме. Поэтому развернув куртку, вывалила ее содержимое на пол. Нащупала хвост. Гладкий и твердый. Взяла его и подкинула вверх. Конечно, она не долетела и упала бы прямо на меня, не увернись я последний момент. Тогда я взяла ее покрепче и, вспомнив все навыки метания, которым нас учили в школе, раскрутила ее и выкинула на поверхность. В этот раз она благополучно долетела до цели.

Облегчение было несказанным, руки дрожали, но это была победа.

— Ну вот, она отправилась домой, — сказала весело я. Я и правда чувствовала веселье.

Санни поросился в туалет, и мы отошли в дальний угол.

После всего, мы опять уселись на нашу кучу, так словно это было самое привычное занятие в мире, и я продолжила сказку.

Пред самым рассветом Санни, наконец, заснул. Я тоже задремала, опершись спиной на стену. Впереди было очень тепло от тела мальчика, а в спину вгрызался жуткий холод. Пробирал насквозь, но я смогла вздремнуть. Очнулась, когда солнечный лучик потрогал лицо. Словно котенок лапкой. Уже рассвело, и я смогла увидеть мальчика. Светлые спутанные волосы, давно не стриженные. Белое личико, на щеке царапина. Это все что я пока видела. Так я провела еще какое-то время. Мне казалось, что вечность. Я боялась пошевелиться, чтобы не разбудить ребенка, но у меня затекло все тело, Санни казался пудовым, мне хотелось в туалет. Ноги затекли, и я их почти не ощущала. Думаю, прошел где-то час на самом деле, прежде чем Санни открыл глаза. Большие голубые глаза. Трогательно смотрел на меня, рассматривая точно так же, как я его недавно. Он был уверен, что видит настоящую фею. Хотя я на нее была и не очень похожа, но ему видимо казалось по-другому. Он потрогал мое лицо ручкой.

— Ты такая красивая фея, — сказал он.

— А ты очень храбрый мальчик, — ответила я. А спустя еще час мы слышали мужские голоса. Подняв головы вверх, мы увидели склонившиеся над ямой мужские лица. На них было такое удивление, что они просто молча таращились на нас. Наконец до них стало доходить, что произошло.

— Пресвятая дева Мария, — закричал один и перекрестился.

Придя в себя, они засуетились, забегали, один быстро спустился вниз и поднял мальчика, передавая другому, который уже протягивал руки. Потом посадили меня. Как только я оказалась на поверхности тут же увидела мертвую крысу, она лежала почти у самого края и могла снова упасть на нас. Это была обычная буроватая крыса, и я поскорей отвернулась. Санни стоял поодаль. Видимо, как только его подняли, он поспешил отойти от поверхности ямы. Я подошла к нему, и мы обнялись.

— Ну, а теперь пойдем искать твою маму.

— Мисс, мы это... — рабочие толпились и не знали, что сказать.

— Давайте проводим, у нас тут машина.

Отказываться я не стала. Мы сели в машину, и они отвезли нас в ближайший полицейский участок. Всю дорогу рабочие виновато молчали. Это были простые и грубоватые люди. Зла на них не было. Была только усталость.

В участке ждал сюрприз — заплаканные родители Санни. Они схватили его, мать рыдала, отец искал виновных. Рабочие тут уж не молчали и рассказали о том, какая я героиня. Видимо рассчитывали, что за рассказом о моем геройстве все позабудут об их халатности.

Мне удалось вырваться только через час.

Я попрощалась с Санни, а он напоследок сказал мне:

— Спасибо, фея.

А потом зашептал маме:

— Мамочка, это настоящая фея спасла меня.

А он спас меня.

Я вернулась домой и вместо того чтобы лечь спать весь день писала. А потом следующий день и еще целый день. Остин ругался поначалу, а потом привык. Стал отдаляться. А моя книга появилась на свет.

Вот такая история.

Фэй смущенно замолчала. Она знала, что рассказчик из нее никудышный, писать она могла куда лучше и быстрее.

— Это конечно не извержение вулкана...

— Почему ты все время занижаешь свои достижения? — спросил Пит.

— Да какое тут достижение? Кто бы поступил по-другому?

— Ну не скажи.

— В любом случае теперь обязательно почитаю твои сказки, — сказал Пит.

Сет как обычно отмалчивался. Фэй допила свой чай и пошла спать. Она не спала днем и изрядно притомилась, тогда как Пит и Сет выспались и остались у костра.

Когда она ушла Сет сказал:

— Ну и как тебе этот Остин?

— Политик... — философски ответил Пит.

— Я готов его убить. — Сет сказал это так обыденно просто, что Пит поверил его словам.

— Он не знает ее, Сет. Не видел той злости в глазах. Думает она ручная.

Сет усмехнулся:

— Дурак. Но это не помешает мне убрать его с дороги.

— А если она любит его?

— Кого? Этого? Да она говорила о нем в прошедшем времени. Ты не заметил?

— Да как-то нет.

— А я заметил. Она не может его любить.

— Ну, я так не уверен. Она же вышла за него. Что-то было и есть наверняка.

Сет какое-то время молчал. У него заканчивались сигареты, и это нервировало его. Он подкурил и посчитал, что в пачке осталось только три штуки. Надо было выбирать. Но там предстояло одержать еще одну победу.

— Знаешь, Пит, я ведь практически ничего не чувствую. Эмоции... когда надо я могу их наиграть, притвориться. Когда меня зовут на свадьбу — веселюсь, рассказывают анекдот —

смеюсь, на похоронах изображаю скорбь. Но это словно не настоящие чувства. Я помню, как радовался чему-то в детстве — хотелось прыгать до потолка, а когда случалась беда — плакал в подушку. Казалось, что мир на этом кончился. А потом такие яркие чувства ушли, почти ничего не осталось. Словно смылись дождем. Осталось равнодушие какое-то. Не то чтобы совсем, мне, конечно, было жалко кошку, сбитую на дороге, но появилась отрешенность. Внутри все время звучал голосок: «Ну и что?»

потом появилась Фэй, и я просто чуть на землю не свалился от силы эмоций, которые она вызывала. Это был шквал эмоций. Я иногда ее ненавидел, но так сильно, что тут же любил ее за это. Я просто не мог понять, почему она вызывала эти чувства. Каждый раз я уходил от нее и думал, что все пройдет сегодня-завтра и поэтому я уходил и не прощался. Но когда ее не было рядом, все опять было таким серым, без эмоциональным. Наверное, она права и в этом виноваты деньги моей семьи. У меня было все, и я ничего не терял в жизни, кроме родителей. Поэтому все приелось. Я был как тот из сказки «Холодное сердце». Спал на мягком, ел вкусно, а ничего не чувствовал. И я шел к ней опять за эмоциями. Как за наркотиком.

Может это смешно, может банально. Я не знаю Пит. Я никого не любил больше и может это и есть пресловутая любовь. Может у всех так, я не знаю. А потом она уехала... И просто все опять стало таким же, будничным.

Мне казалось, что я вынужден, буду всю жизнь притворяться, а я не хотел, не мог. Проще было уехать, покинуть страну. В странствиях никто меня не знает, никто не ждет от меня чувств, всем наплевать рад я или нет и почему печален.

А теперь она появилась опять и чувства тоже появились. Утром есть солнце и оно радует, ночь радует тем, что завтра опять будет солнце... — Сет смутился, — глупо звучит, да?

— По правде, да, — ответил Пит, и они оба рассмеялись.

— Поэтому я и говорю, что убегу его с дороги, — Сет опять стал серьезен. — Я не могу потерять чувства снова, опять где-то скитаться и искать эмоций.

— Сет, ты должен это ей сказать, а не мне. Мне кажется, она считает, что никто из нас не был всерьез ею увлечен.

— Как я такое скажу? Ты в своем уме?

— Я не про мужа, а про чувства.

— Все равно. А ты Пит?

Пит понял суть вопроса. Ему не надо было разжевывать, он понимал Сета с полуслова:

— Я могу уступить.

— Ему?

— Нет, Сет не ему и даже не тебе. Ей. Я могу уступить Фэй. Пусть будет так, как она хочет.

Ему показалось, что Сет задумался над его словами, но с Сетом никогда нельзя было быть уверенным.

Они еще посидели и поговорили ни о чем, а потом пошли спать.

12. День четвертый, пятый, шестой...

Поиски пропавших друзей вот уже четвертый день подряд начинались с рассветом. Они еще спали, а над лесом уже кружили вертолеты. Поисковые отряды отправлялись около восьми утра. Правда поиски их велись в двухстах километрах от того места, где они находились в данный момент. Но поиски велись очень активно. За Сета было объявлено вознаграждение в сто тысяч и от добровольцев отбоя не было.

То, что пропал самолет само по себе не вызвало бы такой шумихи. Но на борту были самые интересные и загадочные личности: Сет Морган и Питер Селби. Они и без того не сходили с первых полос газет, а тут такая сенсация! С ними была так же некая Фэй Эппл, до сих пор не известная журналистка. У нее как раз вышла книга, и она совершенно неожиданно для всех проснулась знаменитостью. То, что она была на том самом самолете, подняло ее рейтинги до небес. За эти три дня весь тираж ее книги был раскуплен, и издательство взяло на себя смелость напечатать дополнительный тираж в двадцать тысяч. Всех интересовало, кто же она и почему оказалась с ними? Остин, ее бывший муж, купался в лучах неожиданной известности. Журналисты атаковали его и днем и ночью, чтобы разведать что-то новое о его бывшей жене. Он не скупился на слова и расхваливал ее, как мог, подумывая о том, что теперь ему надо было бы вернуть Фэй. Она принесёт популярность, а может и связи. Он сам недоумевал, откуда Фэй знала этих людей, но надеялся, что никакая грязная история за этим скрываться не будет. А если нет, то возобновление отношений с Фэй принесет только положительное для его карьеры. Он скучал по ней иногда и был бы рад увидеться. Если она жива, конечно. В том, что ему не составит труда вернуть ее, он нисколько не сомневался. Он был по жизни абсолютно самоуверенным человеком, считал, что мир создан для того, чтобы он, Остин карабкался вверх. Ему даже было невдомек, что же там наверху будет, главное лезть вверх. И Фэй бы очень пригодилась. Он даже убедил себя, что до сих пор любит ее и не понимал, как мог быть так глуп и отпустить ее. Остин нашел подругу бывшей жены и попытался расспросить ее, о том, где Фэй познакомилась с этими двумя. Но Лайт знала не больше него самого. Она рассказала, что они были на вечеринке, а потом Фэй просто упорхнула. Сказала, что это ее друзья. О том, что она их знает, Лайт тоже слышала первый раз в жизни. Сказать по правде Лайт немного обиделась на подругу. Ведь ей казалось, что у них нет секретов, они доверяли друг другу самое сокровенное, как и принято у лучших подруг. Во всяком случае, Лайт всегда была честна, и не было ни одного момента в ее жизни, о котором она бы не поведала. А Фэй утаила такое! Когда самолет пропал, и все газеты затрубили об этом, обида Лайт прошла, и она очень волновалась. Поэтому девушка и согласилась встретиться с Остином, которого всегда терпеть не могла. Он разочаровал ее, как и она его. Лайт тоже разыскали газетчики, но она отказалась с ними разговаривать.

В конце концов, газеты все же раскопали правду. Выяснили, что все трое были из одного и того же маленького городка. Это объясняло, откуда они были знакомы. Журналисты продолжали вести расследование и рыскали по родному городу Фэй в поисках сенсации.

А Сет тем временем разбудил друзей пораньше:

— Пока нет дождя, надо идти. У нас вчера пропал целый день. Дождь может опять

пойти в любой момент, и мы потеряем еще день.

В силки попался дикий заяц. Фэй убежала на речку именно в тот момент, когда предстояло его разделать. Там она поплескалась подольше и когда решила, что заяц уже наверняка на вертеле, вернулась. Ее расчеты оказались верными, и оставалось только дожидаться его готовности.

Дни становились все прохладней. И утро было уже довольно холодным. Фэй всегда держалась как можно ближе к огню, потому что холод ее пробирал до костей. Согревалась она только в палатке под пледом. Все остальное время ощущала внутреннюю дрожь. Ей казалось, что она заболевает, но она не хотела говорить об этом, чтобы не нервировать друзей. Ей казалось, что этот запах дыма и костра никогда уже не вымоется из ее кожи и волос, ногти никогда не отрастут и кожа не станет вновь такой нежной как была прежде. Она убеждала себя, что она всего несколько дней в лесу, но ей стало казаться, что ничего кроме деревьев уже и не существует. Хорошо хоть у нее была ее сумочка. В ней была косметика, немного, но для того чтобы ощутить себя женщиной достаточно. Карандаш для бровей, тушь, помада. Помадой она, конечно, не пользовалась, подумала, что будет выглядеть глупо, если разрисуется в лесу помадой. А вот глаза подводила, это ее успокаивало и давало возможность почувствовать себя привлекательной.

Фэй очень боялась, что разболеется. И страшило ее не то, что она не сможет идти, а то, что с сопливым носом и красными глазами она точно потеряет всякую привлекательность. Все же она была женщиной. И ее волновали именно такие глупости.

Наконец, когда заяц был готов, они с удовольствием поели. После вчерашнего голодного дня этот дикий заяц, которого и прожевать-то было почти невозможно, показался просто божественным. Ей казалось, что она может съесть таких десятков.

Настроение у всех заметно поднялось. В лесу даже такая мелочь может поднять боевой дух. Заяц закончился намного быстрее, чем хотелось бы и, запив его кофе, друзья быстро собрали вещи.

Хоть они и отдыхали почти весь вчерашний день, сегодня Фэй дорога давалась нелегко. Ей надоел этот бесконечный лес, ветки, которые норовили выколоть глаз, насекомые, запах мокрой земли. Ноги болели, а темп, который выбирали мужчины, был явно не для нее. Она старалась не ворчать и не ныть, потому что понимала, что им надо идти как можно быстрее, но терпение ее было на исходе. Иной раз ей хотелось просто разреветься, но конечно позволить себе такого она не могла.

Теперь бедная Фэй периодически начинала плестись, и всем приходилось останавливаться и ждать ее. Она и сама не понимала, откуда эта слабость.

Как ни странно, но когда они обогнули часть болота, то наткнулись на другую реку, практически ничем не отличающуюся от прежней. Возможно, это была одна и та же река, которая расходилась по какой-то причине в разные стороны. Как бы там ни было, ориентир у них был, и ничего другого кроме как идти вниз по течению им не оставалось.

Так прошло еще два дня. Монотонность их пребывания в лесу ничем не нарушалась. До поры до времени.

Дело близилось к вечеру. Они разбили лагерь и разбрелись кто куда. Сет все время думал о том, что они теряют бдительность. Это однообразие заставляло забыть о том, что они в дикой природе, что здесь полно опасностей. Они еще ни разу с того первого дня не наткнулись на змею. Видимо уже было холодно, и они впадали в спячку, из диких зверей им попала только лисица с пойманным зайцем, и им удалось отбить добычу. Она просто

очень испугалась, когда неожиданно выскочила на них, вильнула в сторону, не собираясь делиться ни с кем. Но Сет тоже был голоден, поэтому он успел выстрелить в нее. Он не попал, но звук выстрела напугал лису еще сильнее, и она выронила добычу и скрылась в чаще. Это были все их приключения. Однажды они наткнулись на большую птицу на дереве и подстрелили ее. У них был огонь, палатка, еда, вода и общество, вот поэтому они и забывали об опасности. Сет не хотел им постоянно напоминать об этом, но старался следить. Он привык быть один и заботиться только о себе, и теперь ему было очень тяжело. Груз ответственности давил его. Пит всегда был весел, хотя сейчас он тоже устал. У них отросла щетина, они были помятые и уставшие. Фэй так вообще держалась еле-еле и все это видели.

В тот вечер Сет пошел к реке, а Фэй поскорей улеглась под деревом. Как только они устраивали привал, она ложилась и уже ничего не могла заставить себя сделать. Она все время думала, что если бы она была одна? Неужели легла бы помирать? Наверняка нет. Именно то, что о ней кто-то заботился и расслабляло больше всего. Если бы ей пришлось самой выживать, добывать еду и принимать решения, то она бы мобилизовала все силы. Пит ушел в лес на охоту, как он сказал. Было тихо, и Фэй погружалась в полудрему. Она очень любила это состояние, когда не спишь, но и не бодрствуешь, находишься на грани сна. Внезапно она услышала какой-то звук. Он заставил ее мгновенно открыть глаза и прислушаться. Звук был такой, словно кто-то очень тяжелый наступил на сухую ветку. Треск громкий, спугнувший птицу. Она всматривалась в пестрый лес, но ничего не видела. Она точно знала, что это не Пит или Сет. За дни их совместного проживания в лесу они научились распознавать друг друга, манеру передвигаться, научились идентифицировать звуки. Этот звук был не похож ни на что другое. Она старалась понять, откуда раздался звук. Но в лесу это было очень трудно. Она видела, что Пит ушел вглубь леса, а Сет пошел к реке. Комок подступил к горлу. Фэй пыталась взять себя в руки и трезво оценить ситуацию. Что ей нужно сделать? Больше всего ей захотелось оказаться рядом с кем-то и под их защитой. Поэтому она, недолго думая, встала и пошла к реке в поисках Сета. Он позаботится о ней. Найдет решение.

Сет решил искупаться. Он обязательно вечером шел к реке и проводил какое-то время в одиночестве. Ему нравилось спокойно посидеть, послушать звук реки и посмотреть на воду. Он мог, как мальчишка сделать кораблик из палочки и листочка и запустить его вниз по течению. Однажды он наткнулся на него спустя два дня и очень обрадовался. Именно такие вот маленькие моменты радости не давали ему захандрить в его вечных путешествиях. Он привык быть один, а тут общества был переизбыток. И хоть он любил Пита и Фэй, ему необходимо было одиночество. Поэтому он, как обычно искупавшись в реке, натянул джинсы и сел на берегу. Подумать, помечтать. Так уж вышло, что в тот вечер не он один решил там искупаться и помечтать. Совершенно неожиданно он услышал громкий треск и вздрогнул. Он всегда следил за звуками леса, но этот застал его врасплох. Звук был очень громким и раздался совсем рядом. Медленно поднимаясь на ноги, Сет боковым зрением что-то увидел. Повернувшись, он смог рассмотреть во всех деталях того, кто этот звук издал. Буквально в трех метрах от него стоял медведь. Именно тот, кого Сет ждал все эти дни, кого опасался и старался быть готов. Но именно сейчас он готов не был. Дело в том, что обычно медведи оставляют множество следов и могут идти за жертвой долгое время. Но этот видимо совершенно случайно оказался здесь. Так же само просто вышел к реке, за рыбой или напиться. И встреча с Сетом была для него столь же неожиданной, как и для самого Сета.

Медведь не сводил глаз с Сета, а тот тоже не мог оторваться. Так близко он никогда не видел медведя. Это был барибал. Не очень крупный, Сет прикинул, что около метра восьмидесяти. Гладкий черный мех. Медведь был видимо, молод, потому что его шкура просто лоснилась и блестела. Красивый и опасный. Ему уже пора было готовить себе место для спячки, возможно, оно было рядом или что-то спугнуло медведя. Сет не двигался. Его безразличие могло спасти ему жизнь. Сет не испытывал страха, опять словно наблюдал со стороны. Медведь тоже. Он повел мордой, пытаясь уловить запах. Сет вспомнил, что пистолет забрал Пит. Конечно, бороться с этим зверем было бессмысленно, пытаться убежать — опасно. Вряд ли и пистолет помог бы в данной ситуации. Калибр не крупный. На таком расстоянии он успел бы сделать один выстрел, который не убил бы медведя, а только разозлил. Насколько хватало познаний Сета — барибал не был агрессивен, его можно было напугать. Но сейчас, когда что-то не дало ему впасть в спячку, он становился опасным. Может болен? Сет никак не мог решить, что предпринять, а медведь сделал шаг к нему. Расстояние между ними сократилось очень заметно. Медведи всегда в поисках еды, им всегда мало. Большой вес и на одних муравьях не продержишься.

Краем глаза Сет уловил движение.

Фэй спешила к реке. Ей просто необходимо было увидеть Сета. Он всегда знал, что делать, всегда принимал решение. Мог защитить. Поэтому она чуть не бежала через лес. На плече у нее болталась ее сумочка. Она перекидывала лямку через голову и так привыкла к ней, что почти не замечала. Кожа от хождения по лесу на сумочке вся поцарапалась, и сумка пришла в негодность, но Фэй решила, что вернувшись домой, не станет ее выбрасывать.

Она почти выскочила на поляну, где стоял Сет. Девушка не видела никого и ничего вокруг кроме него. Она уже открыла рот, чтобы позвать его, но увидела, что он стоит, как-то неестественно замерев. Инстинкт Фэй тут же сработал. Она остановилась как вкопанная и проследила за его взглядом. То, что она увидела, привело ее в ужас. Если Сет мог спокойно наблюдать за этим огромным животным, то Фэй чуть в обморок не грохнулась. Она и в зоопарк-то ходить не любила, не могла понять, как люди так запросто рассматривают львов и тигров, чуть не вплотную приблизившись к ограде. Она могла смотреть на них только на большом расстоянии и то не получала от этого ни малейшего удовольствия. Однажды она заставила себя подойти близко и смотреть на львов, пока один из них не посмотрел на нее пристально и не издал жуткий звук, не то рык, не то крик. Сердце ушло в пятки. Куда приятней было наблюдать за мелкими зверьками или зебрами. Здесь, увидев медведя на расстоянии двух метров, она ощутила поистине животный страх. Он шел из глубин существа, не поддаваясь никаким аргументам. Единственным порывом было спасти свою жизнь.

И тут Фэй увидела, что ранее спокойный Сет при виде ее пошел вперед. Его намерения стали ясны для нее. Если бы она не появилась так внезапно, он, возможно, смог бы разойтись с этим зверюгой, но так как она выскочила прямо между ними, Сету ничего не оставалось, как защищать ее. Он пошел вперед, пытаясь переключить внимание медведя на себя. Ужас сковал. Ее писательское воображение вмиг изобразило Сета, раздираемого медведем. Он был таким маленьким по сравнению с медведем. Сет двигался медленно, но уверенно. Шаг еще шаг. То, что сделала Фэй в следующий миг, не поддавалось для нее никакому объяснению. Инстинкт самосохранения подвел. Она расстегнула сумочку и засунула туда руку. Она рылась в сумке, перебирая на ощупь находящиеся там предметы, не спуская взгляда с медведя и Сета. Вот Сет уже стоял перед ней, загораживая ее собой. Она, наконец, нашла то, что искала.

Медведь в недоумении смотрел на странного зверя, вставшего перед ним, и издал мощный рев. В тот миг, когда он решил подняться на задние лапы и продемонстрировать, кто больше и сильнее Фэй вышла у Сета из-за спины, сжимая в руках газовый баллон. Она нажала на клапан, и струя вонючего газа вырвалась из него. Этот баллон два года назад ей купил Остин. Она ни разу им не пользовалась, но он перекочевывал из сумки в сумку со всем остальным содержимым. Фэй перестала его замечать, и даже не была уверена, в том, что он сработает. Больше всего Фэй боялась, что неправильно повернет его и брызнет себе в лицо. Но все вышло как надо. Медведь опешил, заревел и отступил на шаг. Но Фэй, получив огромное удовольствие, сделала шаг за ним, не переставая нажимать на клапан. Медведь заревел и, приподнявшись на задние лапы, размахнулся и ударил лапой, пытаясь прекратить то, что вызывало такие ужасные ощущения. Он был дезориентирован и ударил просто наотмашь, куда придется. Так получилось, что он попал прямо по Фэй. Огромные когти распорили ей кожу от левой ключицы до правой груди. Кровь хлынула моментально. Фэй выронила баллончик и стала падать. Все это произошло в течение минуты, и Сет успел только подхватить падающую Фэй. Он сначала даже не понял, что у нее в руке и почему медведь отступает. Ослепленное животное ринулось в лес, натываясь на деревья. Сет был уверен, что теперь оно было не опасно. Отойдет оно еще не скоро и вряд ли вернется после такого. Будет избегать их пуще огня. Но тут он увидел, что майка Фэй уже насквозь пропиталась кровью. Подхватив ее на руки, он бегом бросился к лагерю.

Пит вернулся и сидя у костра, что-то напевал себе под нос. Увидев Сета с Фэй на руках, ему хватило нескольких секунд, чтобы понять, что дело дрянь. Руки у Сета покраснели от крови. Фэй не теряла сознания и смотрела скорее удивленно. Она почти не ощущала боли в тот момент. Адреналин от стычки со зверем выступил в качестве анальгетика.

— Что случилось? — воскликнул Пит. Одновременно он расстилал плед на земле возле костра.

— Встреча с медведем.

— Вот черт, — только и сказал он.

Они разрезали майку Фэй. Она хотела было воспротивиться, но потом заметила, что когти медведя все равно изорвали ее в клочья.

— Не шевелись, Фэй, — сказал Сет. Просто приказал и она подчинилась.

То, что предстало их глазам еще и в свете костра показалось ужасным. Четыре жутких глубоких борозды, от ключицы до середины груди. В одной виднелось что-то белое, скорее всего, кость.

— Я принесу аптечку, — сказал Пит. Он старался говорить бодрым голосом, но это получалось плохо.

— Вскипяти воды.

— Да вот как раз уже только закипятил.

В аптечке нашли обезболивающее и заставили Фэй выпить сразу две штуки. Еще немного и адреналин уже не поможет, она почувствует боль.

— Надо промыть рану.

Сет постарался сделать это как можно аккуратней, но руки дрожали. Фэй пока терпела, но он заметил, что губы у нее побелели.

— Всё, всё, давай перевяжем.

Антибактериальной мази не было, но был бинт. Его было недостаточно, чтобы перевязать такую большую рану, поэтому его использовали в качестве подкладки. Свернули

несколько раз и положили на рану, а на бинты пошла рубашка Сета. Она была из качественной плотной ткани, и удалось сделать хорошую перевязку. Стянули края раны, и теперь оставалось только надеяться, что природа сделает дальше сама свое дело и остановит кровотечение. Через пару минут они заметили, что бинты покраснели.

— По-хорошему надо было бы зашить, — тихо сказал Пит.

— Да. Надо бы.

Фэй стала засыпать или тереть сознание. Они не стали препятствовать этому. В данной ситуации для нее это было лучше всего. И давало им возможность собраться с мыслями и обсудить, что делать.

Друзей это происшествие настолько вывело из равновесия, что они обескураженно молчали. Сет все время представлял, что, если что-то и случится, то с ним, ну, в крайнем случае, с Питом, а не с Фэй. Он не был готов к подобному. Пит же вообще не думал, что с ними может случиться что-то подобное — максимум вывих.

Кровь вроде перестала просачиваться через бинты. Это было хорошим знаком. Артерия не задета, но раны очень глубокие. В аптечке Сет нашел антибиотик общего действия. Это вселяло надежду, что удастся избежать заражения.

— Что случилось? — спросил Пит.

— Фэй набросилась на медведя с газовым баллончиком.

— Ох уж эти женщины, они всегда при оружии, — невесело пошутил Пит.

— Она меня спасала, представляешь?

Пит хмыкнул:

— Вполне.

— А я вот не могу до сих пор в это поверить. Это как-то неестественно для женщины...

— С Фэй вообще все неестественно.

Помолчали.

— Что делать теперь? — Спросил Пит.

— Дождусь утра и пойду один. Это будет намного быстрее. Я приведу помощь. Вот увидишь.

— Сет, не вини себя.

— Не могу. Я пошел бы и сейчас, но все же разумней будет дождаться рассвета. А то так я далеко не уйду. Только заблужусь.

Фэй заворочалась, забормотала.

Пит потрогал ее лоб:

— У нее поднимается температура.

— Обезболивающие таблетки и жаропонижающие тоже.

— Видимо слабые. Не помогают.

— Надо дать антибиотики.

Они попытались разбудить девушку, но ее организм от этого отказывался. Тогда они просто растолкли таблетки, смешали с водой и влили ей в рот. Половина вылилась, но что-то она рефлексивно проглотила.

— Больше мы пока ничего не сможем сделать.

Пит положил ей на лоб влажную повязку.

— Что за медведь-то был?

— Барibal. Он сам бы ушел. Я так думаю. Хотя может он шатун или болен. Мы этого не узнаем в любом случае. Он теперь уж точно не вернется.

— Может перенести ее в палатку?

— Там жар может только подняться. Там душно, здесь ей будет лучше.

Так они и сидели. Поддерживали костер, тревожно поглядывали на Фэй. Когда стало рассветать, Сет принес хвойных иголок.

— Их надо заварить, в них очень много витамина С, больше чем в апельсинах в четыре раза. Будешь поить ее. Надо бы раздобыть еды.

— Все будет хорошо, можешь не беспокоиться. Я позабочусь о ней. Сейчас сделаю запруду на реке и обязательно поймаю кого-нибудь.

Сет все же колебался. Это было самым верным решением — идти нужно. Но и здесь сыграли чувства, которых он был так долго лишен: разум говорил иди, а сердце не хотело покидать их. Такое не свойственное ему смятение!

Сет заставил себя развернуться и уйти. Когда он уходил, его так и подмывало остановиться, обернуться, поцеловать Фэй и сказать что-то, пусть она даже и не услышит. Но он не позволил себе этого. Он шел и думал о том, сможет ли он вот так жить каждый день, думая о ней, испытывая тревогу и радость? Не сломают ли его эти чувства? Или все это притупится, уйдет? Может достаточно видеть ее раз в год и потом жить этими ощущениями?

Сосредоточившись, Сет все же выкинул все это из головы. Сейчас важно другое: выйти из леса, найти дорогу. Он не мог позволить себе все эти сентиментальные мысли, которые отвлекали. Сет вошел в свое обычное состояние, наострил уши и зрение. Теперь, когда он был один, он мог продвигаться намного быстрее. Его ноги безошибочно улавливали неровность земли, глаз подмечал ветки и корни, о которые можно споткнуться, звуки в тишине стали намного слышней. Через три часа пути он заметил, что река наконец-то стала расширяться, и еще спустя несколько минут он увидел, что она, наконец, приобрела масштабы настоящей реки, а не горной речушки. Течение ее было сильным, во многих местах закручивалось. Да и температура была низкой, но это не остановило Сета. Он знал, что сплавляться по реке намного быстрее и можно за час преодолеть такое расстояние, какое он не пройдет и за день. Поэтому он разделся и засунул свои вещи в рюкзак. Из рюкзака он сделал некое подобие воздушной подушки и бросился в реку.

Река радостно встретила его ледяными объятиями. У него захватило дух, но всего на миг. Он смог восстановить дыхание и, обхватив рюкзак перед собой, начал свой путь по воде. Плыл он ногами вперед, что позволяло отталкиваться от камней и бревен, встречавшихся у него на пути. В ином случае течение могло просто сильно ударить его о камни. Таким образом, Сет проплыл около десяти километров. Хотя ему было очень холодно, и температура тела стала падать, но настроение улучшалось с каждым километром. Он знал, что это путь к спасению.

Вдалеке Сет слышал рев. Это был ни с чем больше несравнимый звук, который он мог безошибочно определять — водопад. Надо было срочно выбираться из реки. Сет приложил максимум усилий, борясь с течением, иногда ему казалось, что он больше не может сражаться с потоком и его накрывала с головой мутная вода. Но он выплывал снова и снова, и наконец, достиг берега. Пока он боролся с течением, он уже не мог смотреть по сторонам, но теперь осмотрелся. Впереди действительно был водопад. Река сужалась и уходила в расщелину между скалой. Попади он туда, то не выжил бы.

Но теперь перед ним была еще одна не менее опасная преграда — скала. Чтобы обойти ее могло потребоваться очень много времени. Может день, а может и неделя. У него его не было. Сет мгновенно принял решение карабкаться на гору. Тут сыграл еще один фактор — вполне вероятно, что там наверху будет связь.

Сет потерял очень много энергии в ледяной воде, поэтому решил, что ему в любом случае надо восполнить силы. Организму была необходима еда, калории и отдых. Бросаться на приступ скалы в таком состоянии — было верной гибелью. Сет всегда трезво оценивал свои шансы. И хоть он и был опытным скалолазом, но рисковать не любил.

Непромокаемая ткань рюкзака оставила одежду почти сухой, так что Сет оделся и пошел в лес. Пистолет он оставил Питу, так что приходилось искать корни и то, что под

корнями. Он нашел старое древо, а там личинок. Противно, но питательно. На вкус тоже вполне сносно. Нашел корни, ягоды боярышника. Не сказать, что полноценный обед, но все же. Он вернулся и сел напротив скалы. Самое главное было изучить преграду. Поэтому Сет улегся под деревом и долго всматривался во все изгибы и впадины. Примерялся, искал, когда находил, переводил взгляд в другое место.

Эту технику он запомнил еще ребенком, когда отец впервые привел его на скалодром. Походу на скалодром предшествовала неприятная история, вспоминать которую Сет не любил. Ему было семь, и отец устроил прием дома в честь его дня рождения. Дом был полон людей. Конечно, это был не детский праздник, а скорее светское мероприятие, но многие пришли с детьми. Большинство из них были старше Сета. Они все куда-то постоянно убегали, загадочно шептались и пихали друг друга локтями. Сету тоже хотелось участвовать в их проделках, но он должен был вместе с родителями принимать гостей. Выдержав всю светскую часть он, наконец, смог улизнуть. Он тут же отправился на поиски мальчишек. Нашел их в дальней части сада, где располагалась старая часовня. Она была выполнена в готическом стиле. Ее шпиль уходил ввысь, и узкие окошечки поблескивали в свете луны. Кто-то сказал, что там, около шпиля есть потайное отверстие, куда монахи прятали ценности. Теперь было первостепенной задачей залезть туда и найти сокровища.

Никто не решался, но Сет, как хозяин и самый младший заявил, что ему ничего не стоит забраться туда. Он действительно довольно ловко и быстро преодолел половину пути, взбираясь по узким парапетах возле окошек. Но когда мальчик достиг середины и находился на высоте около пяти метров, то сделал непросительную ошибку и посмотрел вниз. Страх сковал его, и голова закружилась. Он с трудом смог удержаться в том месте, где находился. Но после этого не мог и шага сделать. Теперь ребенок не мог ни спуститься, ни заставить себя подниматься дальше. Снизу слышались нетерпеливые окрики, но потом все поняли, что произошло. Сет даже не мог заставить себя попросить их никому не говорить. Он просто стоял и обливался потом, когда пришел отец и еще полдома гостей и его дружно снимали с часовни.

Такого позора Сет никогда не испытывал. Он убежал к себе и, когда отец пришел за ним, то поклялся, что больше он никогда и никуда не залезет. Отец выслушал его, а на следующий день отвез на скалодром. Страх высоты не прошел, но Сет научился его контролировать и подавлять. Он не любил скалодром, но был благодарен отцу.

И вот теперь это могло спасти жизнь Фэй.

Скала была высокая, и путь предстоял нелегкий. Очень нелегкий.

Питу, оставшемуся наедине с Фэй, было очень страшно. Он проявил все свое актёрское мастерство, чтобы не показать этого Сету. Для него было естественно заботиться о ком-то, но что делать, если она умрет? Как он скажет это Сету? Как сможет пережить это в одиночестве? Фэй вся горела и не приходила в себя. Пит видел, что последние дни она и так себя плохо чувствовала. Видимо иммунитет ослаб совсем, и эта рана доконала ее. Он думал, что возможно надо размотать рану и посмотреть, не загноилась ли она, но решил, что пока не стоит. Все равно он не мог ничем помочь, мог только спровоцировать новое кровотечение.

Питер заварил еловых веток. Поставил их настояться подольше, а сам пошел к реке и сделал там заводь. Он не мог надолго оставлять ее одну, поэтому сразу поспешил назад. Вот такое сидение на месте его просто убивало. Он добавил веток в костер и походил немного, чтобы разогнать кровь. Наконец молодой человек решился попробовать разбудить Фэй. Ей необходимо было пить как можно больше. Он наклонился над ней и легонько потряс за плечо. Вопреки ожиданиям она открыла глаза. Слегка приоткрыла, но посмотрела на него внимательно и осознанно.

— Фей, милая, тебе надо попить. — Он стал поить ее отваром. Поначалу Фэй попыталась отвернуться, но он убедил ее в пользе данного напитка.

— Ты же умница, ты знаешь, как выживать. Это необходимо.

Она молча согласилась и приняла напиток. Пит дал ей еще таблеток. Что сделать еще он не знал. Наклонился и поцеловал ее в губы, и она едва заметно улыбнулась: хорошее лекарство.

Потом очень тихо прошептала:

— Не молчи. Расскажи.

Когда Пит целовал ее, он почувствовал такой жар от нее, что страх его чуть не парализовал. У него не было градусника, но жар явно был больше 40. Что делать если он поднимется еще немного? Как можно вообще болтать и что-то рассказывать, когда мысль только об одном?

Он стал говорить что-то, рассказывать истории из жизни, про свои изобретения, вспоминать новинки техники. Он не зал слышит ли его Фэй, потому что она снова закрыла глаза, но понял, что так ему самому легче. Он может считать, что делает что-то полезное.

Примерно в то же время, когда Сет добрался до скалы и раздумывал, как же лучше на нее взобраться Пит отлучился от своего дежурства по нужде. Он пошел не в том направлении, куда ходил раньше, а немного изменил курс. Просто ради разнообразия, и чтобы немного размять ноги. Он привык к лесным звукам, и они для него уже были тишиной. Поэтому, когда в лесную тишину врывался посторонний звук, слух тут же вычленил его. Пит остановился и прислушался. Это было равномерное гудение, спутать которое было невозможно. И правда, пройдя еще несколько шагов, он наткнулся на диких пчел. Пит, который с детства любил знаки и верил в знамения, воспринял это как дар судьбы. Он радостно вернулся к лагерю. Он насобирали сухого мха, завернул его в крупные влажные листья и привязал все это к палке. Потом в маленькое отверстие он просунул тлеющий уголек и закрыл его. Все его действия привели к тому, что у него получилась

прекрасная дымовая шапка. Разгореться мху не давали влажные листья, а вот дыма было очень много. Он отправился к улью и в скором времени смог разогнать и усыпить пчел. Огромные дикие пчелы могли нанести ему большой ущерб, возможно не меньший, чем медведь. Но, обезоружив их таким образом, он смог раздобыть мед.

Молодой изобретатель победоносно вернулся в лагерь и разбудил Фэй. Она упрямылась и не хотела выходить из забытья, но Питу все же удалось это.

— Смотри, что у меня есть. Самое лучшее лекарство — дикий мед.

Это действительно заинтересовало Фэй. Она всегда любила сладкое, а тут в лесу хотелось его нестерпимо. Поэтому она даже смогла улыбнуться и поесть немного. Он был потрясающе вкусным.

Глядя на это, Пит радовался как ребенок. Ему казалось, что раз Бог послал ему этот улей, значит это знак, что все будет хорошо. Его видение знаков еще никогда не подводило его.

Так прошел почти весь день. Фэй засыпала или впадала в беспамятство, Пит развлекал ее. Поил отваром. Ближе к вечеру он сходил к реке и вернулся с уловом. Он приготовил рыбу на костре, но заставить Фэй поесть так и не смог. Пит не знал, как переживет эту ночь. Она заснет, и он будет каждую минуту думать, а действительно ли она спит?

Потом потянулись долгие ночные часы. Фэй иногда бормотала что-то про маленькую хозяйку большого дома. Он слышал это название, но никогда не читал и не знал в чем там суть, и почему она вспомнила эту книгу. Потом она сказала, так громко, что он вздрогнул:

— А может это действительно единственный выход?

После этого она снова заснула, и он так и не понял, что она имела виду. Такой жар мог спровоцировать любые галлюцинации.

Спать Пит не мог, он сидел рядом и клал ей на лоб смоченные в воде кусочки ткани. В какой-то момент Фэй проснулась и попросила воды. Потом неожиданно спросила:

— О чем ты мечтаешь Пит?

«О том, чтобы ты осталась жива», — подумал Пит, а вслух сказал:

— О детях, Фэй.

Она улыбнулась:

— Я тоже. У Паолы не было детей.

Пит опять не понял, а Фэй снова уснула.

Когда Сет преодолевал трассу на скалодроме, он превращался в механизм. Отточенные движения, заученные с самого начала верно. С первых же дней инструктор объяснил ему, что самое опасное для новичка карабкаться по наитию. Это может быть интересно, но в корне неверно. У него вырабатывается неверная мышечная память и это приводит к нарушению техники в целом. Сет изначально не хотел этим заниматься, он не хотел лазать по наитию и делать что-то на скалодроме ради удовольствия. Вот поэтому он научился делать это профессионально. Заучил все приемы, повороты стопы, ног. Правильной хватке руками, распределению нагрузки.

Возможно, кто-то назвал бы скалолазание искусством, Сет же считал себя простым ремесленником. Ничего своего, только отточенное с годами мастерство. Он, не задумываясь, мог выполнить самый сложный трюк. Руки сами выбирали правильную хватку, корпус поворачивался как надо. В своих путешествиях он часто применял это умение. Эти навыки выручали его много раз. Конечно, в жизни приходилось применять не только классические приемы. Карабкаясь на дерево, он видоизменял их и подстраивал под ситуацию.

Но здесь и сейчас перед ним была классическая преграда — скала. Он воспринимал ее как очередную сложную трассу. Единственным отличием от скалодрома было то, что падать он будет не на маты. Его тело само знало, что делать. Запомнив свой путь в деталях, Сет начал восхождение. Носок ноги упирается в уступ, рука ищет нужную опору, поворот ноги, перенос веса, снова руки. И так далее. Как робот.

Рюкзак за спиной немного мешал, но Сет не мог оставить его. Он набил его листьями, чтобы на вершине скалы развести дымовой костер. Если сигнала там не будет, единственным шансом останется то, что вертолеты заметят дым. То, что их разыскивали, он не сомневался, но так как они сбились с курса, вероятно поиски велись в другом месте. К тому же с вершины он сможет правильно оценить обстановку и возможно понять, где они находятся и что делать дальше.

Не останавливаясь, Сет продолжал подъем. Узкая щель, рассекавшая скалу сверху донизу, очень помогала ему. Он просовывал в нее пальцы, и это было хорошей опорой. Тело устало, но знало свое дело. Он всегда поражался тому, что практически не думает в моменты подъема. Его пальцы сами знают, где можно ухватиться, а ноги — какой уступ не подведет. Человек может выработать в себе любые рефлексy и это его забавляло. Единственное, что отвлекало в этот раз, была мысль о том, что, если он сорвется именно сегодня, это может стоить жизни Фэй. И возможно и Питу тоже. Очень тяжело испытывать чувство долга и ответственности. Отвечать не только за себя. Приобретая любовь, теряешь покой навсегда.

Уже вечерело, а тут еще и небо затянулось тучами и стало очень быстро темнеть. Это заставило Сета поторопиться. Если пойдет дождь, шансы его забраться наверх очень сократятся. В темноте тоже заниматься скалолазанием гиблое дело. Ему пришлось удвоить темп, и в какой-то миг он потерял бдительность. Рука говорила, что надо поискать другую опору, а разум твердил, что и эта выдержит. В итоге рука заскользила и сорвалась. Спасло только выработанное с годами правило — вся нагрузка на ноги. Распределяй вес на все тело. Врожденное чувство равновесия удержало на уступе. Сердце выпрыгивало из груди, а перед глазами стоял осуждающий Пит.

Сет преодолел вершину в пятьсот метров, когда опустилась ночь. Выбравшись на поверхность, он облегченно вздохнул. Руки немного дрожали, но скорее от напряжения, чем от страха. Смотреть вниз было уже бесполезно — оттуда на него смотрела только тьма. Пронизывающий ветер завывал в ушах. Сет понимал, что ночь провести ему предстоит на этом небольшом пятачке голой скалы. Пару кустов цеплялось за жизнь на ней и немного мха. Вот и все его соседи этой ночью. Зато можно не бояться диких зверей.

Сет, пристроившись как можно более удобно под кустом, достал последнюю сигарету из пачки. Подкурить здесь было сложно, но, когда ему это все же удалось, он блаженно затаился и достал мобильный. С замиранием сердца включил его. Телефон просто невероятно долго загружался, проиграл приветственную мелодию. Сет в нетерпении курил. Наконец он загрузился полностью и стал ловить сигнал. Да! Вот он!

Сет, просто не веря своим глазам, набрал нужный номер. Через пару гудков на том конце услышал голос:

— Чем могу помочь?

— Меня зовут Сет Морган.

Ну конечно именно сейчас телефон предательски запищал, предупреждая, что батарея садится. Но все же это был телефон Сета Моргана, а значит самый лучший и надежный. Он постарался, как можно более кратко изложить суть проблемы девушке из службы спасения. К его радости она оказалось профессионалом, и без лишних вопросов оценила ситуацию.

— Оставайтесь на связи, пожалуйста. Мы постараемся запеленговать сигнал.

— Останусь сколько смогу, — сказал Сет, и устало закрыл глаза. Через несколько минут батарея разрядилась полностью. Сету оставалось только надеяться, что его сигнал поймали. Он постарался расслабиться и прилег на скалу, положив под голову рюкзак.

Сет чувствовал, что Фэй очень плохо, слышал молящегося Пита и знал, что эта ночь решающая. Заснуть он, конечно, не смог и провел самую ужасную ночь в своей жизни. На твердой скале, с ветром постоянно завывающим в ушах. Снизу из мглы доносились такие звуки, словно там было бушующее море и его вот-вот смоем вниз. Небо тоже было темно и в какой-то миг стало непонятно, где небо, а где бездна.

Но больше всего мешали собственные мысли. Он убеждал себя, что сделал все что мог, но голос внутри твердил, что недостаточно. Это был голос его отца, преследовавший его всю жизнь и не оставляющий даже здесь. Он словно стал снова тем ребенком, забравшимся на часовню, и ждущего спасения. Не важно, сколько тебе лет и что за жизнь у тебя за плечами — в глубине души все остаются детьми.

Сет дождался рассвета. Он забрезжил слабо-слабо в затянутом тучами небе. Небо слегка пожелтело, но теперь Сет знал, что оно точно наступит. Во всяком случае, для него. Его руки настолько окоченели, что не слушались. Он попытался размяться, поприседал, разгоняя кровь. Заставил себя выждать еще час, чтобы рассвет полностью вступил в свои права и приступил к выполнению второй части плана. Достав из рюкзака все, что там было, кроме листьев, он расположил его под кустом. На таком ветру доставать листья из рюкзака не имело смысла. Ему с легкостью удалось поджечь их. Так как листья были влажные, они создали хороший дым. Правда его сносило ветром в сторону, и он поднимался не вверх, а как бы стелился, но на этой высоте это было уже не важно. Если поиски велись где-то рядом, то дым заметят.

Рюкзак истлел, и последние листья тоже догорали. Как ни слаб был огонь, но всему настает конец. Сет всматривался вдаль. Ждать вертолета конечно отрадно, но он искал

направление движения. Бескрайний лес и больше ничего. Хотя... В одном месте лес как будто редел. Что это могло значить? Да все что угодно, но в его положении выбирать не приходилось. Он перевел взгляд вниз. Слезть с другой стороны скалы, не видя предварительно трассу, было сродни самоубийству. Сет собирался с духом, когда вдали раздался гул вертолета. Он замер и встретил летевших легким взмахом руки, как король, приветствовавший свою свиту. Таким уж он был.

Не менее бессонную ночь провел и Пит. Лишь перед самым рассветом он ненадолго задремал рядом с Фэй. Он слегка приобнял ее, как в первый день их встречи и, так и встретил рассвет. Лишь только свет стал пробиваться сквозь листву, и Питер смог рассмотреть ее лицо, он открыл глаза. Вглядывался в ее лицо. На нем не было ни кровинки, даже губы побелели. Она больше не бредила и не металась и кровь стыла в жилах от этого. Пит подкинул в костер веток. Он боялся узнать правду. Не хотел тормозить ее, не хотел прислушиваться к дыханию, приставлять зеркальце к ее рту. Так ему было лучше. Пусть хоть на время, но оттянуть неизбежное. Пока он не узнал, он верил, что она жива. Пит сидел и, глядя в костер, думал, что так он может просидеть и день и два, пряча голову в песок. Решил, что будет сидеть так, пока не придет Сет, и тогда они примут эту правду вместе. А один он был не в состоянии, это было выше его сил.

Он сел рядом с Фэй, взял ее за руку и так и сидел до тех пор, пока не услышал рев вертолетов. Но даже тогда не вскочил, не побежал никого встречать и размахивать руками. Вертолет покружил какое-то время и стал приземляться. Неподалеку была небольшая поляна, видимо ее спасатели и присмотрели. Рев мотора еще не стих, а к его лагерю уже спешили люди. Впереди Сет, за ним еще двое.

Наконец, они оказались рядом и попросили его отойти в сторону. Стали мерить пульс и суется над Фэй.

Сет встал рядом. Они стояли плечо к плечу, как перед судом и ждали вердикта.

Спасатели не понимали их душевных терзаний и не спешили. Потом что-то быстро заговорили по рации, и уже только после этого повернулись к ним:

— Она жива. Необходимо как можно скорей доставить девушку в больницу.

Плюнув на все, Пит обнял спасателя, сообщившего радостную новость. Бросив лагерь, они поспешили к вертолету. Сет не выражал так бурно свои эмоции, внешне оставаясь спокойным, но он чувствовал, что гора свалилась с плеч. Он сделал все, что мог. Теперь ответственность можно было переложить на чужие плечи.

— Да, ничего особенного.

— Обычная.

— Никакая.

— А вы видели ее пальцы на ногах?

Все захихикали.

Фэй всегда любила спать. Сон — это лучшее времяпрепровождение, в отличие от другого, он не надоедает. Поэтому она не хотела просыпаться. Но сон ее все время прерывался какими-то звуками. Она постоянно слышала разговоры каких-то девушек. Сначала Фэй думала, что это часть сна, но потом осознала, что это происходит на самом деле. Стала прислушиваться. Она уже знала голоса многих из них, в основном молодые девчоночьи голоса. Иногда, правда были и голоса женщин постарше. Они одергивали молодых, но не зло, а так, скорее, для вида.

Фэй никак не могла определить, сколько времени прошло, все сливалось в один час или день. Одни и те же разговоры, хлопанье дверей, скрипы, шорохи, смех.

Когда, наконец, ее сознание стало проясняться, она поняла, что говорят о ней. Мало того, это все новые и новые люди и приходили они полюбоваться на нее.

— Да и что все носятся вокруг нее?

— Она и не молодая.

— Говорят ей за сорок.

Пожилой голос:

— Дело ведь не в молодости, девочки. Может у нее душа светлая.

Все опять прыснули, даже пожилая.

Фэй было плевать. Ей надо было понять, где она и что тут делает. Для этого надо было окончательно проснуться и открыть глаза. Но делать этого так не хотелось. Хотелось спать и спать, уйти от всего. Ей снились хорошие сны. Интересные. Она всегда любила свои сны. Они давали пищу фантазии, ощущения. Иногда после хорошего сна Фэй просто летала целый день, будто с ней и правда произошло что-то такое фантастическое.

Фэй слегка приоткрыла глаза, просматривая помещение. Все белым-бело, понятно — это больница. А хихикающие девочки — медсестры. Ну что с них взять?

Их было несколько и стояли они в углу палаты, так что Фэй толком не могла определить их количество. Дверь раскрылась и в палату заглянула еще одна.

— Я из урологии. Можно посмотреть?

— Проходи, — посторонились медсестры.

Новенькая быстро мышкой юркнула в палату и подошла к кровати, на которой лежала Фэй. Склонилась и в этот момент Фэй широко раскрыла глаза. Новенькая из урологии подпрыгнула:

— Ой, мама!

— Не стесняйтесь, смотрите, — сказала Фэй. — А вот еще и пальцы на ногах посмотрите.

— Простите, — пролепетала девушка, попятилась назад и выскочила за дверь.

Ей было не так страшно, уйдет сейчас к себе в урологию и все, а вот те, что были в

палате, побледнели и молча уставились на Фэй. Одна непрерывно жевала жвачку, две другие попытались, наконец, что-то сказать:

— Здравствуйте.

— Надо сказать доктору.

Толкая друг друга, они пытались убраться из палаты, но жующая преградила дорогу.

Фэй откровенно веселилась. В таком положении она еще никогда не оказывалась. Она вообще еще не оказывалась в больницах. Судя по палате, ее положение здесь было привилегированным... Огромная комната, большое окно, телевизор на стене размером почти не уступал окну, все в цветах. Красотища! Именно в такой палате она бы мечтала очнуться, если бы у нее были такие мечты.

Девушка прокручивала в голове предшествующие события. Никаких провалов в памяти, черных пятен в сознании. Она все прекрасно помнила и оценила ситуацию абсолютно точно. Фэй помнила ранение, помнила, как ей стало плохо. Потом немного смутно, как сон, но поняла, что им удалось выбраться из леса и она в больнице. Судя по размаху, Сет и Пит где-то рядом. Конечно медсестрам невдомек, что они в ней нашли.

Непонятно было только, сколько времени она здесь провела. Фэй потрогала себя и нащупала перевязанную грудь, болевых ощущений вроде не было.

— Сколько времени я здесь?

На ее голос медсестры перепугано обернулись. Отозвалась жующая:

— Э-э-э, около недели.

— Шесть дней

— Пять и сегодня утро...

— Понятно, — отозвалась Фэй.

Медсестры прекратили попытки побега и теперь с интересом смотрели на нее.

— Как вы себя чувствуете? — наконец нашли, что спросить и вспомнив о своих прямых обязанностях.

— Вам чего-то хочется?

— В любом случае нужно сходить за доктором.

— Ну, сходите, — отпустила их Фэй.

Ей не терпелось узнать, где Пит и Сет, но спрашивать у них она не захотела.

Фэй и не знала, что больница в этом городке подвергалась атаке журналистов. Главный врач постарался обеспечить покой пациентке и держал оборону с ловкостью опытного полководца, но, несмотря на это, отдельные экземпляры все равно умудрялись проникнуть внутрь под видом посетителей и даже больных. Но так как Фэй все это время была без сознания, то была пока в безопасности.

Сету было не привыкать отгораживаться от журналистов. Применял он при этом простые фразы или просто равнодушно смотрел так, будто их и не существует, и они пасовали перед его высокомерием. А Пит, любимец публики, покорял всех своим радушием и его старались не тревожить понапрасну, просто потому что все любили.

Конечно, симпатии обслуживающего персонала больницы разделись примерно поровну. Одни без памяти влюбились в Пита (ну это, как водится), причем и мужчины, и женщины всех возрастов. Другие раболепно взирали на равнодушного Сета и мечтали снискать его внимания или хотя бы взгляда. Чувствуя свою никчёмность, такие люди считали, что рядом с ним они становятся значимее. Всегда находились и такие, которым нравилось, что ими

пренебрегают. Ну, а молоденькие медсестры, конечно, мечтали поймать удачу за хвост. Принарядившимися ходили все, стараясь улыбаться и создавать вид великодушных и терпимых. В общем, обычные женские уловки.

Фэй естественно терпеть не могла вся женская половина. На нее как паломники ходили смотреть все, искренне не понимая, что же в ней такого? Во всех закоулках обсуждали ее фигуру, волосы, ноги, руки и так далее. За книгой ее сказок охотились. Так как тираж был сравнительно небольшим, до их городка дошла пара экземпляров, которые теперь передавались из рук в руки.

В палату вошел доктор. Обычный мужчина лет пятидесяти, слегка лысеющий.

— Добрый день, — поздоровался он. — Очень рад, что вы, наконец, пришли в себя.

— Добрый день, доктор...

— Эйбрамсон.

— Доктор Эйбрамсон. Ну как я?

— Сейчас посмотрим.

Он посветил в глаза фонариком, заставил поводить глазами, потрогал пульс:

— У вас было тяжелое ранение, рваная рана, нанесенная, как сказали ваши друзья, медведем. Вы помните, что с вами произошло?

— Да доктор, именно так и было. Я помню, никаких провалов памяти.

— Это очень хорошо. У вас было сильное заражение, но нам удалось побороть инфекцию. Рана заживает. Вашей жизни не угрожает ничего. А так как и разум ваш не пострадал, то думаю, что в данной ситуации можно сказать, что вы легко отделались. Еще несколько дней мы вас понаблюдаем и отпустим на все четыре стороны. — Доктор тепло улыбнулся.

— А где мои друзья? С ним все в порядке?

— В полном. Они все время были здесь, но сегодня перед перевязкой, мы отправили их прогуляться. Думаю, что скоро они навещат вас.

— Да вот еще, что... Под стенами больницы журналисты. Может, вы хотите с ними встретиться? Пустить их?

— Я еще не решила, доктор. В любом случае сначала я хочу поговорить с друзьями. А еще есть.

— Ну что ж, поправляйтесь. Сейчас вам принесут обед.

Буквально через несколько минут в палату к Фэй ворвалась Лайт.

Она без слов обняла подругу и аккуратно присела на краешек кровати:

— Ну как ты?

— Все отлично. Правда, Лайт, чувствую себя хорошо.

— Что-то у тебя во взгляде нет спокойствия, — Лайт примечала малейшие изменения в настроениях людей. Сказывалась адвокатская практика.

— Где Пит и Сет? Пока не увижу их, не успокоюсь.

— Ах, эти... Да здесь они, никуда не денутся. Околачивались здесь просто до неприличия настойчиво.

— Вы не поладили? — Фэй развеселилась.

Лайт вскинула бровь.

— А сама как думаешь? Что у тебя вообще с ними может быть общего? Один высокомерный сноб, другой из пеленок не вылезет никак.

Фэй рассмеялась.

— Да, они именно такие.

Она так и продолжала улыбаться, когда принесли обед. Выздоровливающая Фэй сидела на кровати и уминала салат, когда в палате появились ее друзья. Им и не надо было друг другу ничего говорить, все читалось на лицах и в глазах. Фэй боялась, что то, что их соединило вновь в лесу уйдет безвозвратно в городе. Но ее опасения были напрасны. Все осталось по-прежнему.

Лайт заерзала на кровати. Ей надоело это молчаливое общение, в котором она не понимала ни слова.

— Хоть бы спросили, как у нее дела.

— Да, Фэй, как дела? — Воскликнул Пит и ринулся ее обнимать.

Он почти опрокинул столик с обедом, склоняясь к ней.

— Хорошо, чувствую себя хорошо. Ничего не болит, как ни странно.

— Это ненадолго, — радостно сказал Пит, — тебе колют обезболивающее.

— Ты меня очень обрадовал, — улыбаясь, сказала Фэй.

— Ну, а вы как? Как мы вообще выбрались?

— Сет залез на Эверест и поймал сигнал.

— Да какой там Эверест...

— Всё равно.

Лайт с интересом наблюдала за этой троицей. Как они все преобразились. Где тот высокомерный сноб? А Фэй прямо расцвела вся. А этот, может действительно такой и не притворяется хорошим парнем?

— Мне звонил Остин, он собирается сегодня прилететь, — сказала Лайт.

— Это зачем? — удивилась Фэй. — Потом спохватилась, ведь она для них все еще замужем, — то есть, конечно, да...

Такая реклама, разве можно пропустить?

— Что-то он не спешил, — зло сказал Пит. — Не обижайся, Фэй, но он мне не по душе.

Фэй промолчала. Что тут скажешь? Сет тоже молчал, хотя она видела, что его руки сжались в кулаки. Этого еще не хватает.

— Можно мне остаться с Лайт наедине? Женские штучки и все такое, вы понимаете...

— Ага, да. Может принести тебе чего? Конфет? — Пит все время помнил, что люди любят, и при любой возможности старался обрадовать.

Он и всех медсестёр в больнице радовал, носил конфеты, торты, дарил улыбки и веселые истории.

— Будет здорово.

Когда они вышли Фэй сказала:

— Они не знают, что мы с Остином в разводе.

— Почему?

— Так было проще. Долго объяснять. Тебе придется и с Остином провести беседу. Думаю, в сложившихся обстоятельствах он будет только рад. Везде найдет выгоду. Не удивлюсь, если он считает, что все еще любит меня.

— Он так и считает. Сказал мне при встрече.

Фэй закатила глаза. Ох уж этот Остин.

— Фэй, я хочу тебе еще кое-что сказать. Наверное, это должен сказать врач, но я не могу удержаться.

— Заинтриговала.

— Ты беременна.

Фэй думала, что это чудное пробуждение не может быть еще более волнующим, но оказалась не права. Она даже не знала, что сказать. В своих мечтах это известие проигрывалось несколько не так. Она вместе со счастливым родителем прыгает от радости, он ее подхватывает на руки...

— От кого, ты знаешь?

— Лайт, за кого ты меня принимаешь? Конечно, знаю. Но от этого не легче, а сложнее. Что-то меня потянуло в сон. Я хочу поспать.

Заряд у Фэй закончился так же быстро, как и появился, она легла и практически мгновенно уснула. Лайт вышла из палаты и отправилась на встречу Остина.

Фэй все еще мирно спала, когда в палату зашел ее бывший муж. Лайт встретила его и вопреки опасениям была очень мила. Это было неожиданно, потому что он знал, что подруга жены всегда его недолюбливала. А когда она рассказала ему, что он должен изображать любящего супруга, то в его сердце загорелась надежда. Он рассчитывал на то, что придется уговаривать Фэй, просить прощения, начинать ухаживания сначала. Он был к этому готов и готовил речи, ведя сам с собой непрерывный диалог. А тут такая удача! Фэй сама хочет этого.

В холле больницы он встретился с Сетом. Не узнать его он не мог. Это лицо и так постоянно появлялось в газетах, а после случившегося не знали его, может только младенцы. Остин порыскал глазами, но Селби не было видно. Сет равнодушно окинул его взглядом и отвернулся. Он не знал Остина, и его никто не интересовал. Ну и ладно, думал Остин, так даже лучше. Пусть Фэй сама нас представит.

Объяснив персоналу больницы, что он муж Фэй Эппл, он беспрепятственно прошел к ней в палату. Какая же она милая! Остин настолько убедил себя, что его любовь к Фэй не ушла, что его захлестнула волна эмоций, когда он смотрел на нее. Его разноречивые чувства были неотделимы одно от другого: привязанность, надежда, горячие воспоминания о сексе с ней. Все это порождало глубокое эмоциональное потрясение, объяснить которое, он был не в состоянии. Но доминирующим было чувство ревности. Если бы Фэй связалась с простым менеджером то, пожалуй, это не вызвало бы ничего, кроме досады. Но когда твоя жена оказалась нужна таким людям, как Морган и Селби, то волей-неволей задумаешься: а не сглупил ли ты? Не просмотрел ли что-то? Ему, как политику, это было непростительно.

Вот почему, когда Фэй открыла глаза, он чуть не разрыдался у нее на груди. Влюбленный Остин целовал ошеломленную Фэй, гладил по волосам и шептал слова любви. Она была так удивлена, что просто не могла вымолвить и слова. Она собиралась сразу расставить все точки над *i*, а потом дать понять, что между ними ничего не может быть. А при таком раскладе просто язык не поворачивался.

Фэй ничего не оставалось, как обнять Остина.

У Питера всегда была способность попадать в неловкие ситуации, оказываться в ненужном месте и в ненужное время.

Конечно, именно в трогательный момент воссоединения Фэй с мужем, он нетерпеливо заглянул в палату. Увидев ее в объятиях Остина, Питу ничего не оставалось, как решительно зайти внутрь. Питер Селби не страдал излишним тактом, поэтому всегда действовал от души, а уж перед неловкими ситуациями не пасовал вовсе.

— Здравствуйте, Питер Селби, — он протянул руку Остину.

— Добрый день, очень рад. Слышал о Вас много хорошего.

Питер внимательно разглядывал Остина. Заплаканное лицо, пожалуй, красивое, стройный, подтянутый. Как ни странно, он хорошо смотрелся рядом с Фэй, Пит должен был это признать. Почему-то в его представлении Остин рисовался эдаким деревенским увальнем, туповатым весельчаком. Конечно, раз он политик он не мог таким быть, и теперь Пит это понял. Да и с чего бы Фэй вышла за такого? Если ее выбор пал на него, значит, он был достоин. Интеллект озарял живое лицо, искренность в жестах и словах выработалась с годами. Пит живо видел его сопереживающее лицо в каком-нибудь доме для престарелых, когда он совместно с другими сотрудниками его предвыборной кампании выносит ночные горшки избирателей.

Да уж, Сет его возненавидит с первого взгляда. В его силах сделать так, чтобы этого Остина больше не было на горизонте. Пит не считал это правильным, но не собирался мешать Сету. Слишком одинок тот был.

— Я пойду, — сказал Пит. Он подождал мгновение, в надежде, что Фэй его не отпустит, но она лишь кивнула.

Пит умел ставить интересы других выше своих. Такой уж он был. И от этого он получал не меньшее удовольствие. Он сам так думал: если бы это не приносило ему удовольствия, он бы этого не делал. В конце концов, человек всегда делает только то, что хочет. Даже когда кажется, что нет другого выхода. Выбор всегда за тобой.

Он нашел Сета в кафе. Тот выглядел каким-то потерянным, словно впервые в жизни не знал, что делать. Или чувствовал себя не в своей тарелке.

— Я видел ее мужа.

— Я тоже, — ответил Сет. — В холле.

— Ты знал, как он выглядит?

— Попросил прислать на него досье. Вчера изучал.

— Понятно. И что? — не вытерпел Пит.

Сет угрюмо молчал. Потом сказал:

— Я все думаю, что ты мне сказал тогда в лесу. Что ты можешь оставить выбор ей. Сделать так, как для нее лучше. И что ты думаешь для нее лучше?

— То, что думаю я, может не совпадать с действительностью.

— Пит, не надо. Ты же не политик.

— Я не могу объективно все оценить. Ты мой друг, а он почти враг. Но, когда я зашел в палату, они обнимались.

— Понятно.

Когда они встали из-за стола Пит заметил, что Сет сжимает что-то в руках. Потом он бросил бумагу на стол и решительно направился к выходу. Пит задержался, чтобы посмотреть. На столе лежал рекламный проспект какого-то удаленного уголка Индии.

3. Фэй

Будучи прикованной к больничной койке, Фэй вся извелась. Ей необходимо было принять решение, но сделать этого в одиночку она не могла. Самое сложное решение в ее жизни и почему она должна решать одна? В конце концов, все они взрослые люди и если сеть всем вместе и поговорить, то они найдут решение. Смогут посмотреть друг другу в глаза и в сердца. Ее сердце открыто для них, они так много пережили вместе, что теперь точно что-то придумают. В ее планы на этот раз не входило исчезать. Она была не в состоянии на этот раз. Тем более что ребенок менял всё.

Фэй никак не могла отделаться от Остина, она оттягивала разговор с ним. В конце концов, она была не права, ведь дала ему ложную надежду, использовала его, а теперь передумала, и он оказался не нужен. Получалось некрасиво. А ее еще и постоянно донимали врачи, медсестры и журналисты. Остин настаивал на том, чтобы она приняла прессу, но Фэй претила эта мысль.

— Что я им скажу?

— Мы можем придумать речь...

Фэй фыркнула:

— Остин, ты не исправим. Какую речь? Я только что из леса, где меня чуть не разорвал медведь, а ты толкуешь о светской речи?

— Но это может поднять твою популярность. Как только ты расскажешь, как самозабвенно ринулась спасать человека...

— Отстань Остин, я не буду ничего и никому рассказывать. И насколько мне рассказала Лайт, то я и так на пике популярности. Звонил мой издатель — требуют дополнительный тираж.

Остин скрипел зубами, но пока что решил помалкивать. А Фэй пыталась выпроводить его из палаты. Бывший муж, как и во времена их совместной жизни, не давал думать и сосредоточиться. Не давал дышать. Она принимала какие-то лекарства и много спала, поэтому почти не видела Пита и Сета. Да и вообще с появлением Остина произошёл отчуждение между ними. Может, стоит поговорить только с Сетом? Фэй боялась, что он посчитает себя обязанным, привязанным. Сет был недоступен ее пониманию, да и Питер не мог пролить свет на его поведение, потому что и сам его толком не понимал. Фэй боялась разорвать тоненькие связывающие их нити. Она и не мечтала о совместной жизни, в ее голове не вставало подобного образа, но ведь она же обязана поставить его в известность? А может наоборот, сказать Питеру и посоветоваться?

Так она и лежала терзаемая этими мыслями, когда в палату, наконец, зашли эти двое. Остин тут же подбоченился весь, хотя и нацепил на лицо дежурную открытую улыбку.

Он хотел было толкнуть речь перед Сетом, но тот смерил его таким уничтожающим взглядом, что Остин умерил пыл и только сказал:

— Здравствуйте.

— Фэй, милая, — сказал Пит, — мы попрощаться.

— Как это? Не поняла?

— Ты уже не одна, а мы тут как бельмо на глазу для всех.

— Я думала, мы поговорим....

— Тебя выпишут уже через пару дней, и мы сможем встретиться, как только ты вернешься домой. Честно говоря, журналисты уже замучили...

Фэй поняла, что дело тут вовсе не в журналистах, а в Остине. Но заявить вот так при нем, что он ей не муж, и чтобы вообще выметался, пока она будет вести долгие разговоры со своими друзьями, Фэй не смогла. Она разочарованно переводила взгляд с Сета на Пита и обратно, а они отводили глаза. Вся ситуация была напряженной и какой-то ненастоящей. Всем хотелось только одного, чтобы она, наконец, закончилась.

— Хорошо тогда, — грустно сказала Фэй.

Они по очереди подошли и поцеловали ее в щеку. Потом ушли. Когда за ними закрылась дверь, Фэй пришло в голову, что Сет не сказал вообще ни слова. Хотелось плакать. Не все мечты сбываются.

Все равно это можно назвать «хеппи-эндом», не обязательно жить вместе долго и счастливо. Можно просто жить долго и счастливо.

Фэй впервые в жизни чувствовала умиротворение. Это было настолько незнакомое ей чувство, что она просто упивалась им. Не надо было никуда спешить, гнаться за счастьем, потому что оно было рядом, доказывать себе, что ты можешь больше и лучше, что ты стоишь чего-то в этой жизни. Она уже доказала и доказательство тоже было перед ней. Кто бы мог подумать, что так просто самоутвердиться в этой жизни? Что так просто стать значимой?

Вот поэтому за много лет, скорее всего, впервые в жизни, она чувствовала покой. Покой души и тела. Все внутри пело, и чувства переполняли ее.

В то утро она сидела на скамеечке около своего дома и любовалась океаном. За спиной у нее был ее дом. Теперь она могла позволить себе купить такой дом, о каком мечтала всю жизнь: просторный, но не большой, светлый и уютный. Но главное на побережье. Запах соленой воды, крики чаек и шум прибоя — об этом она мечтала полжизни. Вот поэтому Фэй каждое утро не уставала любоваться этим даром природы и чувствовать себя именно тем, кому природа хочет это подарить.

Она знала, что тишина продлится недолго, оставалось совсем немного времени, но эти минуты были только ее. Можно пробежаться к воде и намочить ноги, можно покидать хлеб чайкам, и уже через пару минут они поднимут гвалт вокруг нее, а можно просто сидеть и представлять, что все, что окидывает взгляд — твое. Люди приходили сюда редко, иногда пробежал кто-то по пляжу, иногда молодежь приходила на пикник.

С тех пор как молодая женщина купила этот дом, она практически никого не видела. Изредка Лайт забегала в гости. Но она была очень занятой, поэтому ей не удавалось вырываться часто. Остин поначалу пытался все вернуть и настойчиво носил цветы и навещал ее. Но вскоре и он понял, что Фэй хорошо вот так быть наедине с собой и прекратил свои попытки.

Фэй слышала кряхтение, доносящееся из дома. На лице тут же появилась непроизвольная улыбка, и она, легко вскочив, побежала в дом. Минуты спокойствия закончились.

По комнате шел малыш, он только-только научился ходить, поэтому вышагивал гордо и осторожно. Он был молчун, не кричал и не звал маму, все хотел сделать сам. Но слух Фэй был настроен и на его молчание, и малейшие звуки она распознавала откуда угодно и тут же спешила к нему. Он и был причиной ее умиротворения. Разве нужно что-то еще, когда рядом с тобой ОН?

Подхватив сына на руки, Фэй расцеловала его в обе щеки. Он как настоящий мужчина спокойно вынес это и показал ручкой на пляж. Это тоже был их совместный ритуал. Он так же любил пляж и воду, как и мать. Поэтому мать и сын каждое утро выходили к воде, и Фэй опустив его на песок, весело наблюдала за тем как малыш убегает от волн. У нее всегда был запасен хлеб, и они обязательно кормили чаек. Строили из песка, собирали ракушки.

Фэй поражалась тому, что ей это ни капли не надоедает. Возиться с ребенком было просто счастьем. Когда он спал, она писала сказки, набирающие все большую популярность, и постоянно думала о том, что счастлива. Хоть и была она привязана теперь самыми прочными нитями, но чувствовала свободу, которой ей недоставало всю жизнь. Разве было теперь что-то, что могло ее остановить? Помешать делать то, что она должна?

Если и была тоска у нее в душе, то она ушла так глубоко, что Фэй забыла о ней и не позволяла вырваться на поверхность.

К ним подбежал их пес. Большой золотистый ретривер. Он тоже был свободолюбив, а Фэй никогда не хотела ограничивать чью-то свободу. Поэтому он ходил, где хотел и возвращался, когда считал нужным. Он фыркнул и приветственно ткнул носом малыша, нарушив неустойчивое равновесие, и тот упал. Пес стал облизывать его, а малыш хохотать. Фэй снисходительно наблюдала за их возней, а с лица не сходила улыбка. Солнце поднималось, и сейчас они все пойдут завтракать.

Фэй услышала шуршание шагов по песку. Это был ее пляж, и она знала все звуки, которые только могли быть здесь. Она узнала эти шаги, и сердце радостно рванулось из груди. Сзади на нее упала тень. Она не поворачивалась, продлевая удовольствие от долгожданной встречи. Малыш и собака затихли, с интересом разглядывая пришельца.

Фэй оживала и чувствовала, что та тоска, загнанная вглубь растворяется и исчезает навсегда.

А в голове пела мысль: «Мечты все-таки сбываются».

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net